

КСЮРА НЕВЕСТИНА

Annotation

Если бы кто-нибудь спросил у меня об отношении к магии, я бы улепетывала со всех ног от сумасшедшего. Только кто мог подумать, что четырехминутное опоздание на междугородний автобус кончится экстремальным полетом в другой мир? А все из-за чего? Из-за случайно наведенных адептом Огненной Академии эротических снов, которые крепко связали меня с одним из местных мужчин, и часть его дара утекла в меня. Привезли, напугали и вынудили учиться контролировать дар. Как бы не пришибли ненароком, а то знаем мы, как в фэнтези-книжках бывает!

- [Ксюра Невестина](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
-

Ксюра Невестина
В объятиях его снов

Глава 1

Ничего на свете хуже не-е-ту... — помните старую песенку? Да-да, в ней мужик из бременских музыкантов пел, что на свете все-таки ничего нет лучше, но то — не про меня. Ольга Волкова в моем лице каждый будний день с понедельника по пятницу и по субботам просыпалась в полпятого утра, умывалась, одевалась и бежала на междугородний автобус, чтобы успеть в универ к восьми часам и тридцати минутам утра.

Первый год был адом, второй оказался попроще, а как пролетел третий, я и вовсе не заметила. На четвертом курсе везение кончилось, а отсутствие романтических отношений аж с девятого класса сказывалось в крайне жесткой форме. Мне начали сниться сны с чисто «немецким» содержанием. (И почему мне не снились платонические свиданки, мм?) Пускай бы снились, если бы ко всему прочему я не озвучивала их содержание вплоть до самого тихого стога.

Именно на четвертом курсе родной деканат осчастливил меня, вдруг найдя местечко в общежитии, от которого я была вынуждена отказаться. Как жить в одной комнате с несколькими соседками, если по ночам устраиваешь феерические концерты? А как могло быть хорошо, если мне хотя бы последние два года не пришлось вставать спозаранку! Как только представляла чудесное пробуждение не в полпятого утра, а в полвосьмого... аж слезы на глазах выступали да по щекам скатывались! Поспать подольше — райское наслаждение!

Но сегодня я умудрилась беспечно проспать, добивая оформление курсовой работы «все по ГОСТу», и сейчас вынуждена не бежать, а лететь в сторону трансгентства. Рейс на шесть утра всегда (кроме летнего сезона отпусков) самый ходовой, включая субботу и воскресенье, но народа на остановке не толпилось. На часах, к моему крайнему разочарованию, значилось «шесть-ноль-четыре», и потому остановка пустовала. Автобус ушел, даже не помахав задком на прощание перед тем, как свернуть влево, уходя на вторую посадочную остановку на другом конце города. Даже ни одного такси у входа в трансгентство не приютилось, а потому успеть туда мне не светило.

Стоило давно выкинуть на помойку древнюю, как мир, игровую

приставку sega. Если бы не она, то повторное оформление курсовой работы не растянулось почти на всю ночь, подпортив только вечер. Но нет! Разве я могла отложить в сторону «Легенду воина-мага» ради какого то-там курсака, который сдала в прошлом семестре, и на сегодняшний день он не грозился срезать мне стипендию? Конечно же нет! И, как любой нормальный студент, заявляю: уж лучше бы легла спать пораньше!

«Между мной и универом кило-метров шесть-де-сят», — мысленно пропела я и поплелась в кассу, чтобы получить еще одну порцию разочарований. Между городами автобусы ходили с разницей в сорок минут, и полноватая дама соизволила сообщить, что на ближайшие два рейса все билеты раскуплены. Чего и следовало ожидать. Я б еще двадцать минут постояла и тогда пошла спрашивать про билет. Смогла только шестичасовой сдать и сесть на скамью ожидания. Вдруг кто сдавать придет или попутка отыщется?

Безбожно клонило в сон, и мне пришлось заскочить в привокзальный буфет и затариться тремя одноразовыми стаканчиками кофе. Продавщица покрутила пальцем у виска, сопоставив быстрорастворимый кофе «три-в-одном» и черные круги под глазами, которые даже тональник с консилером скрыть не смогли. Притом вчерашний тональник и сегодняшний консилер на скорую руку. Из-за ограниченности во времени даже накраситься нормально не успела.

Третья порция кофе закончилась быстрее, чем я сумела заметить окончание первой и второй. Перед глазами, как наяву, появились накачанные руки мужчины-любовника из сна с вязью темно-бежевой татуировки, опоясывающей правый бицепс. Прямые светлые волосы, как у металлиста, достигали груди.

Мужчина из сна, как мужчина из киноролика длительностью не более двадцати минут, исключительно в спальном комнате с желто-золотыми обоями сначала обнимал меня, невинно лаская руками талию, бедра, грудь. Он целовал шею, плечи, окутывая нежностью и чувственной страстью. Изнемогая, я что-то тихо шептала, глядя его руки и, поворачивая шею назад, целовала все, до чего могла дотянуться.

Похожая, как на бицепсе, вязь оплетала тазовую зону над пахом и укутывала значительную часть спины. Каждый раз, как выпадала возможность, я пробегала пальчиками по округлым линиям татуировок, практически сливавшихся с естественным оттенком кожи... Голова

стукнулась о стол, опрокинулись пустые пластиковые стаканчики, и я очнулась.

Никакого мужчины из сна, естественно, рядом не было. Я сидела на белом пластиковом стуле, сжимала в руке одноразовый прозрачный стаканчик и чувствовала на себе не ласковые руки и страстные губы, а презрительный взгляд продавщицы буфета. Впрочем, я старалась не замечать завистников, не сумевших поступить на бюджет. Я-то пять лет отмучаюсь и работать пойду, буду зарплату хорошую получать, а она уже мучилась за сущие гроши.

Протерев заспанные глаза кулаком, очухалась и, бросив стаканчик к двум «друзьям», сунулась в сумку за косметичкой. На кулаке остался знатный отпечаток туши, и что осталось на глазах, я знать не хотела, но исправлять приходилось. Слава богу, все оказалось не так страшно, а в сумке помимо всякой всячины нашлась упаковка влажных салфеток. Справиться с неводостойким макияжем не первой свежести они смогли, притом более чем успешно. Затем стряхнула три пустых одноразовых стаканчика из-под кофе в урну.

— Машина в..! — запричитал некто мужским голосом, и я, обернувшись, подскочила, услышав привычный зов водителя попутки. Парень, по виду студент-старшекурсник, поигрывал ключами, подбрасывая их в воздух и, поймав, сжимал в ладони. — Ольга? — спросил он. — Поехали!

Парня я не узнала и могла поклясться, видела его впервые. Но он знал меня, назвал мое имя, а значит точно студент одного со мной университета. А могло случиться и такое, что мы зачислены на одну кафедру. Не теряя времени даром, я подбежала к парню, кивнула, подтверждая, что поеду, и последовала за ним к выходу из здания трансгентства. Время не успело улететь далеко, и на машине оставался весьма реальный шанс добраться до универа вовремя.

Спрашивать имя парня стыдно. Если уж он знал мое, то и я должна была. Теоретически. Но я даже не помнила, чтобы хоть раз сталкивалась с ним. В студенческих пьянках я ни разу не участвовала (больше из-за непереносимости горького вкуса алкоголя, нежели из-за омерзительного междугороднего сообщения), а потому забыть парня с пепельными (весьма экстравагантным цветом, я бы сказала!) волосами забыть не смогла бы ни за что на свете.

На улице нас ждала Черная Молния — старенькая Волга,

выкрашенная в черный цвет. «Зато не в кредит», подумала и приготовилась подмерзать в машине точно также, как и в рейсовом автобусе. В таких машинах кондер работает на «итак сойдет», но лучше ехать в плохой машине, чем тоже не очень хорошо сидеть в пластиковом стуле буфета или на деревянной лавке в зале ожидания. Лето давно закончилось, осень в самом разгаре, и она радовала не только рыже-золотой одежкой деревьев и листопадами, но и первыми заморозками. Поплотнее укутавшись в короткую куртку с синтепоновой подкладкой, я села в салон и не обнаружила ремня безопасности.

«Окей, док. Едем до первого гаишника». Впрочем, моего случайного водителя отсутствие ремней безопасности не смущало, ведь ему самому пристегиваться банально нечем. Если мне не изменяла память, то ближайший пост как раз по пути из города, и шанс, что сегодня служебная машина на прежнем месте отсутствовала, невероятно мал. Доехать только до КПП не хотелось. Тогда уж пусть довезет до микрорайона, то есть до второй междугородней остановки. Там сяду на частную маршрутку, рейсы которой каждые сорок минут, и также быстро доберусь до места назначения.

Машина завелась без проблем, пока я копалась в сумке в поисках кошелька. Рассчитывать на халявную поездку не стоило, так что распрощаться с возвращенным кассиром стольником я приготовилась, как услышала «машина в». Кошелек нашелся в тот момент, как машина газанула вперед. Он выпал из моей руки, сумка тоже перевернулась, вывалив содержимое на автомобильный коврик стандартной черной расцветки. Я испуганно схватилась за поручень над дверью и за спинку водительского кресла. Остановите, я сойду! Я жить хочу! Вот ни разу интуиция меня не подводила! Один минус — она подавала голос слишком поздно.

У меня перехватило дыхание, дар речи пропал, а парень меланхолично вглядывался куда-то вдаль и практически не управлял, сложив руки в замок на руле. За те сорок секунд, что мы выезжали на трассу, огибающую городское озеро, я успела перебрать все свои студенческие грехи, даже самые мелкие: будь то отказала списать контрольную по алгебре на первом курсе или поставила маленькое кофейное пятнышко в углу чужой лекционной тетради. Грехи побольше находились с небольшим трудом: вспоминать скачанные с интернета решения задач по физике (когда мои одноклассники платили за них

сторонним решателям) и курсовые, написанные по чужому примеру с подстановкой своих данных, не хотелось.

Спидометр зашкаливал под максимальные двести сорок, я кричала немедленно остановиться, а парень повернулся ко мне и недоуменно заморгал, как безмозглая «уточка»! Он не следил за дорогой, машину трясло и подбрасывало на каждой дорожной неровности. Я поклялась жизнью, что больше никогда не сяду в машину к незнакомцу. Никаких попуток и такси. Лучше сама права получу и буду ездить на черепашьей сороковушке. Хотя про «сама» — это я перегнула палку. Где взять деньги на машину, если ты студент, а родители до сих пор расплачиваются за ипотеку?

«Только бы он никого не сбил» — чуть не расплакавшись, я закрыла глаза, забыв, что на трассе пешеходных переходов и светофоров не было, а дорожка по боку трассы поздней осенью непопулярна у велосипедистов. За ней шла кромка озера, и любительские навыки плавания при аварии не спасут. Только бы живой выбраться на твердую землю! Несчастную машину тюлюпало из стороны в сторону, я уже была готова выпрыгнуть из нее на полном ходу, но страх переломать руки-ноги удерживал от необдуманных действий. Пропущенный завтрак сыграл на руку: рвать нечем!

— Сразу видно, огненная, — авторитетно заявил парень. — Только среди ваших труханы обнаруживаются.

— Следи за дорогой, придурок! — закричала я, и машина вильнула в сторону.

— Какая еще дорога?!

«Что он только что сказал?» Боязливо приоткрыв один глаз, я ахнула. Дороги, действительно, не было. Только хмурое небесное полотно с недостигаемыми серыми облаками вокруг. Я закрыла лицо руками. Мы уже врезались в одно из деревьев, что рядами стояли между велодорожкой и крутым берегом? Перевернулись на обочине под пригорком железной дороги? Или вышли на встречу и поцеловались с ауди или жигуленком? Или?.. Как много «или» перебрал мозг, прежде чем остановиться и передохнуть, а то и передо́хнуть.

Боже, дай мне силы очнуться и позвонить в скорую! Но мечтам моим сбыться не дано: погода портилась, тучи сгущались и темнели, вдали грохотал гром. Я попыталась сползти под сиденье и нащупать смартфон, но парень подтянул меня за шкурку обратно на сидение и

вытащил из бардачка тоненький пластиковый конверт для хранения документов альбомного формата.

— Читай! — сказал парень, хлопнув конвертом мне по груди. — И подписаться не забудь. Я совсем забыл. Надо было до вылета подсунуть. Если бы ты не опоздала...

...то я бы села в автобус!

Тем не менее, желтый конверт я раскрыла и вытащила оттуда стопку листов примерно в двадцать штук. В верхнем колонтитуле вырисовывалась неадекватная надпись: «Образовательное Магическое Содружество Огненная Академия». На этом месте я положила конверт и стопку листов на колени и взглянула в зеркало заднего вида. Мое лицо от страха побелело, едва не посинев, темные волосы растрепались и глаза красные от ночного бдения. Если это сон, то парень слева от меня...

Медленно, как в третьесортном ужастике, повернула голову влево и спокойно выдохнула: он полностью одет, и ширинка не топорщилась. Для эротического сна завязка слишком длинная, только если у этого парня нет цели привезти меня к «хозяину». Нет-нет, будь это сон, то основные действия уже давно начались. Других — нормальных — снов вот уж как целый год у меня не бывало. Но тогда что происходило со мной? Новая разновидность сна? Или... реальность? Нет-нет, реальностью это быть не могло ни в коем случае! Только если меня слегка глючит. Или не слегка...

— Прочитала? Подписывай! — посоветовал парень. — Эх, знала бы ты, какую честь тебе оказали! Не каждую иномирянку в академию приглашают.

И почему я не оказалась этой «не каждой»? Жила себе спокойно, сдала бы сегодня прошлогодний курсовой, который в деканате через шредер пропустила ассистентка со психа перед увольнением. А сейчас проходила аттестация универа. Оттого мне, как и еще нескольким студентам, пришлось заново распечатывать курсовой и заверять у доцента. У страшно принципиального доцента, который никогда ничего просто так не подписывал. Не меньшей трагедией вырисовывался норматив по скалке всего через два часа. Физручка обещала, что после сдачи норматива отпустит нас на все четыре стороны. Последний семестр с физкультурой! Радость-счастье покончить с физрой преждевременно!

Меня подначивало спросить у парня, все ли хорошо у него с головой? Но облака за окном говорили, что с головой плохо у меня. Договор на возмездное оказание образовательных услуг у меня в руках, существование которого в реальном мире весьма сомнительно, добавлял масла в огонь. Мы все-таки разбились. Только бы меня в больнице откачали! Помирать вот так, в автомобильной аварии из-за того, что проспала и не успела вовремя добежать до автобуса... Обидно, черт возьми! Не для того я четвертый год впахиваю, как проклятая, в универе, чтобы в один момент потерять все.

— Почему не подписываешь? — удивился парень и размял плечи. — Там все элементарно просто.

— Особенно пункт про оплату, — фыркнув, я ткнула пальцем в середину шестнадцатого листа. — А сейчас я учусь на бюджете. Я, потвоему, дура?

— А что ты хотела? — передразнил парень. — Элитное образование дешевым не бывает. Бесплатным и подавно.

Я вообще ничего не хотела, кроме как вовремя явиться на физкультуру. К небу за окном с полетом в волге немного пообвыкла: никогда не думала, что, хотя бы во сне, смогу почувствовать на себе, что значит «ехать» в Черной Молнии. Со временем машину перестало дергать из одной стороны в другую (а то и верх-вниз), и путь стал намного легче и комфортнее. В течение путешествия от начала и до самого конца с подозрением поглядывала на парня, нервирова его. Его состояние легко отследить по частоте постукивания кончиков пальцев по рулю.

— Нет-нет, что ты, — засмущавшись, я отвернулась. Не могла сказать, что от сна ждала именно то, что получала на протяжении года. — Лучше верни меня туда, где взял. И как можно скорее. У меня, между прочим, сдача нормативов на носу.

— Чтобы потом моему куратору влетело? — усмехнулся парень и как крутанул рулем влево. Я замерла, зажмурилась и схватилась за поручни. Пронесло. — С удовольствием. Только потом влетит мне, и это будет уже не так весело. Воздушная академия всегда выполняет взятые на себя обязательства!

— Воздушная академия? — уцепившись за непонятную фразу, под шумок объяснений запихала листы обратно в конверт не подписанными. — Ты имеешь в виду военно-воздушную академию

Жуковского?

В ВВС грезил попасть один из моих школьных одноклассников, с которым я была вынуждена уживаться за одной партой последние два года перед ЕГЭ. Хотя... о чем это я брежу? Волга только в «Черной молнии» полетит, но никак в реальной жизни! Мы точно разбились. Только бы ничего серьезного. Родители не потянут несколько серьезных операций и длительного лечения. Как с ипотекой потом кредит отдавать? Уж российские проценты не чета тем же корейским, где семь — это «а не оборзели ли вы часом?»

— Нет, — уверенно не согласился парень. — В военной академии воздушники, огневики, землятники и водники с духами учатся вместе. Только на разных факультетах. На гражданке пять стихий разделены по пяти академиям. Конечно, каждый мужчина проходит четырехсотдневное обучение в военной академии, но мне туда только в следующем году. Или уже в этом? Надо будет расписание глянуть.

Оштрафовать того, кто выдал парню водительские права! Небеса посветлели, и гнев в душе постепенно стихал, заменяясь чувством безрадостной обреченности. Раз меня так глючило и не спешило отпускать, то дело совсем плохо. Черная Молния пошла на снижение, и под облаками простиралась терракотовая Огненная Академия, которой грозились и парень, и договор возмездного оказания образовательных услуг, оценивший себя в незнакомой валюте.

Сверху терракотовый замок больше всего походил на звезду: он состоял из пяти высоких сооружений, которые соединялись между собой исключительно практически незаметными с высоты небес тропинками. Вокруг замок охватывало три уровня стен с небольшими промежутками между ними. Настоящий средневековый замок, а не образовательное учреждение! Да и много ли средневековых замков я видела в живую, а не на картинках в интернете и в европейских кинолентах, если в моем городе нет ни одного дворца?

Шутка ли, но чем ближе мы подлетали к академии, тем большее возбуждение охватывало меня. Началось! Все, как в небезызвестном кино: завязка, развитие действия и развязка. Только завязка отчего-то растянулась практически на полтора часа. С чем связана задержка, я не знала и знать не хотела. Я могла уснуть на лавке в зале ожидания, не выдержав бессонной ночи. Меня могли обчистить, ведь камер слежения в трансгентстве не было. Я могла уснуть на переднем сидении волги,

что казалось мне самым разумным и реалистичным вариантом. Уснула еще до того, как «Черная Молния» начала набирать катастрофические обороты до зашкаливающего спидометра.

Мы медленно спускались к земле, и я радовалась, как ребенок. Не предстоящему походу в школу магии и волшебства, естественно, а тому моменту, когда наконец выйду из проклятой машины. А вдруг ведение рассеется, и парень-водитель потребует сотку за проезд. О, это было бы потрясающе! С удовольствием ни с чем не сравнимым отдам злополучный столярник и распрощаюсь с седым парнем и его волгой раз и навсегда. Но не повезло.

Зато какое счастье объяло порочную душу, наконец ступившую на твердую землю! Машина приземлилась, заглох мотор, и я, рванув ручку двери, сиганула на пожухлую осеннюю траву. Запнулась о бортик, естественно, покачнулась и угодила лицом в ворох желтых и рыже-коричневых листьев. Если бы парень рассмеялся, я бы его придушила.

От листьев, прилипших к губной помаде, избавилась в два счета. На счет три издохла от жары в синтепоновой куртке и вынужденно сняла ее. Затем встала на ноги, отряхнула земляной песок с утепленных джинсов и обернулась. Парень с недоумением во взгляде смотрел на меня, привалившись к машине и положив локоть на ее крышу. Я еще раз отряхнулась, откинула волнистые волосы за спину, чтобы не липли к неудачно купленному блеску для губ и вернула взгляд.

Рубашка, джинсы, кроссовки — кроме цвета волос сероглазый парень ничем не отличался от любого другого студента-старшекурсника, но чем-то он меня пугал. Не столько неадекватной манерой вождения (слава богу, он остановился, и я наконец покинула «комфортный салон» Черной Молнии), сколько взглядом и поведением. Казалось, сама его суть не соответствовала внешнему виду и действиям.

А если?... А если я попала в религиозную секту? Тогда как мне спастись и вернуться домой? Как живой ноги унести? Еще и этот безымянный парень... привез меня оно самое знает куда и... Чего он ждал? Я оглянулась еще раз, снова осмотрела парня с макушки до пят и перевела взгляд на волгу. Только тогда до меня наконец дошло: передняя дверца Черной Молнии открыта, а на автомобильном коврике разбросаны мои вещи и сумка.

Сев на переднее пассажирское сиденье полубоком, сунула голову и руки под бардачок. Кошелек, косметичка, очки для дали, влажные

салфетки две упаковки, бутылочка кефира на триста тридцать миллилитров. Ключи от квартиры зацепились за краешек коврика кольцом, пенал раскрылся, рассыпав гелевые ручки. Пол-литра воды вовсе забыла, не успев налить, умываясь-одеваясь впопыхах. И купленная для тренировок перед сдачей норматива хлесткая скакалка.

— Все забрала? — уточнил парень, склонив голову на бок и скрестив руки под грудью. — Выходи и пойдем к ректору. Только договор не забудь.

Желтый конверт не забыла, хотя подобная мысль проскакивала. Даже если будут принуждать, ни за что не подпишу договор. Сколько сериалов начиналось с попадания несчастной девушки в долговое рабство? Миллион и еще тысяча! Если хоть был один шанс, пускай из миллиарда, что я на самом деле полтора часа летела в Черной Молнии и сейчас находилась на территории некоторого «ОМС», то... у меня скакалка. Не убью, но покалечу!

Звук бьющихся о скалы волн узнала сразу и огляделась. На морях-океанах никогда не бывала: самые драматичные сцены, выжимавшие скупую «мужскую» слезу, снимались только на фоне водной тревоги. Со стороны подлета простирался бирюзовый океан. Казалось, будто он омывал территорию террактотного замка со всех сторон. Ужасаясь, не могла отделаться от ощущения, что мы прилетели на отдаленный остров.

На каком именно острове мы оказались? В мире их множество: если не тысячи, то несколько сотен точно имелось в наличии и «под заказ» целая Атлантида. Попытка пошутить провалилась даже в собственных мыслях — к сожалению, чувство юмора у меня было каким-то однобоким, а потому смеялась я не то чтобы часто. Разве что раз-два перепадало прослушать удачный номер на юмор. fm, и то это статистика за последние три года.

Перекинув сумку через плечо, взяла куртку под мышку и приблизилась к обрыву. Под ногами скрипели сухие листья, на которые я не глядя наступала. Далеко-далеко внизу сокрушались беснующиеся волны, накатываясь на скалы белыми барашками морской пены. Над морем я не увидела ни одной птицы, сколько бы не вглядывалась в редкие белоснежные и пушистые облака. Идиллия... почти что. И связь, как назло, не ловила. Отключив ставший бесполезным смартфон, вернулась к парню.

— Назад меня никто возвращать не собирается? — ответ ясен с самого начала, но парень все равно кивнул, и я добавила. — Будут держать в академии пока не надоест?

— Только если не пройдешь испытание наличие дара, — он закрыл машину, щелкнул по брелку сигнализации, и небольшой смерч утянул машину внутрь брелка.

Воздушная... магия? Все произошло настолько быстро, что я не успела среагировать: вот была черная волга, а в следующую секунду ее и след простыл! Представляю, сколько парень машин угнать может, воспользовавшись своим чудесным фокусом. Разбогатеет! Только бы он не имел никакого отношения к бандитам. Мне становилось страшно, что в терракотовой «академии» учат не обращению с огнем, а с донорскими органами.

Отступив на шаг, сдержала испуганную ухмылку. До сих пор не верилось, что нечто подобное могло действительно происходить наяву, а не во сне. Для сна сюжет слишком невинный и не дотягивал ни до одного из пунктов, что бы я хотела получить в реальности. О полете в Черной Молнии не думала (как-то слегка побаиваюсь высоты и самолетов), оказаться в магической академии без права выбора — тоже не предел мечтаний четверокурсницы...

...но и разлечься на прозекторском столе подпольного хирурга, батрачившего на нелегальных продавцов органов, тоже не «мечта поэта» и даже не «американская мечта».

— Не отставай, — окликнул парень. — Еще заплутаешь с непривычки и потеряешься. Искать тебя потом не буду.

Остаться одной на увядающем осеннем берегу не хотелось. Пришлось прибавить скорость и догонять успевшего уйти далеко вперед парня. Всего-то нужно провалить проверку наличия дара, и меня вернут домой! А вернут ли? Столько сил потрачено, включая договоренность с другой академией, и в пустую. А не сбросят меня на скалы, разочаровавшись? Или заставят отрабатывать затраченные средства каким-нибудь нелिцеприятным способом? Подсунут выполнять черную работу, и тогда планы получить высокооплачиваемую должность закончатся пунктом «рабство».

— Запомни, магам других конфессий на территории чуждой их стихии академии запрещено разговаривать, — сообщил парень. — Поэтому, если хочешь меня о чем-то спросить, то задавай вопросы

сейчас. Об Огненной Академии узнаешь от секретаря, помощника ректора, куратора или лидера группы.

Парень быстро шел, его шаг длиннее моего раза в два — мне приходилось семенить, время от времени переходя на бег. Кроме вопроса о надобности похищения, других не обнаруживалось. Голова будто опустела, и вещи мешали идти. Сумка, как обычно, слишком тяжелая и отдавливала до онемения плечо, а куртка объемистая и постоянно норовила вырваться из-под мышки.

— Где мы? В моем крае точно никаких магических заведений нет.

— Ты разве не заметила? Мы прошли через межмирный портал, — для объяснений парень остановился и повернулся лицом. — Не знаю, кто ты такая, раз ради тебя Огненная Академия пошла на такие траты и нарушение секретности. Могу только сказать... — вдруг он замолк и нахмурился, — если у тебя в нашем мире нет богатых родственников или других покровителей, то вне академии тебе не выжить. Ты кажешься неплохой девчонкой, поэтому... лучше тебе пройти испытание и оказаться круто одаренной. Иначе траты на открытие портала никогда не покрыть.

Что? Нет, не так. Вот так: что?! Прошиб холодный пот, и куртка выскользнула из рук. Очнулась только тогда, когда рухнула сумка и отдала ногу. Шутки кончились, и жуткое подозрение об автоаварии больше не выглядело правдивым. Развернувшийся передо мной терракотовый замок выглядел более реальным, чем привычный мир. Я действительно находилась на пороге настоящей магической академии? Во мне, видимо, обнаружили дар высокого потенциала, раз привели сюда. Но почему только сейчас, а не раньше? Или моя магия должна вот-вот проснуться? Раньше-то ничего подобного в себе не замечала.

Меня похитили, принудили подписать кабальный договор (пока не подписанный, к слову, в части об оплате указана незнакомая мне валюта, из-за чего определить реальную стоимость «элитного» обучения мне не под силу)... После окончания планировали отправить на «рудники», чтобы я могла выплачивать долг за открытие портала? Кто просил Огненную Академию принимать столь дорогостоящие меры ради неизвестно кого? Уж точно не я!

— И как называется этот мир? — подняв куртку и сумку, обогнала парня и шла перед ним спиной вперед, чтобы шибко не разгонялся.

— Никак. А должен? Межмирные порталы слишком дороги, чтобы

ими пользоваться, — парень пожал плечами и снова засунул руки в карманы белых брюк. — Раз никто не путешествует между мирами, то и обзывать их не имеет смысла. А как называется твой мир?

Мой же вопрос ввел в тупик. Как назывался мир, в котором родилась и выросла, кроме как просто «мир»? Называть иномирцу страну или город бессмысленно, а Земля — это планета, а не мир. В раздумьях не заметила, как врезалась в гигантские, примерно в двадцать метров в высоту, врата. Ни разу в жизни не видела ничего подобного. Колоссальная дверь высилась надо мной, и я не видела, где находилась ее верхняя балка. Невероятно!

Парень взял меня за руку и отвел метра на четыре назад, чтобы врата, открываясь, не сшибли с ног. Две створки медленно и без скрипа отворялись, будто внутри меня, как центрального персонажа истории, ожидало нечто невообразимое: будь то что-то хорошее или нечто ужасное. Я вглядывалась в темноту, пока врата отворялись, но ничего не могла разглядеть. Только чернильная тьма, как в подвальной подсобке, в которой перегорела лампочка.

— Последний вопрос, — предложил он. — Это все, чем я могу тебе помочь.

Последний вопрос... — повторила мысленно и застопорилась. Что можно было спросить настолько важное, что поможет мне в ближайшем будущем не навлечь на себя проблем? Раз парень — студент воздушной академии и таким, как он, даже разговаривать запрещено на территории огненной академии, то вряд ли он способен дать по-настоящему ценный совет. Так что же делать? Какой вопрос задать? Оттягивать шанс до следующего раза смысла нет: не факт что мы когда-нибудь еще раз встретимся с ним.

— Что мне делать, если дара нет? Куда идти? — пожалуй, это самое главное из того, что меня сейчас волновало.

Слова о провале на испытании показались слишком мутными, только потому вопрос ближайшего будущего встал ребром. Разве было что-то более важное, чем страх остаться без крыши над головой и без еды? И как принудят расплачиваться, если не оправдаю ожиданий? Раз порталы настолько дороги, что ни у кого из богатых не возникало пожить за счет иного обезмаженного, как мой, мира... то мне реально страшно за свою жизнь, если вдруг что-то пойдет не так.

— Просить, чтобы оставили в академии. Соглашаться на любую,

даже самую черную работу. Лучше быть содержанкой в академии, чем на улице. В академии будешь жить в тепле и сытой. На улице получишь ту же «работу», только бесплатно, холодно, голодно и не факт, что выживешь после побоев. Бездомных нищенок не привечают.

Ошалев от откровений, подтянула к груди сумку и куртку. Что он имел в виду под словом «содержанка»? То же, что в нашем мире? Или что-то другое? Задавая вопрос, интересовалась порядком действий, если окажусь на улице. По ответу складывалось, что лучше на улице не оказываться. А как? Во мне сроду никакой магии не было! Только маму папины коллеги ведьмой звали. Неудивительно! Мама — женщина красивая, боевая и крайне ревнивая. Не только папиным фанаткам фингал под глазом поставит, но и своим поклонникам руки оторвет.

Рыжая зеленоглазая ведьма в лице Майи Волковой (в девичестве Дориной) пугала даже мою классную руководительницу — строгую даму в годах коммунистической закалки. Стоило ли упоминать, что мама только один раз приходила на родительское собрание, а школьные поборы в «фонд класса» и «фонд школы» передавала исключительно через меня? Классная руководительница, конечно, пыталась вызвать в школу отца, только мама во времена моих школьных лет и по совместительству ее занятости в сфере домохозяйства, мужа к «поклоннице» ревниво не отпускала. А то, что «поклонница» давно преклонного возраста, ее не волновало.

— А если окажусь на улице?! — мурашки неприятного предчувствия превратились в заметную дрожь. — Что мне тогда делать?

— Я не знаю, — пожал плечами парень. — Воздушная академия на другом конце страны. Это довольно далеко отсюда. Здесь у меня нет ни друзей, ни знакомых. Посоветовать ничего не могу. Прости.

Чего хотела? Парень не стал бы дергаться для помощи незнакомой девушке. Я для него никто, никем останусь, как только перешагну черту между академией и воротами. Нет ничего хуже неизвестности, и сегодняшнее опоздание на автобус стало роковым. Не первое же опоздание! Так почему именно сегодня я не осталась дома? Сказалась бы больной, и физручка бы не возмущалась: она несколько раз спрашивала о моем здоровье. Когда спишь по два-четыре часа в сутки или даже за несколько дней, то чернота под глазами становится закадычной подружкой, которую не каждый консилер способен спрятать.

Тихий шум раскрытия фэнтезийного туннеля, и врата с киношным скрипом отворились перед нами, замерев. Внутри ничего не разглядеть из-за сгустившейся тьмы, какой не бывало даже в комнате ночью: то уличный фонарь светил, просвечивая в пазах полотна ролштор со стопроцентной светонепроницаемостью, то звезды вдруг особенно яркие. Парень занес ногу, делая шаг, и опустил ее, отступая. Из туннеля доносился периодический стук, похожий на удар старческой трости, и отзывался глухим эхом.

Сначала на свету появился конец трости и только за ним встречающий. Сглотнув, неосознанно сделала шаг назад: беспомощным старичок в модном в нашем мире сюртуке отнюдь не выглядел. Скорее устрашающим дедушкой-садоводом, которому мелкое хулиганье вишню и яблоню ободрало. Видела одного такого с ружьем наперевес. Как выстрелит в холостую, в ушах долго «вакуум». Меня до сих пор передергивало, когда получала приглашения на шашлыки в загородный домик или в сад. Не дай бог столкнуться с таким лицом к лицу!

— Новенькая, — прошуршал привратник и снова стукнул тростью. — Идем за мной. Мальчишка свободен.

Вздвогнув, оглянулась на парня. Скука с его лица спала, заменившись опасением. Нервозность передалась мне. А как не занервничать, когда жуткий старик в сюртуке концом трости тыкает сначала тебе в грудь, а потом твоему похитителю? Парень склонил голову, будто поклонившись, и развернулся. Он уходил, оставлял меня с жутким стариком и даже не попрощался. Он мне ничего не должен. Хоть предупредил о явных проблемах, и то славно.

Дедушка лет восьмидесяти с короткой бородкой, пышными усами и огромной залысиной во всю макушку. Прямой нос с непропорционально широкими крыльями отбирал на себя внимания от хмурого лица и маленьких бледных глазок с нависшими над ними и разросшимися бровями. Если бы на нем был не модный сюртук, а деревенские шмотки, то ни за что бы не отличила от настоящего сельского пастуха.

Привратник не ждал. Он молча обернулся, и периодичный стук его трости вновь оглушил, отдаваясь эхом. Пospешив за стариком, подтянула к груди вещи, чтобы ненароком не уронить. Ждать меня никто не будет, и перспектива остаться в темноте одной не прельщала. Стоило только углубиться в туннель на метр, как ворота за спиной

закрылись, глухо треснув по пазам. Тьма обволокла окружающее пространство. Остался только тихий стук трости, благодаря которому шла, не боясь сбиться с пути.

Но идти в кромешной темноте было жутко. Время тянулось, как тело жены главгероя из «Суперсемейки», я-таки боялась заблудиться «в трех соснах», и ничто не могло убедить меня в том, что все хорошо. Или, по крайней мере, не все так плохо. И не надеясь получить какую-либо помощь от местного населения, ускорила, нагоняя проводника. Каждый его шаг отдавался стуком его трости все громче и громче, а значит не так уж и сильно я от него отстала, задумавшись.

Солнце ослепило неожиданно. Зажмурившись, попыталась поднять руки и прикрыть ослепленные светом глаза, напрочь забыв о тяжелой сумке и толстенькой куртке. Не вышло, только куртка выскользнула из рук. Пока поднимала ее, старик успел пересечь две трети пути до ворот второй крепостной стены, чем подтвердил сравнение с садоводом. Только старички-садоводы рьяно и яростно размахивали локтями, выискивая место в автобусе попривлекательней, в тени.

Второй туннель был абсолютно точно таким же, как и первый: темный, безмолвный и будто бы бесконечный. Только в нем кроме стука трости я слышала еще какие-то шорохи, опознавать которые не хотелось совсем. Кто бы не скребся или что-бы не шелестело, мне оно точно не понравится, как и все остальное, связанное с сегодняшней незапланированной прогулкой в мир иной. То есть в другой мир! Разница принципиальна, как нахожу.

Предстояло пройти всего три темных и длинных туннеля по количеству замеченных мною с воздуха стен, пока наконец вместо очередной стены передо мной не распростерся золоченный осенью сквер с белокаменным отключенным фонтаном диаметром примерно два-три метра. Здесь же под раскидистым ветвистым деревом, похожем на плакучую иву, разбита беседка человек на двадцать. «Озеленение на пять с плюсом, ничего не скажешь... Только стены покрасить забыли», — снова я ударилась не в те дебри и привратника опять пришлось догонять.

Глава 2

Внутри академия шумела. Старик петлял по закоулкам, куда гам веселья доносился издалека, и это напрягало. Почему нельзя пойти короткой «центральной» дорогой, а не обходить по широкой дуге? Складывалось впечатление, что первостепенная задача привратника не довести похищенную новенькую до местного ректората, а не допустить ее случайных столкновений с преподавателями и студентами. Нервозность усилилась до дрожи кончиков пальцев, которую унять не получалось.

Зачем надо было скрывать мое появление от других людей, которых в замке явно немало? Обладала ли я какими-то волшебными свойствами, необыкновенными или редкими и даже невозможными для местного населения? От того мне и хуже будет, если ничего не найдут во мне или найдут не то.

Будущее, описанное парнем-похитителем, настораживало и будоражило до жути. Он обещал, что вне стен академии ждали голод, холод, издевательства и надругательства. Разве местный аналог полиции не должен будет арестовать за отсутствие документов, подтверждающих личность? Или здесь нет ареста за бродяжничество, практикующегося в некоторых странах? Лучше угодить за решетку правоохранительных органов, чем за решетку продавцов вполне себе реальных органов из плоти и крови. Что-то я снова ударилась не в ту степь.

От худшего варианта развития событий передергивало, и скручивало пустой желудок. С утра успела перехватить только наспех собранный бутерброд из куска нарезного хлеба и сардельки, в буфете трансгентства выпила три стаканчика кофе «три-в-одном», планируя заскочить в магазин или в университетскую столовку.

Мы с привратником остановились у непримечательной двери. Старик ударил в нее кончиком трости два раза и поспешил удалиться. Задержав дыхание, толкнула дверь, и она беззвучно раскрылась.

Внутри теплился огонь в камине. В полутьме, освещаемой лишь небольшим огоньком, можно рассмотреть только массивный деревянный стол, несколько кресел вокруг и ковер с длинным ворсом.

Ноги утопали в нем, передвигались тяжело, и мне самой крайне неуютно чувствовать себя загнанным в угол зверьком.

В кресле за столом восседала сухонькая старушка. Седые волосы, собранные в шишечку на макушке; на длинном, как у Буратино, носу с горбинкой висели на тонкой переносице очки-половинки. Сгорбленная спина и сведенные вперед плечи напоминали больше Карлика Нос, чем пожилую женщину. Внешнее уродство еще больше напугало, будто я — маленькая десятилетняя девочка, а не взрослая дееспособная девушка.

Пальцы старухи Шапокляк скрюченные, морщинистые, венозные. Запястья тонкие, как у анорексички. Шея непропорционально длинная, как у страуса. Пышное жабо вываливалось из пиджака, винтажная камея на горловине выглядела как удавка. Пересилив себя, сделала еще несколько шагов на сближение с преклонного возраста женщиной, более чем похожей на грозного ректора магической академии.

Вздвогнув от блеска ледяного взгляда, остановилась у кресла для посетителей и опустила голову. На подлокотнике лежала рука, определенно принадлежавшая мужчине. Пальцы в золотых кольцах, запястье сдавливал змеиный браслет с красными глазками-рубинами. Бледные, слегка желтоватые пальцы лежали обездвижено, будто мертвы, или рука оторвана от тела вовсе. Спинка кресла мешала увидеть развалившегося в нем мужчину.

Дрожа, сделала еще один шаг и повернула голову вправо. Мужчина с идеально выпрямленной спиной и гордым профилем смотрел в одну точку перед собой. Обе его руки неподвижно лежали на подлокотниках. Прямые светлые волосы перетянуты лентой в низкий хвост, завязанной чуть выше, чем за десять сантиметров до кончиков. Мужчина резко повернул голову, и я от испуга отскочила назад, выронив куртку. Сумку держала, будто та — естественное продолжение рук.

— Ректор Лунн, — голос мужчины звучал ровно и холодно, — мы долго ждали. Мои адепты остались без присмотра.

— Фиар, не спешите, — осадила ректор. — Наша академия впервые принимает иномирянку. К этому стоит подойти с большей ответственностью. Тем более, вина полностью лежит на ваших плечах. Ольга, — старуха перевела взгляд на меня, — отдайте мне, пожалуйста, договор. Мальчик из Воздушной Академии должен был передать вам его.

Кивнув, зашуршала сумкой. Руки дрожали, отказываясь слушаться. Тем не менее нашла силы и маленькими шажками приблизилась к столу, оставив подозрительного и не менее пугающего мужчину за спиной. Пальцы старухи наудивление мягко приняли желтый конверт и вынули из него стопку листов. Чем больше листов перебирала старуха, тем сильнее хмурилась.

— Вы не подписали договор, — заметила она.

— Не подписываю непонятные документы, — осмелев, вздернула подбородок. — Там... на шестнадцатой странице... говорится об оплате. У меня таких денег нет. Отказываюсь брать на себя долг.

Старуха по-доброму улыбнулась и опустила нос. Ее очки-половинки тоже поползли вниз к кончику носа. Нервы сдавали, психика летела к чертям, но я держалась: натужно выпрямила спину и по максимуму втянула живот. Только раздражитель позволял держать разум в узде и не срываться по мелочам. Нервная изжога царапала горло.

— Девочку обмануть не удалось, — вдруг каркнула старуха. — Раз обещал, выполняй. Подписывай за нее.

— Пусть сначала подтвердит наличие дара. С вас станется стрясти деньги за пустоту.

— Не бойся, дитя. Магнус Фиар шутит. Он будет твоим куратором, раз не уследил за некорректным использованием магии, — объяснила старуха, сложив руки в замок и поставив локти на поверхность рабочего стола. — Ты, наверное, удивлена и напугана. Это нормально. Мы все объясним.

В центре стола сама собой появилась маленькая черная шкатулка, будто из воздуха. Под приглашающим взглядом взяла себя в руки и раскрыла ее. На мягкой подушечке лежало простенькое проволочное колечко, будто на проволоку бисер нанизать забыли. Старуха перевернула руку ладонью вверх, подсказывая, что я должна надеть кольцо. Больше рекомендаций и советов не поступало. А меня трясло. Что если дара не будет, и придется валяться в ногах и умолять не выгонять меня? Что если дар будет? Что мне делать с ним?

Не успела коснуться проволоки, как она нагрелась и расплавилась, испортив бархатную подушечку, и та вспыхнула, разгораясь. Старуха указательным пальчиком толкнула крышку шкатулки, и та с тихим стуком закрылась, задушив пламя. Вяло, но для подтверждения должно

сойти. Хватило? Мне нужен кров. Только в академии смогу найти способ вернуться домой.

— Бесконтактное возгорание, — сообщила старуха. — Уровень дара выше среднего. Подписывай, Фиар.

Ректор с жестким взглядом перевернула договор лицевой стороной ко мне и положила чуть правее. Не заметила, как мужчина, названный Магнусом Фиаром, оказался позади, настолько быстро он перемещался. Каждое его движение четкое и лаконичное, как он сам. Ни одного лишнего звука или шороха. Даже казалось, он не дышал вовсе. Его грудь крайне медленно поднималась и опускалась с практически незаметной амплитудой.

Как только Магнус Фиар, склонившись над столом, сложил пальцы левой руки в знакомый «писательный» жест, как между ними появился тоненький прутик, похожий на простой карандаш. В документе осталась подпись, будто выполненная черной гелиевой ручкой. Подпись показалась необычной: никаких имен-фамилий, только рисунок печати, схожей с привычными мне историческими родовыми гербами. В плетение вписаны инициалы «М» и «Ф».

Краем глаза заметила, в имени адепта указывалась совершенно другая девушка, не я. Некая Хельга Фиар. Та же фамилия у мужчины, на что я не преминула указать. Магнус Фиар повернул голову резко и посмотрел так, будто девочка-несмышлениш пыталась научить его правильно выбривать щеки. Осадил, и я вжала голову в плечи.

— Ольга, пойми, никто не должен узнать, что ты иномирная, — миролюбиво пустилась в объяснения пугающая старуха. — Магнус Фиар прибыл из далекой глуши. Никто не знает, сколько у него родственников, и появление младшей сестры не вызовет подозрений. Именно Магнус Фиар виновен в твоих злключениях последние месяцы вплоть до года.

В каких злключениях? Память наотрез отказывалась сообщать, какие права вопиюще и безнаказанно нарушались в последнее время. Все как обычно: недоедание, недосып и переучеб в купе с перескоком, из-за которого ноги несколько дней отваливались и колени отказывались работать как надо. Скаалку еще надолго запомню. Какое счастье, на восьмом семестре физкультуры не будет в расписании!

— Боюсь, я не понимаю вас, — просипев, прижала сумку к себе еще плотнее.

Магнус Фиар выпрямился и отошел в сторону. Я почувствовала облегчение: ни разу в жизни не ощущала так остро тягостное напряжение всего лишь потому, что незнакомый человек нарушал личное пространство. Зато ректор начинала располагать к себе, и я надеялась, что смена отношения к ней — не результат пропущенного заклинания очарования или чего-то в таком духе.

— Зато я прекрасно понимаю. Незамужней девушке тяжело признаться в подобном даже лучшей подруге, не то что чужим людям. Не беспокойтесь, мы снимем с вас проклятые сны.

«Проклятые сны». Два слова набатом повторялись в голове. Замерев, попыталась вникнуть в сказанное, но доходило как до жирафа. Что же получалось? Эротические сны на самом деле наведенные? Из-за них меня похитили? Глупости! Отчего не сняли заклятье дистанционно или не отправили специалиста ко мне? Открыть портал туда-обратно для одного мага должно быть проще, чем для мага и недоучки в довесок. Логика в словах не прослеживалась.

— Что произошло? Как так вышло? — воскликнула, не в силах сдерживать эмоции внутри. — Оно не могло само! — даже огурцы сами не выстреливали.

Эротические сны (и в особенности их звуковое сопровождение) мучили целый год. Ничто, даже просмотр порнофильмов и чтения соответствующей онлайн-литературы, не помогало привести нервы в порядок. Прыгать в койку только ради снятия накопившегося стресса, о котором кричали псевдомедицинские статьи в интернете, не собиралась. И правильно сделала! «Прыжок» не мог избавить от снов, а непоправимую ошибку совершить могла.

— Несанкционированное использование магии в праздничный день, — просто изрекла ректор, изложив свершившийся факт. С тем же усталым настроением люди некрологи для коллег пишут, вспоминая год их прибытия на работу и уточняя место и время прощания и поминок. — К сожалению, мы заметили слишком поздно, чтобы предотвратить ваше зачисление в Огненную Академию. Часть дара мужчины, с которым вы оказались волею судьбы ментально связаны, перетекла к вам. Через неделю во время торжества мы разорвем связь между вами.

— Огненный дар обратно не вернуть, — продолжил Магнус Фиар, как только ректор замолчала. — Вам придется учиться контролировать его и управлять им. Ваше содержание в течение трех лет беру на себя за

недосмотр. Часть вины лежит на мне, и я не буду отказываться от ответственности.

Острому приступу совести доверять не спешила. За жестами доброй воли незнакомых или малознакомых людей всегда скрывался эгоистичный мотив. Самый яркий пример — благотворительность. В девяносто процентов из ста благотворительность направлена не на помощь нуждающимся, а на улучшение репутации, социальной кармы и отмывание денег.

— Что значит учиться? — переспросила в недоумении. В универе оставалось отбатрачить чуть больше полутора лет, и перспектива начинать заново в другом мире не прельщала.

— То и значит, — сказал, как отрезал. — Изучать основы, простейшие заклинания и хтонические составы, а также ухаживать за представителями местной фауны. Не вынуждайте меня жалеть о потраченных на вас деньгах.

— Фиар, не пугайте девочку, — одернула старуха. — Ближайшие несколько дней будут самыми тяжелыми в ее жизни. Из-за территориальной близости связь усилится, сны станут ярче. К сожалению, мы не могли тянуть с вашим поступлением, Хельга. Сегодня начинается Испытание Огня. Его не может пропустить ни один первокурсник. Только так мы сможем распределить адептов по уровням их потенциала и реализации возможностей. Фиар расскажет подробнее. У вас есть вопросы лично ко мне?

— Да! — шаг вперед и снова назад. Нельзя выходить за грань приличий и проявлять мамин характер. Пусть будет неприятным сюрпризом, как твердо встану на ноги. — Простите. Меня интересует спальное место, питание и одежда, личные вещи. Раз вопрос о моем обучении был решен заранее, почему мне не сообщили? Почему не позволили подготовиться?

— Боюсь, — ректор прятала лицо за сложенными в замок руками, — мы догадались о случившемся слишком поздно. Эротические сны всего лишь естественная бессознательная реакция на повышенный уровень стресса. Отследить утечку магического дара в случае сна крайне сложно. Что касается остальных вопросов, ваш куратор Фиар позаботится о вас и объяснит правила академии. Касаясь прохождения Испытания Огня... куратор Фиар также даст полезные рекомендации.

Обо мне позаботится куратор Фиар? Он возьмет меня на трехлетнее

содержание? От слов парня из Воздушной Академии до сих пор потряхивало, но пикнуть хоть звук в протест не посмела: пока никто не домогался, а на улице, вероятно, будет намного хуже. Насколько бы подозрительные ассоциации куратора с Клеопатрой не возникали, морально подготовилась выйти из ректорского кабинета и остаться с Магнусом Фиаром наедине. Даже куртку с пола подняла.

— Хельга Фиар. Хель. — Куратор несколько раз повторил новое незнакомое имя, будто пробовал на вкус. — Для начала пройдем в библиотеку и возьмем копию академического устава. Затем расскажу об Испытании Огня и подготовлю к его прохождению. Насколько это возможно в короткий срок.

Испытание Огня не нравилось исключительно и преждевременно. В чем оно состояло? В активации и материализации внутренних магических резервов? Вряд ли. Нечто подобное провели на подтверждение наличия огненного дара. Страшило ожидание неизбежного и пересказы исторических хроник о сожжении рыжих зеленоглазых ведьм на кострах. Рыжая зеленоглазая и до ужаса ревнивая — моя мать, не я.

— В вас есть огненный дар, Хельга. Не бойтесь Испытания Огня. Вне зависимости от результатов, куратор Фиар подписал договор. Вы будете учиться в Огненной Академии.

Старуха обрадовала лишь на пятьдесят процентов: на улицу не выгнала и домой не вернула. Не зря сравнила ее с Шапокляк: на нее намекало не только известное белое жабо и внешность. Нечто более глубокое и трудное к осознанию вынуждало держать ухо востро.

Магнус Фиар прикоснулся к моему плечу, и я вздрогнула, отступая. Его томительное присутствие изнуряло морально, вызывая недоумение. Он, как энергетический вампир, высасывал силы. Рядом с ним засыпала, ощущая нежные прикосновения воображаемого любовника, и расслаблялась. Пронзительный взгляд старухи Шапокляк приводил в чувство, вынуждая насторожиться.

— Хель, идем, — Клео (в качестве сокращения от царского имени Клеопатра), не успев выйти из ректорского кабинета, принял облик старшего брата, будто у него младших сестер штук шесть-семь имелось. — Мне предстоит много работы с другими поступившими.

— Угумс, — кивнув, просеменила следом за Клео.

За дверью, в которую вошла, знакомый коридор отсутствовал, зато

располагалась большая приемная, широким прямоугольным пуфом во всю ширь прохода поделенная на две части. С одной стороны располагался один стол, с другой — два. Они завалены стопками канцелярских конвертов альбомного формата разных цветов. Стопки желтых явно содержали договора на обучение. Значение синих, красных, зеленых и фиолетовых неведомо.

— Магнус, не спеши, — из-за стопок на столе-одиночке вылезла взлохмаченная светловолосая женщина примерно тридцати лет. — Ты до сих пор не сдал учебку электива.

— Глория, тебе заняться нечем? — возмутился Клео. Его эмоции отразились только во взгляде. Лицо оставалось бесстрастным. Показалось, рубиновые глазки золотого браслета-змеи на левом запястье недобро сверкнули. — Я закончу после Испытания. В этом году первачки на мне. Мне не до учебки.

Секретарь горестно вздохнула и как зыркнула, аж холодный пот пробрал. Но Клео не проняло. Он отмахнулся от секретаря, провернув непонятный пасс рукой, и кивнул мне, чтобы поспешила. Медленно начинало доходить, что он оплатил мое обучение в Огненной Академии (по словам парня-похитителя далеко не дешевое) и так просто не отстанет. Нужно выбить весточку для родителей, затем найти в библиотеке способ открыть межмирный портал (должны быть тайные или запрещенные заклинания!) и вернуться домой, чтобы наконец получить заветную корочку родного универа.

За пределами ректорской приемной шум студенческой толпы возобновился. В отличие от старика-привратника, Клео повел напрямик, не выбирая тихих и безлюдных обходных путей. Ректорат располагался на первом этаже, и мы, минуя лестницу наверх, оказались на улице. Недавнее подозрение о билете в один морской конец пинком со скал начинало сбываться.

— Замок Огненной Академии состоит из пяти основных сооружений: административного, учебного, жилого, лабораторного и библиотеки, — объясняя, Клео не утруждался подстроиться под мой короткий шаг. Хорошо ему. У него ноги длинные. Везет людям... — Только что мы вышли из административного. На первом году обучения доступ к лабораторному сооружению без ведома ответственного преподавателя запрещен.

Информации получила самый минимум, которой хватит от силы на

несколько дней. Передернувшись, поспешила нагнать быстро удалявшегося Клео, из-за чего не слышала часть познавательного монолога. Слово «ответственность» Клео произнес не меньше пяти раз. Напрягало. Только бы ему не выпало читать лекции для группы, в которую меня распределяют по завершению Испытания Огня.

Библиотеку запихали в самый дальний угол терракотового замка. По внешнему виду сооружение, отведенное под книгохранилище и читальный зал, не имело отличий от административного, что затрудняло первичное ориентирование. Если задержусь надолго, то смогу выучить расположение каждого блока. Сейчас — точно нет. Зато Клео шел уверенно и грациозно, несмотря на скорость. Еле поспевала за куратором.

Как только оказалась внутри, испытала нечто вроде горького разочарования. Надежды увидеть нечто волшебное в обители знаний не оправдали себя. За стандартной для моего мира двустворчатой парадной дверью простирался небольшой коридор, а за ним привычный библиотечный зал с невысокими, в человеческий рост, стеллажами, приставленными спинками друг к другу. Для чего под библиотеку выделили целое сооружение в метров сорок высотой? Навскидку.

— Первый этаж общедоступен, — пояснил куратор, жестом приглашая за ближайший столик. В библиотечном зале нет никого, кроме нас двоих. — Второй разрешается посещать по официально оформленному разрешению. Третий исключительно для преподавателей.

Пока присаживалась, Клео успел раздобыть толстый трактат со знакомой надписью в верхнем колонтитуле «Образовательное Магическое Содружество Огненная Академия». Радовало одно: последний курсак по ТММ превышал устав академии листов на десять точно. Учитывая врожденное скупердяйство, курсак делала сама, а не заказывала у сторонних организаций. Сдала на три, получила в зачетку четыре за честность, и единственная из группы вовремя закрыла на стипендию летнюю сессию в конце июля.

— Испытание на магическую выносливость длится сто часов, — продолжил Клео, присев на соседний стул. — В течение четырех дней и четырех часов запрещено спать и принимать пищу. На вступительном испытании разрешено пить в неограниченном количестве. На промежуточном поставлено ограничение в один литр. На выпускном

запрещено все.

Сказанное доходило до меня не как до страуса, а как до жирафа. В Огненной Академии практиковалась водная диета и насильственное нарушение сна? Жуть. Если четыре бессонных дня для студента-четверокурсника, зависимо от сега, не проблема, то голодовка шла в разрез с планами. Сколько бы перепробованных диет не осталось в прошлом, включая два десятка лишних килограмм, возвращаться к голодовкам и тренажерным залам не готова.

— Настолько плохо? — доверительным шепотом поинтересовалась у куратора, немного наклонившись к нему поближе. Клео проигнорировал и нахмурился, не поняв вопроса.

— В других академиях те же порядки, — подтвердил худшие опасения Клео, положив руки на колени за неимением подлокотников. Профиль без наклона и взгляд чуть скошенный. Царские повадки обычного преподавателя забавляли. Или необычного? Вдруг Клео родом из богатой семьи, приближенной к местной высшей аристократии или даже кровный ей? — Через четыре дня и четыре часа от начала Испытания будет заселение в жилое сооружение соответственно уровню и распределение по группам.

Чтобы освободить стол, куртку повесила на спинку стула, а сумку скинула в ноги, как всегда делала на парах в универе. Мозг медленно щелкал шестеренки, с трудом переваривая полученную информацию. Проскочила крамольная мысль, лучше бы мне очнуться в больнице, но я подавила ее. Выбирая между здоровьем в чужом мире и отсутствием онога в родном... нет никакого выбора. Первый вариант не обсуждался.

— Сколько часов назад началось Испытание Огня? — пора налаживать мосты с куратором. Кто, кроме него, расщедрит на разрешение читать книги на третьем этаже библиотеки?

— Почти пять. За это время никаких нарушений правил не было? — в его голосе фонило словом «ответственность», что раздражало. Большого зануды не встречала ни в последние годы, ни в школьные.

— Если только отсутствие питьевой воды. Имею полное право.

О том, как контролируется прохождение Испытания и полнота исполнения правил, не имела понятия, но оставаться голодной считала недопустимым. Спрашивать о читерстве у куратора даже не мыслила с его «Ответственностью» и занудством. Как только Клео мог не написать

учебный план элективного курса? О нем говорила секретарь по имени Глория?

— Конечно. Есть хорошее нескончаемое заклинание. Действует дней пять-шесть.

Кивнув, вытащила из сумки первую попавшуюся бутылку. Оказался кефир. Заметив, что Клео не видел разницы между непрозрачной бутылочкой с кефиром и с питьевой водой, исправлять ошибку не спешила. Жить четыре дня на полупроцентном кефире и на минералке — две колоссальные разницы. Чутье подсказывало, кормить до истечения срока никто не будет.

— Вы уверены, что все смогут продержаться? Я-то студент российского вуза... В сессию и не с таким приходилось справляться, закрывая хвосты.

— Потеря сознания считается стадией пре-выгорания, — не показалось ли мне, на губах Клео проскочила мимолетная ухмылка? — Ответственные оказывают первую помощь выбывшим, а остальные продолжают Испытание.

Надо поскорее ознакомиться с местными правилами. Если проверки на состоятельность выжимают организм, то какие здесь наказания? Мысленно перекрестившись, подтянула к себе сшитую стопку листов печатного устава и перевернула титульную страницу.

«В начале каждого учебного года Ректор назначает чрезвычайное и общее Собрание, которое занимается единственно чтением надлежащего Устава, обсуждает, точно ли по оному во всех частях исполнено. По усмотрении какого отступления, определяет немедленного принятия мер к исправлению оного, и представляет об оных Попечителю».

Вступление пропустила, оставив его изучение на потом. Клео следил, пока я прогляжу наискосок текст устава и задам срочные вопросы. Пускай он упоминал о множестве не разобранных дел, уходить из библиотеки не спешил. Чуяла, он хотел что-то сказать, а для этого мне следовало оторваться от устава. Предстояло многое изучить, прежде чем искать способ выбраться из чуждого мира и вернуться домой к родителям.

«28. Дабы лучше соединить теорию с практикой и дать адептам ясное понятие о многих предметах, которые соответствуют их конфессии...»

Взгляд зацепился за «конфессии», но все равно перелистнула страницу. Как бы невзначай спросила Клео насчет весточки родителям, и он пообещал, что Глория давно отправила официальное письмо. По сути, на ближайшие четыре дня заперта в библиотеке, раз спать и кушать запрещено. Вдруг Клео схватил меня за подбородок и притянул к себе, слегка наклонившись. Его губы оказались в миллиметре от моего уха, и наша близость вынуждала занервничать.

Быстро сдалась! Только не это. Мне совершенно не нравился куратор Магнус Фиар. Принимать его в качестве сексуального партнера во сне не хотела и жаждала избежать порочной участи! Если, уснув, закричу, то мне никогда не смыть позора. Как смотреть в глаза тому, кто заплатил немалую сумму за твоё обучение?

— Чем выше присвоенный на вступительном Испытании уровень, тем меньше внимание сторонних наблюдателей. Твоя сила не родная. Она пришла извне. Никто не должен узнать правды ради твоей, в первую очередь, безопасности. Магию нельзя отнять или передать по собственной воле от одного мага к другому. Только мы вдвоем знаем, это возможно. Ты меня поняла, Хельга?

Сглотнув, расторопно кивнула. Клео отстранялся, но я схватила его за рукав, за который притянула к себе. Следовало задать этот вопрос в самом начале, но отчего-то тянула с ним до последнего. Язык будто сковало от нервозности, недосыпа и голода. Пальцы сильнее сжимали рукав, руки подрагивали от перенапряжения, а из головы мигом вылетели приличные мысли. Собраться удалось не сразу, но Клео стойко терпел, выжидая.

— Кто связан со мной через сны? — наконец выдавила из себя, понимая и скрепя сердце принимая одну неприятную вещь. Телосложение, цвет и длина волос Магнуса Фиара делали его похожим на мужчину из сна. — Кто?

— Адепт. Во время праздника тяжело отследить локальную магию хулиганов. Слишком мощная магия затрачивается на проведение торжества. Прости.

Спокойно выдохнув, отпустила рукав и положила лоб на мужское плечо. Какое облегчение! За меня уплачено не в качестве компенсации морального ущерба. Пускай во сне, мне претили мысли о материальном вознаграждении за полувиртуальный интим. Напряжение между мной и Клео не исчезло, несмотря на признание его невиновности. Куратор не

нравился мне, я — ему (должно быть, наши чувства друг к другу взаимны).

— Я понимаю. Все в порядке.

Голос звучал тихо, как у обессилившей жертвы многосерийного триллера. От части верно, но только от части. Провинившийся адепт пальцем не пошевелил, чтобы исправить ситуацию без привлечения преподавателя и ректора. Мое похищение — исключительно вина адепта. Тогда почему расплачивался куратор? Виноватый адепт — его подопечный или только любимчик? Или высокородный сынок-выскочка?

Отстранившись, подняла голову и осмотрелась, почувствовав присутствие третьего. За свободным столиком недалеко от нас с Клео устроился светловолосый парень и поглядывал из-за плеча. Заметив, что его слежка рассекречена, усмехаясь покачал головой. О чем он подумал? Когда кто-то шушукался за спиной, во мне просыпались мамин характер и ее жажда надавать сплетникам леща. Куратор похлопал по плечу и покинул библиотеку, а я неотрывно следила за хамлом.

Усмехающийся незнакомец доводил до белого каления, но я держалась. За многие годы срывов насчитала от силы пять-шесть, и затем в школу вызывали родителей. Отец работал, мама занималась домохозяйством, поэтому она раз встретилась с завучем, второй — с директором. После меня настоятельно просили не нарушать дисциплины и маму в школу не приводить. Уж не знаю, какие концерты она устраивала.

Якобы почитывая устав, исподлобья следила за хамом. Ненавистные светлые волосы раздражали и били по измотанным нервам: каждый молодой блондин с нужной длинной волос находился под подозрением. Любой из них мог оказаться адептом, бессовестно мучившим меня эротическими снами на протяжении года. Виновник должен знать меня в лицо, пускай я не видела его черт. А значит на мое появлениеотреагирует соответствующим образом.

Он оглядывался время от времени и, замечая встречный взгляд, отворачивался. Думал, я не замечу? Вспоминал, меня ли видел в порнографических снах? Считался ли секс без обоюдного согласия во сне одним из видов принуждения и изнасилования? В нашем мире спаивание алкоголем с последующим принуждением каралось законом.

А здесь? Получит виновник по заслугам или только выговор?

Часть по неукоснительному исполнению взятых обязательств преподавателями перечитала два или три раза. Из-за игры в гляделки никак не могла уяснить смысл изложенных предложений, пестрящих местными терминами. Незнакомец продолжал нервировать слежкой, изображая прилежного заучку-студента (точнее адепта). Его игре не верила ни на секунду: как сообщил Клео, сегодня день поступления «первачков», что значило — первый учебный день. Кто пойдет в библиотеку в первый учебный день и не заинтересуется поиском учебников? Только Он.

Нет-нет, — подтянула устав академии к груди и прикрыла глаза. — Разыгралась паранойя. Просто разыгралась паранойя. Какова вероятность, что любознательность провинившегося адепта разыграет, и он будет искать встречи со мной в реальности? Ему наверняка подробно объяснили и с примерами, почему стоит держаться от меня подальше. Должны были. Перечень учебных дисциплин, преподаваемых в Огненной Академии не заинтересовала, но честно пыталась результативно ознакомиться с ним. Безуспешно.

Подняв голову, не увидела за столом светловолосого адепта. Он ушел тихо и незаметно, не привлекая внимания. Лучше бы Клео с ректором Лунн не рассказывали мне о связи эротических снов с хулиганской магией. Если бы не знала о наведении снов, продолжила относиться к ним с тем спокойствием, которое мне присуще по папиному характеру. Сглотнув, отложила устав и полезла за лежащей в ногах сумкой. Воды... срочно воды!

— Аж дух захватывает, — прошипели за спиной.

Как ледяной водой окатило. Тихий голос с хрипотцой, будто сорванный криком, напугал, вырвав из параноидальных мыслей. Оглянувшись через плечо, столкнулась нос к носу со светловолосым парнем, совсем недавно раздражавшим меня скрытыми переглядываниями. Незнакомец поставил ладонь на спинку стула и наклонился, выравнивая уровень наших лиц. Адепт смотрел на меня с присущим стороннему наблюдателю, увлекшемуся новой диковинкой, интересом, а я не знала, куда отвести глаза.

— Увлекательно... очень... — выдавив, резко отвернулась, продолжив рыскать в сумке в поисках бутылочки с минералкой. Ее не было! Точно, осталась дома. Забыла впопыхах.

— Устав? Правда что ли? — адепт убрал руку со спинки стула и весьма по хамски забрал из-под носа документ. С повышенным интересом пролистывая его, искал что-то. — Иллюзия? — вдруг спросил он. — Ты выглядела возбужденной, когда читала... это. Столько раз учил его перед переэкзаменовкой и ни разу не получал оргазма. Что мне не везло-то, а?

Толстый устав ударился о поверхность стола, и я вздрогнула. Сумка выпала из ослабевших рук, сказывался передоз псевдокофеина из пакетированного дешевого «три-в-одном». Организм требовал кофейной дозы любого качества, мужская рука обнажила правое плечо, убрав волосы вперед на левое, а рубашку приспустив на предплечье. Ее пуговицы расстегнуты до линии застёжки синего с белыми цветами бюстгальтера.

Укусив губу, очнулась и осмотрела себя. Рубашка застегнута на все пуговицы, бледно-голубой бюстик не просвечивал через плотную ткань, волосы распределены по спине и по плечам. Меня рубило. Шесть дней, проведенных практически без сна, делали свое дело. Помимо полуголодного состояния, когда готова смести все, что имелось в холодильнике и даже в морозилке, сходила с ума. Глаза горели и чесалось лицо: вчера ночью отрубилась, забыв смыть тональник, а утром, проспав, было совсем не до того. Только поправила «капелькой» и убежала на автобус.

Пока приводила себя в порядок, незнакомец уселся на краешек стола и с усмешкой смотрел за потугами не уснуть. Второгодка. Минимум. Наверняка решил понаблюдать за борющейся со сном «первачкой», пытающейся не провалить вступительное Испытание Огня. Перестав надеяться на успешное завершение поисков воды, отложила сумку и схватилась за бутылочку кефира, с обещанным Клео нескончаемым запасом. Холодненькая.

— Чего пристал? — фыркнула, выдав грубее, чем хотела. Когда не понимаешь, что за бедлам творится вокруг, сложно держать себя в руках. — Будь добр, отвали.

Зеленая толстовка-косуха, надетая на голое тело, расстегнута до конца. Рельефные грудь и пресс привлекали внимание и выглядели более чем знакомыми. Запястья тонковаты для мужчины, а пальцы длинные. Отмахнувшись просмотром сотен топless-фоток в интернете, злобно зыркнула на парня, но его не проняло. Он только пожал

плечами.

— Мне скучно. Первая группа традиционно улетает в военную академию на сорок дней после отбора первачков. Занятия начнутся только по возвращению.

Минутка хвастовства не удалась: из меня неблагодарный слушатель самовосхваляющих речей и рекламных завлекаловок. Шипящий голос убаюкивал немногим хуже маминых колыбельных в детстве, и чувство ласкающих предплечья рук, поцелуев в шею не исчезало. Подорвавшись со стула, от неожиданности чуть не сбросив наглеца, подняла сумку, сунула в нее устав, сняла со спинки стула куртку и не забыла бутылочку любимого кефира.

— Тогда уйду я. Клоуном не нанималась.

Развернувшись, пошла к выходу из библиотечного зала. На улице тепло, и хотелось облюбовать пустующую беседку в сквере под деревом, похожем на плакучую иву. Раз имелось четыре бессонных дня безделья, их можно потратить на исследование территории. У порога парадного входа двери заискрили, предупреждая ударив слабенькой статикой. Из библиотечного зала послышался смех.

— На вынос не получится, первачка!

Глава 3

Как он надоел. Прикрыв глаза, глубоко вдохнула, выдохнула и несколько раз мотнула головой вправо-влево, отгоняя дрему. Не хватало уснуть и раскричаться в присутствии чужака. Отец посмеялся (перед ним было очень стыдно), мама тоже не приняла во внимание какие-то сны. Родители поддержали, что пройдет, а с наглеца-незнакомца станется разболтать секрет и подшучивать до конца моего пребывания в Огненной Академии.

Вернулась, бросила устав на стол и собралась уйти. Только мое общество хамлу понравилось, и он схватил за руку, рванув на себя. Не удержавшись, врезалась бедром в край стола и выдернула руку. Там, где бессильны слова, поможет только кулак, а рукоприкладство нынче дорого обойдется. Смолчав, обошла парня и спряталась между стеллажами. Длинные рукава куртки позволили завязать ее на талии, а сумку повесила на плечо.

Множество книг — привычная картина, только обложки местных выглядели гораздо старше, чем Советский Союз. Их бархатные обложки напоминали изображения книг конца восемнадцатого века. Остановившись, прислушалась. Шагов хама не слышно, но он никуда не уходил. В мертвой тишине прозвучал скрип ножки отодвигаемого стула о пол, шорох страниц. Парень видимо решил поискать, что именно меня взбудоражило в уставе.

Бордовые, грязно-серые «асфальтовые» и темно-коричневые обложки в массе не привлекали внимание, как одна единственная темно-синяя. С серебряными полосами по корешку книжка так и манила к себе: возьми меня, вдохни мой запах, погладь бархатную обложку, открой меня, потереби мои страницы, прочитай меня полностью, я вся твоя. Разве можно удержаться?

Протянув руку, выскребла плотно вставленную в ряд загнипнотизировавшую меня книжку. Она приятной тяжестью упала в руки, пахла колокольчиком. Аромат одурял. Поглаживая бархатную обложку глубокого синего цвета, пальчиком проводила по серебристым полоскам на корешке и по завиткам на переплетной крышке, как по узору темно-бежевой татуировки на правом бицепсе таинственного

любовника из сна...

Как не пыталась, открыть книжку получалось. Даже сумку бросила и села на пол, но ничего не выходила. Даже зубами попробовала, разочаровавшись в традиционных методах. Книжечка-то с сюрпризом оказалась. Я ее и так, и эдак, и разэдак раз сто пятьдесят, а она не поддавалась.

— Обиделась на меня? — хмыкнул наглец и отступил. — Поставь книгу на место. И больше не бери незнакомые. Поняла?

Интонации шипящего голоса изменились. Стали кроткими, мягкими, угрожающими. Адепт делал осторожные шажки мне на встречу и, встав рядом, медленно наклонялся, синхронно тянул обе руки, и меня прорвало. Он ко мне пристал, нахамил, извращенкой завуалированно назвал и потребовал, чтобы я его скуку скрашивала! Резко схватила за обложку книги, раскрыла ее, и плотный водный столб сбил наглеца с ног, ударив в живот.

Мне отдачей тоже досталось, но не так страшно. Брызги окатили с головы до ног, вымочив насквозь. Ошалев от результата, с трудом закрыла книгу, перевалилась на живот и подмывала ее под себя. Сражалась минут пять, пока не победила, подсунув ее под попу. Под моим весом брыкающаяся книжка недолго трепыхалась и заглохла. Встать с нее не решилась, даже когда несколько помятый оборзевший блондин снова подошел ко мне.

— Прости, — заикнувшись, извинительно улыбнулась и пожала плечами. — Я в магии, знаешь, не сильна.

— Это я заметил, — проворчал адепт, снимая зеленую ветровку-косуху. — В следующий раз, будь осторожнее и не трогай книги в синих обложках. Синяя обложка означает, что на листах запечатлен отпечаток энергетического заклинания. Хорошо, в этой был столп воды. А если бы огня? Ты меня убить могла.

— Прости, — понурих голову, отвернулась. Я никого не хотела убивать или травмировать. — Прости. Я не хотела. Я не знала. Ведь. Ведь все хорошо, правда?

Ужас совершенного зла накатил хлеще брызг от отдачи водяного столпа. Парень присел рядом и приобнял, позволив положить голову ему на плечо. Меня трясло от осознания, что могло произойти по моей неосторожности. Мне нет прощения. Больше ни к одной книжке не прикоснусь без разрешения местного библиотекаря. У библиотеки

должен быть зритель. Почему кроме нас двоих я никого не видела? Невидимка? В этом мире все возможно!

— Тебя как зовут? — всхлипнула я, поежившись. Мокрая одежда неприятно липла к телу. — Меня... Хель.

В последний момент успела одернуть себя и назваться не Олей, а по-новому Хель. Пока нет причин подозревать ректора Лунн и куратора в недобрых по отношению ко мне намерениях, а значит нет причин распространяться в своем иномирном происхождении. Еще сто раз успею, а пока могу врагов заработать. А вдруг захотят узнать секрет передачи магических сил от мага к обычному человеку, чтобы красть магию для совершения преступлений?

— В академии Змей. Мое родное имя очень длинное и тяжелое, — произнес парень с усмешкой. — Самому тяжело выговаривать. Что взять с тех, кто его произносит впервые? В первый раз и прочитать с листочка сложно!

— Ясно, — согласилась. Не хочет говорить, пусть не говорит. Принуждать не буду. — Рада познакомиться.

— Я тоже, — беззлобно усмехнулся Змей. — Ты забавная. Такая смешная.

Мы сидели насквозь мокрые и подмерзающие, зато веселые. Зря я, наверное, плохо думала о нем. Поглядывать на меня Змей мог, не находя решимости подойти и познакомиться. Я красивая, умная (раз дожила до четвертого курса) и очень даже привлекательная. Самое главное — низкой самооценкой не страдаю, по мне заметно. А то, что макияж два дня не обновлялся и от воды мог потечь, так мелочи!

Змей наклонился, чуть приподняв мне подбородок. Краем глаза заметила на его правом бицепсе знакомую бледную темно-бежевую вязь татуировки. Это он проклял меня и использовал как постельную игрушку во снах в течение последнего года! Губы парня неотвратно приближались к моим, а я не знала, что делать.

Дрожь предвкушения отсутствовала. Тело обмерло, застыв истуканом. Змей наклонился, прикрывая глаза, собираясь поцеловать меня. Он не видел, как я застыла от ужаса, сглатывая. Он ни словом не дал понять, что узнал во мне девушку из наших общих снов. Как он мог так нагло и бесцеремонно вести себя? Подшучивать? Строить из себя невинную жертву и героя, предложившего вымокшей девушке курточку?

Семь сантиметров между нашими лицами. Шею свело, и не получалось отвернуться. Пять сантиметров. Вот-вот уже. Остановитее его кто-нибудь, пожалуйста. Умоляю. Четыре с половиной сантиметра, и Змей лбом въехал в лоб, и я ударилась затылком о стеллаж. Ауч! Больно, аж звездочки перед глазами. Онемение спало, и я оттолкнула от себя парня. Он и сам развернулся, и в два счета подскочил на ноги.

— Мерзопакостная девчонка, — прошуршал знакомый голос. Его обладатель размахивал тростью; Змей потирал пришибленный этой самой тростью затылок. — Так и знал. Не с добра. Ой, не с добра.

Что не с добра, так и не поняла. Пока приводила зрение в порядок, Змей успел забрать толстовку, одев ее и застегнув до упора. Шанс проверить наличие татуировок на спине и под солнечным сплетением упущен. Зато старик-смотритель, которого приняла сначала за привратника, нигде скрываться не планировал и грозно размахивал тростью как дирижер палочкой. Только почему я — мерзкая девчонка, а Змей — ничего? Про Змея старик ни слова не сказал? Он, значит, хороший?

Мокрая и злая, встала, одернула прилипшую к телу рубашку и подняла тяжелую сумку. Уж сейчас задам!.. Промолчу, выдохну и успокоюсь. Змею могла бы чего-нибудь по-особенному лестное наговорить, но в присутствии работника академии ни слова не скажу об эротических снах. Тайны должны остаться между нами четверыми: мной, Змеем и Клео с ректором Лунн.

Мне прилетело в затылок о стеллаж. Змеюке — больше. Старик-смотритель целенаправленно избивал его тростью то по рукам, то по ребрам. Чувствуя себя отомщенной, тихо под шумок проскочила мимо и выскочила из здания библиотеки, величаво названным сооружением. Что бы не натворила, пусть с потопом разбирается Змей — его не жалко. Если бы не его превратное поведение, я бы никогда не открыла книгу в синей обложке.

Осень в этом мире другая. У нас холодный ноябрь, а здесь теплый «золотой октябрь». Ветра нет, воздух чистый, и дышится легко. Одежда высохла практически мгновенно. Красота! Сюда на летние каникулы съездить хорошо, а не учиться. Отдаленный от цивилизации тихий остров с эндемичной флорой и фауной в нашем мире привлекал бы туристов со всех концов света, обогащая материально хозяев прелестного уголка земли.

Но меня окружал не тот мир, в котором родилась и выросла. И вдруг на душе стало слякотно, как в премерзкий дождливый день. Вспомнилось: на автобус бежала вприпрыжку с бутербродом в зубах, в псевдоэппл-нано играл невыразительный трэш, на пешеходном переходе мудака на бронзовом хаммере окатил из грязной лужи, и экзамен по техническому английскому грозился уложить на лопатки.

Вдруг поплохело. Отойдя поближе к светофору, облокотилась на него и сползла вниз. Нога проскользнула по первому осеннему льду и отозвалась острой болью. Глаза сами собой закрывались, голова кружилась, мутило. Сил хватило только чтобы вытащить из зубов бутерброд, как рука безвольно повисла. В стороне женщина закричала маминым голосом, и я подняла голову. Мама бежала ко мне, кричала, а слева шинной резиной визжала потерявшая на льду управление легковушка.

Когда после аварии врач накладывает гипс на ногу, сломанную в результате скольжения на льду, себя можно записывать в невозможные счастливики. Легковушка вильнула на ухабе в сторону и перевернулась, врезавшись в неправильно припаркованную ауди. Мама поседела и четыре месяца провела под наблюдением психиатра, и я жила вместе с ней в больнице, спала на соседней койке в палате. Отец съездил в универ и оформил академ на год: так я стала второкурсницей-четверокурсницей.

В больнице мне впервые приснился любовник, и он не оставлял меня ни на день в течение года. Змей изо дня в день трепал мне нервы, поначалу доводил до ручки, что мама заметила слишком быстро. Если страх за мое поведение хоть немножко подтолкнул маму к скорейшему выздоровлению, то не жалею пережитого. Наказания виновника все равно добьюсь! Оставшись безнаказанным из-за снов, обнаглеет окончательно и навредит девушке в реальности. Например, мне.

Решив действовать, успокоилась. Полегчало. Легкий ветерок закружил опавшие листья под ногами, и мне слышались отдаленный шум перепалки нескольких незнакомцев. Пospешив уйти, потуже затянула куртку на талии и побежала. Змей побега мне не простит, как я не прощу его мерзкое увлечение. Найду способ доказать его вину и доведу до справедливого наказания. Пускай Клео вместе с ректором Лунн покрывают его. Я — не стану.

Живот скручивало от привычного чувства голода. По территории

внутри стен терракотовой академии разбито множество сквериков с лавочками под раскидистыми ветвями плакучих деревьев. Спрятавшись под одним из них, сняла с талии куртку, бросила ее на лавочку вместе с сумкой и устроилась сама. Тепло, безмятежно, легкий ветерок и бутылочка кефира. Что могло быть лучше? (Мысли о печеных творожниках затолкала как можно глубже в подсознание, чтобы не вспоминать о них дней — дцать).

Перестук каблучков нарушил тишину. По каменной тропинке сквера спешила Глория. Невысокая блондиночка в красном жакетике поверх белой блузки, в белых брючках, как показалось, спешила ко мне. Только бы не из-за погрома в библиотеке! Кефир, как обещал Клео, не заканчивался, и на фоне приближающейся Глории меня от него затошнило. «Пусть скажет, где нормально покушать и поспать!» — взмолилась, подгребая вещички, и через полминуты встала навстречу.

— Хельга Фиар, — строгим тоном учительницы начальных классов Глория назвала мое новое имя. — Вас вызывает к себе Клаус Ранхар. Будьте добры, пройдите со мной.

Звучало не так страшно. Кивнув, поспешила за секретарем ректора Лунн в кабинет Клауса Ранхара. В качестве кого выступал мужчина (имя, мне подумалось, принадлежало мужчине), раз вызвал к себе в кабинет? Какой-нибудь завуч или охранник, которому нужно расписаться в журнале по технике безопасности? Даже в знакомом документе, но в магическом мире подписываться боязно. Змей упоминал об иллюзиях, и я не хотела быть обманутой одной из них.

Отличить одно сооружение от четырех других не получалось. Разве что этажность каждого различна. Заметив отличие, пообещала себе обязательно запомнить, какое из сооружений что в себя включает. Зато, когда Глория провела меня в одно из них — самое высокое из пяти, — то сразу узнала, не административное. Внутри стены облицованы зеленой монолитной доской, напоминающей старые школьные доски для письма мелом.

Как и предполагала, познакомиться мне пришлось с мужчиной, не похожим ни на кого, кто мне встречался в этом мире. Широкоплечий, с квадратной челюстью и черными кудрявыми вихрами он более чем выделялся из светловолосой толпы магов. Серьезный прищур светлых глаз, дважды рассеченная правая бровь создавали внушительный образ преподавателя, и снова не ошиблась в предположениях.

Клаус Ранхар кивнул Глории, отпуская ее, а мне уверенным жестом указал на кресло, идентичное креслу в кабинете ректора Лунн. Присев, поставила сумку слева и положила сверху нее куртку, сняв с талии. В ожидании тянулись долгие минуты, медлительность мужчины вынуждала нервничать. Поежившись, поигрывала кнопками фитнес-браслета, оставшегося без подмоги в виде приложения на смартфоне.

— Хельга Фиар, — скупое произнес мужчина, отложив дела. — Меня зовут Клаус Ранхар, и видаться мы с вами будем часто.

— Вы... преподаете основную дисциплину? — предположила, опустив руки на подлокотники и выпрямив спину. Под тяжелым взглядом нервничала, не выдерживая напряжения. — Тогда я рада с вами познакомиться.

— Я отвечаю за дисциплину, порядок и безопасность на территориях Огненной Академии, — объявил мужчина, и меня как парализовало. — На моей памяти, принесшие беду в первый день адепты часто попадают ко мне в кабинет.

— Вы же понимаете, я не специально — вжав голову в плечи, испуганно отвела взгляд. Раз я сама вымокла, то книги на соседних стеллажах тоже могли пострадать. — Если бы я знала, ни за что на свете не подошла к стеллажам и ничего не трогала.

— Все вы не специально, — сказал, как отрезал начальник охраны. Или он завуч по воспитательной работе? — На первый раз отделаешься выговором, записью в личное дело и уплатой штрафа за порчу библиотечного имущества. На второй раз поставлю на учет. На третий... вылетишь из академии птичкой.

Подсказывало, вылетание не включает в себя обратное путешествие на Черной Молнии в место, откуда меня бесцеремонно похитили. Уплата штрафа ляжет на плечи Клео, как на моего якобы старшего брата. Нельзя злить куратора, нельзя. Зачем взяла книгу, догадываясь о ее магическом наполнении? Ничего бы не трогала — ничего бы не случилось. Что делать? Нужно срочно что-нибудь придумать толковое.

— В библиотеке я была не одна! — удержаться от вскрика трудно, но сохранить надменное, как у Клео, выражение лица получилось. — Так почему же здесь я одна? Почему вы допрашиваете и наказываете исключительно меня? Не будь у надлежащих событий второго участника, ничего бы не произошло.

Клаус Ранхар поднял голову. В его светлых глазах сквозило недоумение. Он удивился тому, что я собиралась сдать пособника? Так Змей мне не друг и никогда им не будет. Он мой враг. Почему должна заботиться о его спокойствии и чистеньком личном деле? Собравшись с мыслями, выдала как на духу и про хамское поведение Змея, и про его грубость, включая фамильярное обращение. Мелочь, а приятно!

— Позвольте заметить, удивлен, — сказал Ранхар, как только рассказ завершился. — Обычно адепты держатся друг за друга. Готовы взять на себя чужую вину.

— А если однажды он меня изнасилует? Мне тоже взять его вину на себя?

Подушав, облокотилась на спинку кресла, утонув в нем. Обычно именно так поступали везде и всегда: сначала в преступлении обвиняли жертву и только после того, как жертва настояла на своем, начинали расследование произошедшего по остывшим следам. Некоторые не откроют дело, пока не получают бездыханное изуродованное тело, расчлененное на энное количество частей.

— Не драматизируйте, — Клаус Ранхар черкнул подпись на листе, который заполнял минут двадцать, и подозвал меня к себе. — Подпишите здесь.

— Я не буду ничего подписывать, — отказалась, не шелохнувшись. — А вдруг вы меня в рабство продаете? Или на органы? Прошу прощения, но жизнь мне более чем дорога.

Мужчина разозлился, переломив писчий прут в двух местах. Перегнула палку? Но ведь ничего плохого не сказала. Просто отказалась подписывать незнакомый документ, который не видела ни разу. Как можно подписывать бумажку, на которую запросто могла быть наложена иллюзия? Вряд ли смогу распознать даже самую простенькую из существующих.

— Подпишите, — твердо заявил Клаус Ранхар. — Иначе будете сидеть здесь столько, сколько вам понадобится для осознания собственной вины и бестолковости.

— Хорошо, — кивнула. — У нас с вами все Испытание Огня впереди. Еще чуть меньше сорока часов, если не ошибаюсь?

Дура! Зачем нахамила главе местного самоуправления безопасности? Дура дурой. Ничему меня жизнь не учила. Если сейчас извинюсь, карма полегче станет? Или придется наработать прощение

общественно-полезной работой? Разборки в деканате на первом курсе стоили мне мытья двенадцати окон на этаже. Впредь желания покричать и пообвинять сотрудников родного деканата во вселенской несправедливости не возникало.

— Не равняйся на брата, Хельга Фиар, — вдруг посоветовал Клаус Ранхар. — У Магнуса немало проблем из-за его вздорного, надменного характера. Быть покладистой гораздо безопаснее.

Угроза? Мне только что пригрозили? Чем? Пребывая в недоумении и непонятках, вытащила из сумки тетрадку по свято любимой теории машин и механизмов, по которой курсовое проектирование даже не начинала. Зачетная неделя начнется менее, чем через два месяца, а я ленилась приступить к выполнению задания. Нужно было когда-нибудь начать!

Высидевшая время за работой над исходными данными варианта курсового проектирования, исподлобья поглядывала на мужчину. Теперь я действовала на нервы окружающим, а не они мне. Если хочешь справедливости, то добейся ее самостоятельно.

Пунктом номер три шел силовой расчет механизма. Массы звеньев: долбяков, зубчатых колес, поршней, остальных... Ничего нового и хорошего. Пока спокойно сидела, выписывая давления шатунов, коромысла и кулис, перемножая их с длинами соответствующих звеньев, Клаус Ранхар иногда бросал в мою сторону угрожающие взгляды.

Давление его непререкаемого авторитета, как кость в горле, мешала сосредоточиться, и я отвлекалась на питьевую кефирную минутку. Пару раз завуч кахэкнул, намекая, что видеть меня его утомило, но не получил ответа. Он хотел получить подпись в неизвестном документе, а мне не улыбалась перспектива отвечать за испорченные старые книги. Не буду признавать вину даже частично. Если бы меня не похитили, меня бы здесь не было, и библиотечные книги не пострадали.

— Простите? — вдруг подняв голову, спросила. — Вы хотите, чтобы я признала вину единолично? Этот парень... Змей... он чей-то сын? Вы боитесь гнева его родителей?

В трусости завуча обвинять тяжело. Высокий, широкий, накаченный не спиртным, а накаченный силовой физкультурой, мужчина представлял собой пугающее зрелище. Мне нужно как можно скорее покинуть его кабинет, пока не наговорила непоправимых слов.

Нельзя раздражать преподавателей, иначе они могут начать за мною слежку. Как тогда вернуться домой? Мама с ума сойдет от волнения!

— Вы обвиняете меня в трусости? — голос звучал легко и непринужденно, будто мы говорили о погоде. — Невероятная глупость для взрослой девицы. Вам бы не в академию поступать, а в учебную группу ходить в возрастной категории от четырнадцати до шестнадцати лет.

Промолчала. Ответ готов сорваться с языка, но хамство следовало придержать. О чем только думала, когда осталась в библиотеке? Вернув устав, стоило тут же уйти, но нет. Мне заблагорассудилось погулять между книжными стеллажами и полюбоваться на украшенные серебристыми и золотистыми вензелями корешки бархатных обложек. Теперь страдала, почему зря. Выглядело так, будто Клаус Ранхар сдержит слово удержать меня до подписания бумаги даже в том случае, если его кабинет потонет в огне.

— Клаус, — куратор вошел в кабинет без стука и сразу опустил официальный тон.

— Магнус, — согласился завуч, выходя из-за стола. — Какая встреча. Я предполагал, ты избегаешь встреч со мной. Удивительно, не правда? Твоя сестра вся в тебя.

Клаус Ранхар знал, что у Магнуса Фиара нет младшей сестры? Как иначе объяснить ленивую язвительность в глубоком голосе? Мужчины столкнулись нос к носу в середине кабинета. Между ними наэлектризовался воздух, и мне пришлось поспешить, собирая вещички. Убежать от завуча, как от Змея, получится ли? Но ведь Клео явился за мной, правда? Иначе зачем он здесь? Непереносимость друг друга у мужчин явственно читалась по выражению их лиц, их взглядам.

Какая «удача» оказаться меж двух огней! Потихоньку отступая, замерла: Клео схватил за кружевной воротник на шее и попавшие под ладонь волосы. Они натянулись, и вынудили вернуться на пару шагов. Побег провалился. Хорошо, пусть так. Снова села в глубокое кресло с ногами, подтянув куртку и сумку. Мужчины молчали, яростно глядя друг к другу в глаза. Вот-вот ударит молния, или они разойдутся, чтобы сойтись в смертельной дуэльной схватке!

— Мы уходим, — приказал Клео, поманив за собой. — Немедленно.

Завуч пригвоздил к стене взглядом, но силы, чтобы встать и уйти,

нашла. Как умудрилась занять врага не только среди адептов в лице Змея, но и среди преподавателей — Клауса Ранхара? Фитнес-браслет сообщил, что с момента опоздания на автобус пролетели жалкие пять часов, а мне за это время довелось влипнуть в столько неприятностей. Не сосчитать! Кабинет покидала с опаской, семена, и спрашивать о нелюбви двух соперников к друг другу себе запретила.

В учебном сооружении мы не задержались ни на минуту. Клео уводил меня подальше от Клауса Ранхара, будто большой злой дракон уносит жертву от доблестного рыцаря в сияющих доспехах. Внешне наоборот: Клео выглядел как холеный аристократ, а завуч больше подходил на роль жестокого огнедышащего чудовища.

— Ты слишком медленная, — заявил Клео, когда врезалась ему в спину. Зачем остановился посреди очередного сквера? — Неприятностей много приносишь.

— Зачем тогда притащили в академию? — всплеснула бы руками, да вещи мешали. Когда мне наконец позволят сложить их где-нибудь?

— Тихо, — Клео осадил взглядом, не дав ни секунды на оправдание. — Хочешь, чтобы каждый в академии узнал, что ты не должна здесь находиться?

Он стоял рядом со мной в пол-оборота, и давил-давил-давил. Хотелось забиться в темную норку в углу и не вылазить, пока не станет безопасно. Почему бы им не заблокировать (или забрать обратно) магию и отправить меня обратно? Понутив голову, поспешила за удаляющимся Клео.

Четвертое сооружение было вторым по количеству этажей, и уже в холле не возникало сомнений в исполняемых функциях. На первом этаже очумительно пахло едой, но Клео наступил мне на ногу, когда повернулась в неправильную, по его мнению, сторону. Кафетерий или даже столовая совсем рядом, но наш путь лежал наверх по одной из двух винтовых узеньких лестниц. Еще две идентичных уводили на второй этаж слева от «вкусного» помещения.

— Что там наверху? — наконец решилась потревожить установившиеся между нами тишину и относительное перемирие. — Раз притащили в пансионат, то заселите куда-нибудь.

— Именно. Запру в комнате, и неприятностей больше не учинишь.

Не нужно в комнате запирасть! С психиатрической больницы замкнутых помещений боюсь! Нет ничего хуже, когда тебя принимают

не за родственника, а за пациентку. Обманный шаг, и кидаюсь вниз по лестнице. Куратор не заметил поползновений, перехватил за талию и подтолкнул вперед. Без сна и питания справиться с «незаметной помехой» проще простого. На пути нам никто не встретился, и куратор, схватив меня за руку, втолкнул в первую попавшуюся комнату и щелкнул пальцами. Дверь грохнула, оградив меня от всего мира.

Тишина. Темная комната, зашторенная черной полупрозрачной органзой, навевала воспоминания о мрачных третьесортных ужасниках, но не о больнице. Три кровати стояли на одинаковом друг от друга расстоянии, и единственная свободная из них находилась практически рядом с входной дверью. Ровно в центре комнаты железное основание застелено только покрывалом, в отличие от двух других с перинами. Хоть прилечь можно и то славно.

Сетка неприятно врезалась в спину и царапала ноги и руки, только выбирать не приходилось. К чему правила чужеземной академии, когда готова уснуть даже на холодном и жестком полу? Подложив под голову кисти рук, закрыла глаза. Сон мгновенно увлек в объятия, только Змея не было. На золотой простыне в углу низкой подиумной кровати лежала одежда маленького размера. Белые брючки и блузка, как у Глории, как раз на меня.

У подножия подиума обнаружилась пара беленьких туфелек без каблука. И снова моего размера с точностью до миллиметра. Переодевшись в чистую свежую одежду, села на краешке кровати и обувалась. Колодка оставляла желать лучшего. Жаль, нельзя проигнорировать академическую униформу. С чего бы Змею заботиться об одежде для меня? Компенсация за облитую в библиотеке? Что-то здесь не сходится.

Обувшись, огляделась по сторонам. Родители Змея точно небедные люди! Комната квадратов на двадцать: светлая, просторная, обустроенная не только кроватью класса «люкс» и комфортным письменным столом, а также парой пуфиков и туалетным столиком с зеркалом. Интерьер кричал о том, что в эту комнату ждали женщину, либо женщина здесь жила на постоянной основе...

С чувством легкого недоумения и подозрения подошла к туалетному столику и присела на пуфик рядом с ним. Вычурная резная оправа мне более чем знакома, бело-голубую итальянскую фигурку ангела с младенцем мне подарила бабушка на прошлый день рождения

— несколько месяцев искала ее, на мелкую племяншку думала, что та разбила и утаила. Сны ли мучили меня? Или...

Пока открывала первый ящичек, пальцы дрожали и несколько раз скрывались с ручки. Внутри лежала синенькая овальная коробочка, как под тени. Но внутри нее не запеченные тени, а круглые капсулы, как жемчужинки. Коробочка выпала из руки обратно в ящичек. Мои глаза прикрыла мужская рука, и я от неожиданности ударом задвинула ящичек в пазы до упора.

— Тшш...

Хотела дернуться. Змей наклонился, откинул мне волосы на левое плечо и припал губами к шее. Голова оказалась зажата как в тисках. Из-за ладони на глазах зеркало не помогало увидеть лицо. Разве он до сих пор не догадался, что вычислила его в два счета? Хватит, поддалась ему в библиотеке. Не в этот раз. Лафа закончилась!

Локтем в живот, и ни звука в ответ. Объятия ослабли, и мне удалось вырваться всего лишь на мгновение. В следующее уткнулась носом в пол, животом на пуфике, и руки зафиксированы за спиной. На позвоночник давило колено. Страшно дернуться, чтобы не получить перелом. Не надо. Пожалуйста.

— Я не хочу, — выдавила из себя, понадевшись на чудо. Не для того в спальне много женских вещей, чтобы держать меня на принуждении. — Отпусти. Отпусти, я сказала!

Змей убрал колено и отпустил руки. Он помог мне встать, старательно отворачивая от зеркала, и обнял со спины, положив руки на талию. Носом ткнулся в висок, и мне даже краем глаза не удавалось увидеть ничего, кроме длинных светлых волос. Злило. Змеей слегка покачивался, укачивая меня. Обычно успокаивало, но не сегодня.

— Отпусти меня. Я злая. Не видишь, что ли?

Остановился. Его руки опустились на низ живота, и меня прорвало. С роду не страдала ПМС: не рыдала, не страдала, истерике не поддавалась. Как из ниоткуда вспомнились слова гинеколога: «Не врите мне, девушка. Анализы подтвердили, вы пьете сильные таблетки». Но, на самом деле, ничего не принимала. Мне казалось, что не принимала.

— Отпусти.

— Тшш...

Дернусь, и он снова схватит, пошевелиться не смогу. Врач говорил, из-за таблеток придется год на реабилитации лежать. Анализы не дали

конкретных результатов, вещество не опознано. Дней не было с год: я могла отравиться ими, мне лечиться надо, пока не поздно, пока не нужно и замуж не собралась. Будь ты проклят!

Дернулась, вырвалась и обернулась. Кроме меня в светлой комнате никого. Как он так быстро исчез? Стал невидимкой? С самого начала им был? Нужно забрать таблетки: отнесу их в больницу — врач найдет способ, как меня лечить. Сейчас беременность неактуальна, а что будет через год, через пять лет? Никакого прощения. Никакой пощады.

Перед уходом кинулась к туалетному столику и вытащила из ящичка таблетки. Подумала ихватила за собой подаренную бабушкой статуэтку. Во втором ящичке ничего, кроме косметики и духов нет. Никаких шкафов или сундуков в спальне не предусматривалось. Даже у пухликов пыталась снять сиденье, надеясь наткнуться на крышку с тайником внутри.

Провинившийся адепт — точно Змей. Клаус Ранхар, местный зауч, не хотел привлекать его к разбирательству, боясь гнева его богатых (и, естественно, влиятельных) родителей. Главным доказательством, конечно, слухи не были. Темно-бежевая татуировка на правом бицепсе говорила сама за себя. Не могу поручиться, что вязь та же самая, если вдруг такие метки у многих местных мужчин, но... это он. Я уверена!

На кровати вещей, в которых прибыла в академию, нет. Их поискала даже под кроватью, но джинсы с рубашкой исчезли вместе со Змеем. Со мной остались только фитнес-браслет и на цепочке золотая подвеска «О» с воющим волком. Ольга. Мое имя Ольга Волкова, и его мне нельзя забывать. Нужно вернуться домой, пока меня банальнейшим образом не съели.

Уходя, наткнулась на закрытые двери. Схватила за ручки, подергала, и бестолку. Заперта. Как раньше возвращалась домой? Засыпала под одеялом, и меня выкидывали в родную постельку, как котенка с кровати на кошачью подстилку? Нужно вырваться отсюда. Забыть на время о произошедшем и с чистой головой искать выход из ловушки. Идея пришла мгновенно, но в ее эффективности не уверена.

Прости меня, бабушка. Ангел отвратительный, но искренность подарка оценила по достоинству. Перехватив маленькую статуэтку поудобнее в ладони, разбила зеркало туалетного столика. Не порезалась. Белые и небесно-голубые кусочки фарфора смешались с осколками

стекла. Глубоко вдохнув и выдохнув, выбрала самый большой осколок, показавшийся мне наиболее острым и подвела к запястью.

Рука с осколком ослабла. Краешек оцарапал пальцы, выпал и разбился о поверхность туалетного столика. Взгляд помутнел, потолок с полом поменялись местами. Только смогла увидеть проступившую на порезе капельную нитку крови, прежде чем рухнула вниз. Упала на железное основание кровати в запертой комнате. Значит, не сон. Портал. Перемещение на малое расстояние. Раз виновник Змей, значит портал ведет в одну из комнат спально-обеденного сооружения. Попростому — в общагу со столовой на первом этаже.

Голова кружилась, не позволяя сесть. Железная сетка пружинила, покачивая. Порезанные указательный и средний пальцы правой руки кололо. На этом неприятные ощущения заканчивались, но не неприятности. Голод, не утоленный кефиром, делал меня агрессивнее, чем обычно. Наконец сев, прикрыла глаза на мгновение и посмотрела на раненые пальцы. Хорошая свертываемость остановила кровь.

— Это уже слишком, — прошептала и, осторожно встав, приблизилась к окну.

За полупрозрачной черной шторой из органзы скрывался непривлекательный вид на испорченный осенью «школьный» двор. Там, внизу, нечто вроде стадиона: около двух-трех десятков парней и девушек бежали практически по краю темой асфальтового цвета дорожки, наматывая круги. Внутри бегового овала — земля. Высокий человек с длинными белыми волосами (предположительно мужчина, судя по очертаниям фигуры) стоял со скрещенными под грудью руками и время от времени покрикивал, отдавая приказы.

Точно мужчина. Если он — местный физкультурник, то чуяла, пофилонить не получится. В универе последний месяц физкультуры, а здесь только начинался. Одни минусы в магическом мире. Ни поесть, ни поспать, ни от физкультуры не отвертеться. Даже поговорить не с кем: разве что со Змеем. Вот кто точно рад моему обществу, притом исключительно обнаженному. Хамская записка стала последней каплей:

На что обиделась в этот раз?

// Зеркало и ангела починил.

Зачем разбила? Красиво же.

~"*°. Д.°*~

— «Д»? Что значит «Д»? Первая буква его настоящего имени?

Вопрос «На что обиделась в этот раз?» раздракнил. Ум за разум зашел, кулак сжал желтенькую бумажку из писчего блока. Внутри что-то потрескивало, и из любопытства раскрыла ладонь. Молния выстрелила в окно и подожгла черную штору. Органза вспыхнула и угольком повисла на карнизе.

На ладони остался пепел от записки. Какая-то магия во мне была, и, по заверению ректора Лунн, выше среднего уровня. Утром в ректорском кабинете не поверила в магию: вспыхивание проволочного колечка больше похоже на фокус, чем на магию. Зачарованная синяя книга в библиотеке тоже не стала чем-то необычным. Шок от похищения был слишком силен, и я не осознала происходящего.

Обгоревшие остатки органзы черным комком свисали с карниза, будоража воображение. Только сейчас начало доходить, что оказалась в самой настоящей магической академии. В мире волшебства и тайн, смертельно опасных квестов покруче написания курсовой работы с нуля и без примера по «Тут Моя Могила». Пепел сдула в приоткрытое окошко и еще раз посмотрела вниз: adeпты уходили со стадиона, преподаватель с длинными, до пресса волосами рукоплескал, подгоняя черепашек.

Глава 4

Моя жизнь больше никогда не будет прежней. Скрип двери отвлек от раздумий. У каждого последующего встреченного мною человека волосы длиннее и длиннее. Странность. Вошедшая в комнату миловидная девушка: высокая, светловолосая, улыбчивая, с ямочками на щеках. И на ней тот же белый костюм, что и на мне.

— Привет, я Эльва, — смущенно поздоровалась девушка, будто не знала, что со мной делать. Будто ее прислали присмотреть за мной, что более чем невероятно. Не вокруг меня мир вертелся. — Ты ведь первачка, правильно? Не рано ли заселяешься? И тебя с твоими поселить должны. Мне так кажется. Так в прошлом году было.

Эльва затараторила, и мне вдруг подумалось, она жила одна в комнате. Оттого волнение накрыло ее и не отпускало, пока я не назвала сокращение нового имени. Слова давались тяжело, вымученно, а на деле выходило холодно, безразлично и надменно. Сама себе напоминала гордого «старшего брата» Мануса Фиара, который с легкой руки и недалекой мысли превратился в царственного Клео.

— И что должны делать порядочные первачки? — обернувшись к соседке, усевшейся на отдельно стоящей кровати в углу, попыталась улыбнуться и выглядеть дружелюбной. После накатившего потока новой и не всегда адекватной информации трудно вести себя как прежде. — Из библиотеки меня выгнали и больше не пустят...

— Почему не пустят? — удивилась Эльва. — Успела с Мунном поссориться? В первый день? Как?

— Пару стеллажей затопила, — пожала плечами и переспросила. — Ты Мунном старика с тростью назвала?

Девушка кивнула, не заметив подвоха. Мне показалось необычным совпадение двух фамилий Мунн и Лунн, которое открывалось любому, кто знал английский язык на уровне третьего класса начальной школы. Существовал ли в этом мире аналог? Иначе как мне удавалось с легкостью общаться с местными жителями? Неведомое заклятие, наложенное парнем-похитителем, пока спала в буфете трансгентства? Или ранее — Змеем в одном из псевдоснов?

Также мне предстояло осознать один маленький-большой факт:

девственность потеряна год назад, а я узнала об этом только сегодня. Омерзения к произошедшему и отвращения к себе не ощущала, что можно считать жирным плюсом. Истерика и самобичевание выбили бы почву из-под ног, и я бы не смогла твердо стоять на ногах. А так... так просто не знала, что делать. Ничего не изменилось. Ровным счетом ничего.

— Во-делаа, — протянула Эльва. — Сочувствую. Мунн сам по себе брюзга и скаред... Ладно, не бойсь. Лекции я для тебя возьму. Главное, что к Ранхару не отвели. Тогда у тебя были бы серьезные неприятности!

К Ранхару, говоришь? Клаусу Ранхару? Серьезные неприятности? Я влипла. Что могло быть серьезнее неожиданной, безоговорочной и насильственной смены постоянного местожительства? Неприятности в новом «доме»! Голодная, сонная и злая — после переезда двенадцать лет назад в другой город из-за очередной новой маминой работы я была такая же. Два дня вздрагивала от каждого шороха и шипела, как кошка, пока не вырубилась в коридоре.

— Эльва, правила ведь созданы для того, чтобы их нарушать. Верно? — мой тоненький голосок звучал тихо, неуверенно. Девушка подозрительно прищурила глазки, не понимая, что я задумала. — Где тайком поесть можно? Я несколько дней нормально не ела. Еще чуть-чуть и на людей кидаться начну, как на прожаренную сосиску, завернутую в лист салата.

— Если нарушишь правила Испытания, то вылетишь из академии без возврата оплаты, — нахмурилась Эльва и положила ногу на ногу. Представляю, что со мной сделает Клео, оплативший счет по договору. — Есть одна лазейка... Только дорого она тебе обойдется. Может, потерпишь до завтра?

— А что будет завтра? — вопрос вырвался прежде, чем успела задуматься. Игра по незнакомым правилам отнюдь не вдохновляла. — Почему завтра?

— Завтра из выбывших начнут собирать восьмую группу, — вздохнула Эльва, поставила ноги ровно пятка к пятке, носочек к носочку и хлопнула по коленям. — Выбывших сегодня исключают. Чем дольше продержится первачок, тем выше его магический уровень.

— Не поняла. Объясни. Поступающих берут измором ради... — закончить фразу не получилось. Не понимала великой идеи издевательств над людьми, за которое они еще и деньги заплатили.

Мазохизм в чистом виде!

— Испытание Стихии, или, в нашем случае, Испытание Огня, также известно как испытание на магическую выносливость в условиях физического истощения. Короче, это проверка, что тебя твоя собственная магия не сожрет, если переколдуешь до изнеможения. Понятно? — на лице Эльвы отразилось недовольство, значит мое не блистало выражением просветления. — Можно я не буду заново объяснять?

Ее плечи опустились, и мы замолчали. Вот что имел в виду Клео, прося продержаться на испытании как можно дольше. Чем ниже уровень группы, тем больше риск магического истощения, тем пристальнее внимание преподавателей к адепту. Как скоро будет вычислено мое иномирное происхождение, если попаду в восьмую группу? А если вылечу раньше, то что со мной сделает Клео из-за потраченных впустую денег?

— Чем это здесь пахнет? — поморщившись, спросила Эльва и обернулась к окну. Я посмотрела за ней. — Ой, проклятая штора сгорела! Наконец-то! Такой вид загоразивала!

Какой вид могла загоразивать черная полупрозрачная шторка, ответа не получила. Эльва загадочно улыбнулась, пообещав рассказать и показать как-нибудь при случае. Пожав плечами, сползла с подоконника и вернулась к сумке. Не знала, что можно в ней найти, но мне жизненно необходимо чем-то занять образовавшуюся в разговоре пустоту. Девушка тоже поняла, что наша беседа незаметно сошла на нет, а поболтать еще немножко хотелось.

— Ты не ложись на эту кровать, — посоветовала она. — Видишь, не застелено. Это потому, что она проклята. Она и шторка... была. Говорят, у одной адептки увели парня, и она так сильно разозлилась на соперницу, что прокляла всю ее комнату. Проклятье, вроде, сняли, а вот с кровати и шторы не смогли.

— Крайняя кровать не занята? — мне почему-то казалось, что наоборот.

— Я одна живу, — по привычке пожала плечами Эльва и встала. — Не отнекивайся! Это ведь ты сожгла штору? Ненавижу черный цвет. Тогда, думаю, тебе должно хватить резерва. — Отнекиваться не дала, я и не подумала попытаться.

— Хватить на что? — в мысли закрадывались хулиганские

подозрения, и ни одно мне по вкусу не приходилось.

— На лазейку! — воскликнула Эльва, хлопнув в ладоши. — Если ты сама наколдуешь еды, никто не сможет упрекнуть тебя в нарушении правил испытания. Обычно во время испытания не колдуют, чтобы не тратить запасы резерва... довольно ограниченные, в основном.

Эльва еще что-то говорила, но я ее уже не слушала. Магии во мне нет и никогда не было. Вся моя магия — это магия резерва Змея, а он мог есть в любом желаемом количестве. Что бы не произошло между нами, смерти ему не желала. Я еще не задала ему ни одного вопроса, из мучивших меня. Был ли сам Змей жертвой собственной магии хотя бы по-началу? Раскаивался ли в содеянном, а сейчас пользовался по привычке?

— Ну, так что? Пробуем? Рискованно немножко, но... я не хочу быть съеденной, как жареная сосиска, — пошутила девушка и подозвала меня к длинному письменному столу, по ширине как раз рассчитанному на двоих. Еще один стоял между ее кроватью и входной дверью. — Давай научу паре простеньких фокусов.

Разве можно отказаться от такого заманчивого предложения? Притом за чужой, змеюки, счет? Эльва мне предложила сесть за стол, а сама встала позади. На стол она положила белоснежно-белый лист, чуть поодаль стопку бумаги и вручила писчий прут. Вблизи мне наконец удалось рассмотреть его: тоненький круглый остро заточенный карандаш без стержня, зато с монолитной оправой из приятного на ощупь материала.

— Существует множество видов магического воздействия, — лекция началась бойко, но уже обещала скатиться в занудство. — На занятиях объяснят. Главное то, что приказы можно отдавать различными способами, включая рисунки. Точнее сказать, магия рисунка... короче, доступная ребенку элементарщина. При условии, что речь не идет о какой-то там высшей магии. Не суть. Короче. Рисуешь очертания того, что хочешь, усиленно представляешь внешний вид и вкус в воображении, вливаешь часть чистого резерва... И вуаля! Вкусняшка появляется в реальности.

— В чем подвох? — не могла магия быть такой простой. Почему тогда другие адепты не наколдовывают еду, чтобы продержаться на испытании подольше? Из-за резерва? Эльва вздохнула.

— Такая еда и монетки не стоит, — девушка развела руками и

скрестила их под значительно выдающейся грудью. — Да-да, обманчиво притупляет чувство голода ненадолго, но и все. Пшик! Иначе зачем на первом этаже открыли столовую? Уж не затем, чтобы собирать адептов в кучку. Да и отравиться такой едой можно, если что-то не так представить или отвлечься в процессе.

Потрясающая перспектива! То ли сдохнуть от голода, то ли от кусочка еды. Эльва продолжала объяснять, как работает детский уровень магии рисунка, карябала волшебным карандашиком завитушки и спустя пару минут вытянула из листа яркую зеленую ткань с вкраплениями золотистых мелких блесток.

— Вот теперь будет у нас новая штора! — авторитетно заявила Эльва, раскладывая ткань на второй половине длинного письменного стола.

А я вдохновилась: будет что будет!

«Будет что будет» не было часа два. За это время я испортила около тридцати листов, а Эльва сшила чудесную шторку. Зеленая красавица облагородила окно и вызывала смешливую улыбку. В моей комнате тоже висели зелененькие шторки, только оттенком посветлее, и они не блестели так, как эти. Они выглядели потрясающе и забавно колыхались на легком ветерке из приоткрытого окошка.

— Что ты там возишься? — поинтересовалась Эльва, поставив руки в бока. — Любой ребенок давно бы уже справился! В чем проблема?

Девушка села рядом со мной, пододвинув поближе второй стул. У меня отчаянно ничего не выходило, и я психанула, бросив волшебный карандаш. Листы под моими руками чернели и обугливались, как проклятая черная шторка. Испорчен первый лист, второй, третий, тридцатый. Стопка бумаги значительно похудела, только сильнее разозлив меня. Эльва недовольно покачала головой.

— Ты слишком много силы вкладываешь в рисунок, — поучительно втолковывала мне девушка. — Это обычные листы. Они не предназначены для сохранения большого количества магии. Попробуй вкладывать поменьше, и у тебя все получится.

Легко сказать! Когда тебя переполняет чужая магия, не так-то легко контролировать ее расход. А когда ты жаждешь использовать ее как можно позже, чтоб змеюка подколотная знала, как руки распускать не по делу, так и вовсе задача стояла нереализуемая! Но в чем-то Эльва права: если не успокоюсь и не начну делать так, как она сказала, у меня

ничего не выйдет. Соответственно, останусь голодной.

Спокойно, — сказала себе, хлебнула питьевой водички из принесенного новой знакомой стакана и выдохнула. Теперь я готова. Только остро заточенный кончик карандаша отломился. Что за невезение! Эльва усмехнулась и взяла его: в ее руке карандаш самостоятельно заточился, будто силой ее мысли. Если бы он еще не расходовался, то я бы поверила в настоящее чудо! От магии, стоило признать, хорошего ждать не приходилось. Но шторка все равно шикарная вышла!

Эльва передала мне карандаш, и я приказала себе, что эта попытка станет последней. Если у меня не получится ровным счетом ничего, то отложу занятия до практических после лекций под наблюдением квалифицированного педагога. На новом тридцать каком-то листе нарисовала очертания двухъярусного бисквитного торта на большой круглой тарелке. Закрыв глаза, представила три круга роллов и несколько суши на вершинке нежного бисквита для тирамису со сливочным сыром и кофейно-ликерным сиропом.

На языке появился любимый вкус, и я не удержалась, облизнулась. Упорхнув в почины фантазии не контролировала, как на оставшимся свободным месте вырисовывала фарфоровый суши-набор с палочками и соевым соусом. По привычке рядышком нарисовалась разделочная доска, несколько тарелок с зеленым луком, кусочками красной рыбки, нашинкованными грибами и залитая рисовым уксусом каша.

— Стоп-стоп, хватит! — Эльва потрясла меня за плечо и криком вытащила из царства фантазий. — Ты все это съешь?

Помимо суши-торта с основанием в виде торта «тирамису» появился полный набор для лепки суши. Только коврика для формирования роллов нет. Зачем мне целая двухлитровая тарелка залитого уксусом риса, я могла только догадываться. Память сама подбросила воспоминания, связанные с суши. В нашем городе они продавались только под заказ с доставкой, что расточительно, поэтому мы с мамой делали сами.

— Как-то я... разогналась, — тихо пробурчала под нос и пожала плечами. — Это плохо, да?

— Не то что-бы... — задумчиво протянула Эльва и перевела взгляд с получившейся горы еды на меня. — Ты себя как чувствуешь? Сначала столько листов пожгла, теперь это... В обморок не упадешь?

— Вроде бы нет, — мне самой не верилось, что наконец удалось самостоятельно и целенаправленно наколдовать полезную штуку. Как при этом чувствовал себя Змей, думать не хотелось. Он большой мальчик: если ему стало плохо, то он сразу обратится к местному врачу или повару и наест себе знатно покусанный резерв. — Нормально все. Ты скажи... это... есть можно? Не отравлюсь?

— Будем пробовать! — ответственно произнесла Эльва и стукнула ладонью по столу. Впрочем, ее уверенности хватило только на громкое заявление. Рука так и не поднялась к потенциально опасному блюду.

— Эльва!!! — с криком в нашу комнату ввалилась еще одна адептка. — Ты не поверишь, что только что произошло!

Девушка с коротким светлым каре и до странности лиловой помадой на губах подбежала к нам, вдохнула побольше воздуха и опустила взгляд на стол. С воодушевляющим визгом: «Ой! Рыбные рулетики!» — схватила один с тарелки и, не макая в коричневый соус (который не вызывал у меня доверия), запихнула в рот. Мы с Эльвой вперились в излишне эмоциональную девушку взглядами, выжидая результата: отравится или нет?

— Вы чего? — недоумевала она. — Вы их для кого-то приготовили? Мне нельзя было есть?

— Не в том дело, Фро, просто... понимаешь... это первый эксперимент первачки... — Эльва скривилась и с сожалением смотрела на позеленевшую от осознания размаха катастрофы девушку. — Мы как раз настраивались... пробовать.

— Вроде неплохо. Что вы? — возмутилась Фро и села на кровать Эльвы.

— Врет, чтобы и мы залетели, или сказала правду? — с подозрением спросила у нее, стрельнув недоверчивым взглядом. — Верить можно?

— Думаю, — протянула Эльва, сделав интригующую паузу, — можно. Давай пробовать!

Если что к врачу пойдем втроем? Эльва решила: протянула дрожащую руку к рисовой «пилюле» с лососем, перетянутой полоской зеленой водоросли. Надкусила половину, прожевала, доела вторую половину и в целом осталась довольна. Мне, конечно, могли наврать, но я понадеялась на честность девушек, справедливость и мир во всем мире... оголодала, если вкратце. Взяв палочки, подхватила более-менее

узнаваемого «дракона» и макнула в жидкий соус, по запаху напоминавший привычный соевый соус.

Съела. По вкусу вроде похоже. Тут же выплюнуть не потянуло, и я спокойно подхватила «филадельфию», а затем «гейшу». И еще, и еще, и еще... больше, чем десять штук, в меня не влезло. А еще ждал большущий и вкуснящий торт, который также планировала продегустировать! Девчонки, заметив мою скорость, активизировались и нарисовали себе по тарелочке. Фро, которая на самой деле Фрайя, сжалась и протянула мне наколдованное блюдо и чайную ложечку.

— Хм, точно! Я что прибежала-то? — вспыхнула Фрайя, вспомнив о произошедшем событии. — Кто-то нашему фениксу глазки позолотил!

— Змею? — воскликнула Эльва, и я замерла, в шоке уставившись на сплетницу. — Адельхейд? Быть того не может! Змей на нее год не реагировал!

— В том-то и дело, что не она... — нагнала интриги Фрайя и, насмехаясь, замолчала.

Эльва переглянулась с Фрайей и, схватив меня за руку, потащила вон из комнаты. Попробовать тортик так и не довелось. Я сопротивлялась, как могла, но девушки взяли меня с боем и отволокли вниз по лестнице в царство очешуительных запахов настоящей еды. Они надо мной издевались! Соблазняли едой! Отвращали Змеем! И что за прозвище такое «феникс»? Будто ему Змея мало!

— Я не хочу ни к какому фениксу! — пробормотала я и вырвалась в холле на том же самом месте, на котором получила от Клео. Только в прошлый раз целенаправление было с точностью до наоборот. — Я тортик хочу!

— Еще успеешь съесть торт! Его там так много! — воскликнула Фрайя на грани визга. Ну и голос у нее. — А Змей как запрется в своем гадюшнике, так ты его больше не увидишь!

— Да! Через пару дней он со всей первой группой улетит в военную академию на месяц, — хмыкнула Эльва, загородив путь к лестнице. — Дагмар Хонкес, наверное, с ними полетит. Он воздушный феникс как-никак. И в военке преподавал, пока огонь не открылся.

Возможность открытия второй стихии выбила меня из колеи, чем воспользовались девушки. Обе одновременно дали пинка под поясницу, и я влетела в столовую птичкой. Не упала, чудом сохранив равновесие, зато мигом привлекла всеобщее внимание. Но это не так плохо, хуже —

Змей будто нарочито медленно повернул голову в мою сторону и, подняв руку, помахал ладонью, подзывая к себе и к его друзьям за столик.

— Хель, давай к нам! Чего стоишь? — крикнул он, и те, кто до этого момента смотрели исключительно в собственные тарелки, повернулись ко мне. Ненавижу популярность. Тем более такую дешевую.

Я планомерно отступала, пока не врезалась в подроспевшую Эльву. Девочкам не терпелось посидеть с мальчиками из первой группы, а мне хотелось немедленно от них сбежать. Среди них был Змей, и этой причины достаточно, чтобы взять руки в ноги и бежать далеко и навсегда. Змей. Тот самый блондин, который пытался поцеловать меня в библиотеке! Тот самый, который кормил меня ядовитыми таблетками и еще черт знает чем! Тот самый, который нагнул меня на пуфике в золотой спальне!

С маминой непробиваемостью тараном пошла на Змея, не замечая его друзей. Эльва и Фрайя, заметив мою безнадежную непробиваемость, испугались и, схватив за руки, потянули назад. У них ничего не вышло: я выдернула руки и в десять шагов оказалась у нужного столика. И как долбанула по столу кулаками, как мама. Стол тряхнула, парни вздрогнули (скорее от неожиданности, чем от страха), а Змею хоть бы хны. Поставил локти на стол, подбородком уткнулся в ладони и уставился на меня искрящимися золотыми глазами. Разве в библиотеке его глаза не были нормального цвета? Ни за что не вспомню, какого именно!

— Хееель, ты кушать хочешь? Поэтому такая злая? — поддел Змей, и во мне вспыхнула волна жгучей жажды убийства.

— Уууу, все с тобой ясно, — протянул очередной блондин, дружески похлопав Змея по плечу. Они разве что лицами отличались. — Наткнулся наш феникс на очередную шизофреничку...

Только хотела что-то ответить «клону», как Змей опустил руки, подтолкнул слишком болтливого друга вправо по скамейке и за штанину подтянул меня на освободившееся место. Рухнула, одновременно умудрившись шлепнуть Змея по тыльной части шаловливой кисти, и в следующий момент вскочила на ноги, скрестив руки под грудью. Золотой взгляд прожигал насквозь, вынуждая поежиться.

— Он всегда такой... ненормальный? — спросила я у змеевых друзей в количестве четырех штук практически одинаковых блондинов.

— Обычная реакция у обычного феникса, — пожал плечами тот, который сидел ровнехонько на против Змея. — А ты что... не в курсе психологии семейных отношений фениксов?

Он сказал «семейных»? Вздрогнув, отступила и тем самым отдала ногу Фрайе. Она и Эльва стояли за мной, как свита, и я ничего не могла поделать с возникшим ощущением «королевы бала». Змей пребывал в неадеквате от «психологии семейных отношений», будто обкурился, я тихо офигевала от происходящего, не смея устроить разборки на глазах у всех, а все банально пилились, следя за развитием событий. Только я могла так встрять!

Убегая, оставляя новых знакомых в столовой на растерзание общественности, оказалась в холле, где меня уже ждали. К сожалению, не Клео и даже не ректор Лунн. Блондинка с той же прической из вьющихся волос, как и у меня, прожигала ненавистным взглядом, но не подходила. Корзина с искусственными цветами вспыхнула в полуметре от меня. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы сопоставить пару-тройку фактов и вспомнить ее имя. Адельхейд. Девушка, которая год бегала за фениксом Змеем, но так и не поймала. Жаль.

Вьющиеся волосы, густо подведенные темно-серые глаза и белая юбка-карандаш до колена, как я любила. Адельхейд не приближалась ко мне, оставаясь на достаточном расстоянии, но взглядом готова была сжечь меня. Учитывая огненный характер академии и подожженную вазу, она могла сделать это, не раздумывая. Я же могла только выпустить молнию в случае доведения самой себя до состояния бешенства.

Вскоре в холл выскочили Фрайя и Эльва, чем спугнули Адельхейд, немедленно скрывшуюся под лестницей. Я еще долго смотрела ей вслед, не замечая слов девушек о том, чтобы я не замечала ее и не расстраивалась по пустякам. А я смотрела, смотрела и думала, что не прошло и суток, а я умудрилась на новом месте заработать аж трех врагов: завуча Клауса Ранхара, смотрителя замка Мунна и ее, адептку Адельхейд. Ситуация со Змеем требовала немедленного разъяснения, и мне все сильнее казалось, что он в домогательствах ко мне не при чем.

Объяснить возникшее чувство было нечем, потому подозрений с него не снимала. Только... стоило признать, подозревала его,

ориентируясь исключительно на метку, которую, не факт, что получил только он.

Изучать магию за счет чужого резерва продолжила только спустя несколько часов. Набравшись смелости, прихватила за собой Эльву и пришла в библиотеку. Смотрителя Мунна не было, и я спокойно выдохнула. Если бы меня попросили пройти на выход, пришлось бы подчиниться. Не попросили. Не ушла.

К вечеру Эльве утомило возиться со мной: она выбрала для меня несколько новичковых книг, поделилась чистой бумагой для экспериментов и, позевывая, удалилась спать. Мне спать категорически противопоказано, а потому уткнулась в предложенные книги. Итого передо мной лежало две книги: в начале первой автор углублялся в теорию различных видов магического воздействия, во второй — предлагались более сложные на мой взгляд эксперименты.

Перед уходом Эльва по секрету поведала, что отобранные в первую группу поступившие не только полетят в военную академию на сорок дней, но и обязуются пройти контрольное задание для определения слабых мест. По совету Клео, мне нужно было попасть в первую группу. (Эльва, восхитившись «моим» резервом, подгоняла выдержать четыре дня голодовки и отсутствия сна). Я могла сделать это, но хотела ли?

Студент вышел на охоту: ощутив прилив «сессионных» сил, накарябала черной гелиевой ручкой полулитровую кружку «три-в-одном» и, потягивая молочное кофе (молочным оно называться недостойно), открыла вторую книгу. Для прохождения контрольного зачета мне следовало выучить эффектное заклинание и продемонстрировать его испытательной комиссии. На все про все оставалось чуть больше трех дней.

Свет неожиданно погас, и я поперхнулась. Корявенькую свечку, изогнутую как тот самый «одушевленный» предмет, создала сразу, схватив первую попавшуюся ручку. Только зажечь фитиль не удалось. Припомнив, что оказалась в огненной академии, а значит во мне должна быть магия огня, несколько раз бестолково щелкнула пальцами в попытке выдать искру. И где обещанное бесконтактное волшебство? Проволочка сплавилась, штора сожглась, а бракованная свечка загораться не спешила.

Не желая отступать, отодвинула книги на край стола, чтобы

случайно не задеть, закрыла глаза и вообразила искру, как учила Эльва. Когда с первого и даже с десятого раза ничего не вышло, не отчаивалась: не получилось раз, два, три — елочка, гори! Местная магия традиций нашего нового года не знала... Значит, вспомним старую-добрую народную студенческую хитрость.

Сумка с собой, и я на ощупь нашарила в ней смартфон, выключенный за ненадобностью. Пауэрбанк почти на десять тысяч приютился во внутреннем кармашке и мог выручить в критический момент, если вдруг смартфон сядет. Врубив телефон, включила фонарик и влезла в первую книжку с общими сведениями. Фонарик жрал несоизмеримое эффективности количество энергии батареи, и я спешила зажечь свечу и отключить его.

Показавшийся нужным раздел назывался «пробуждение магии» и всю первую страницу нудно рассказывал о важности кропотливого изучения теории до начала практических занятий. Зато вторая страница радовала советами пошагового колдовства. Нужно было всего-то выполнить несколько простых рекомендаций, и я оживилась. Первое: протяните руки вперед ладонями вверх.

Пришлось телефон приложить к пеналу, как к подставке, чтобы свет фонарика падал на требуемую часть страницы. Затем вытянула руки, как сказано в инструкции, и посмотрела на следующий пункт. Второе: сосредоточьтесь. Пункт показался мне слишком размытым, так что предположила, сначала стоит инструкцию прочитать от начала до конца, прежде чем экспериментировать в одиночестве. Вновь оказаться на «ковре» завуча Клауса Ранхара желанием не горела. Получить волчий билет в нечаянно сожженную библиотеку от зрителя Мунна — тоже.

Третье: зажгите сердце и направьте изначальные огненные потоки в ладони для последующего придания магии формы. Четвертое: сформируйте энергетическую сферу. Пятое: медленно сожмите кулаки и тем самым потушите магию, вернув ее в руки, предплечья и сердце.

Из написанного не поняла только одну фразу «зажгите сердце», а спросить не у кого. Ждать до утра не было сил, и я решилась попытать удачи. Попытка — не пытка, а пыток в фильмах ужасов и в исторических предостаточно. Отодвинув книгу к второй, отключила фонарик, чтобы не отвлекал, и бросила смартфон обратно в сумку. В крошечной тьме отчего-то думалось лучше, и адреналин от жажды

нового придавал сил. Я совершенно не чувствовала ни усталости, ни сонливости.

Наконец, время пришло. Чтобы не дрожали руки, положила их на поверхность стола, перевернув ладонями вверх. Непонятную фразу трактовала как «проявить желание и настойчивость» и воспрянула духом. Если ошиблась — придумаю что-нибудь другое. Затем закрыла глаза, чтобы погрузиться в себя как можно глубже насколько то возможно. В сердце закололо, о чем забыла за давностью лет во времена лишнего веса и полного отсутствия физической выносливости.

На лбу проявилась испарина, и капелька пота струйкой соскользнула по крылу носа на подбородок. Предплечья покрыли мурашки, запястья обожгло, как огнем, и на левой руке затухло. На правой ладони вспыхнула искорка и погасла. Вторая попытка, и зажечь искру удалось на левой ладони, притом такую же мимолетную, как первая. Ни о какой горячей «висячей» свече не шло речи.

Следующие попытки увенчивались лучшим результатом: огонь удавалось удерживать не одно мгновение, а несколько секунд. Внутреннюю энергию, которую удалось по-настоящему ощутить, стабилизировать не получалось, и тем сильнее по мне была отдача. Голова пропотела напрочь, лицо залито потом, и к спине омерзительно липла казавшаяся льняной блузка. По ощущению сейчас — чистая синтетика!

Руки невыносимо дрожали, будто их брал болезненный тремор. Сжав кулаки, никак не могла успокоиться и добраться до прохладненького кефира в сумке. Я не знала, как Клео умудрился зачаровать бутылку, что кефир, проведя без холодильника весь день, умудрился не начать портиться. Или наша молочная индустрия что-то намешала в биологически активный натуральный продукт якобы без химических добавок?

Гелиевая ручка вылетала из неуверенного хвата, и нарисовать чего-нибудь попить не вышло. Меня трясло, и тем удачнее казалась идея не пытаться колдовать навесу. Стул подо мной отчего-то тоже подрагивал и, испугавшись землетрясения, свалилась с него и заползла под стол. Но тряслась только я, а стеллажи и книги в них покоились смирно. Мое глубокое дыхание изредка сменялось прерывистым, и тогда становилось тяжело дышать.

Холодок на полу привел в чувство, и, вновь включив фонарик на

смартфоне, планомерно вчитывалась в нудное предисловие к разделу слово за словом, строка за строкой, абзац за абзацем, и так всю страницу перечитывала четыре раза, пока не уяснила все. Не просто так мне не понравилась разбалансированность энергий на правой и левой части. Автор книги предупреждал, что приступать к упражнению возможно только после стабилизации магии внутри себя. В поисках ответа на поставленный вопрос, вернулась к началу книги: читерство провалилось — игра зависла.

Усевшись на стул ровно, поставила перед собой свечку и разогнула ее, приведя в божеский прямой вид. Затем поставила локти на стол и прикоснулась к фитилю указательными пальцами. Ничего, естественно, не произошло, но я и не пыталась зажечь огонь. Создав огонь в сердце, потянула его тоненькой ниточкой через плечи, предплечья, запястья и указательные пальцы, зациклив силу в два потока, как две встречные линии в дорожном движении.

Контролировать оба круга потока оказалось сложнее, чем предполагала, и на лбу снова выступили горячие капли пота. В горле пересохло. На ладонях вспыхнули электрические искры, через запястья пробежались по рукам, и я со страху разорвала контур. Огонь ласкал сердце, а вот электричество могло его сжечь. Для отдыха улеглась на стол, подложив под голову сложенные, как у первоклассника, руки. Фух... Так и посидеть недолго.

Почувствовав, что вот-вот засну, выпрямила спину и развела руки в стороны, потягиваясь. Вроде бы стало легче. Кромешная тьма библиотечного зала не пугала, но успокаивала. Сильно не хватало лампы, но и без нее в глазах мельтешили огоньки вспыхивавшего в ладонях магического пламени. Невероятный опыт! Такого не получишь в обычном университете, да и в нашем мире в целом. Наверное.

Даже если нарисую лампу, то куда ее подключить? В замке я находилась уже немало часов, но ни одной розетки не увидела. Значило ли это, что технического электричества здесь не было вовсе? Только магическое? Следующую попытку решила начать с первого упражнения, все-таки провести в темнущке оставшееся до рассвета время не хотелось. Снова положила руки на поверхность стола ладонями вверх и постаралась выдавить из себя две синхронные искорки. Сначала вспыхнула на левой ладони и тут же на правой вторая.

Результат вдохновлял, поэтому вернулась к упражнению номер два

— зацикливанию энергии в несколько параллельных кругов. Подход. Отдых. Подход. Отдых. Устало стерла со лба пот наспех нарисованным на листке полотенчиком и откинулась на спинку стула. Последняя попытка увенчалась относительным успехом: мне наконец удалось пройти второй круг и начать третий, прежде чем почувствовала, что больше не могу. Не выдержу.

Если закончу третий круг, смогу наконец выдавить из себя желаемый синхронный огонек на двух ладонях? Научусь их выдавать, потом увеличу время материализации магии и наконец приступлю к тренировкам формализации. Жду не дождусь! Обязательно выберу какое-нибудь красивое заклинание из второй книги и удивлю всех членов испытательной комиссии. Девушки из моего мира не проигрывают!

Не могу. Я так устала... но тело предвкушало использование новых возможностей, а разум вопил «хочу-хочу-хочу», игнорируя доводы здравого смысла. Как устоять? И я не устояла. Вышла из-за стола, на ощупь продвигалась по залу, выискивая свободное местечко для одной-единственной попытки: все равно на большее меня не хватит. Наконец, нашла. По ощущениям и по памяти как раз у самого выхода из библиотечного зала.

Глубоко вдохнула, выдохнула, попутно совершив физкультурный размах рук, как учили еще в школе. Я готова. Встала ровно, выпрямив спину и отведя плечи назад. Руки вытянула вперед с твердым намерением сделать все, как надо. Глаза закрыла на несколько мгновений, пока у сердца концентрировалась магия. Открыв их, повела тоненькую ниточку потока к плечам, по рукам и синхронно выплеснула огоньки на ладони. Успех!

Теперь их требовалось правильно погасить. Пламя срывалось и тлело, но я не позволяла ему потухнуть самостоятельно. Как и рекомендовал автор книги, медленно притягивала кончики пальцев к середине ладони, пока не сжала кулаки. Но магия все еще теплилась в них, не потухая. Потерявшись в недоумении, упала на колени, ударив их. Огонь не желал подчиняться и тухнуть. Выпустить энергию и спалить библиотеку к Ранхару? Как раз к Ранхару на ковер не хотела. Значит, следовало немедленно поглотить порожденную мною силу.

Тяжело, изо всех сил стараясь глубоко, дыша, согнулась пополам, положив руки и голову на пол. Только так удавалось удержать

бушующую в кулаках энергию, требующую вылиться наружу. Нельзя такие эксперименты устраивать в одиночестве! Была бы здесь Эльва, она бы смогла помочь. Но ее здесь не было. Только я, и я в совершенном одиночестве. Слишком далеко зашла, а потому не имела права сдаваться.

Разве трудность могла испугать меня? Лихач на летающем черном корыте, над которым заядлые коллекционера нежно вздыхают, пугал намного сильнее. Я чуть не поседела, пока летели: тогда бы мы оба имели белоснежную шевелюру. А я бы еще и заикой стала. Воспоминания о более-менее плавном участке полета на старенькой волге и аккуратном приземлении успокаивали нервы, снимали напряжение, и давление в кулаках понемножку снижалось.

Не прошло и суток, как моя жизнь кардинально изменилась. Еще сегодня утром я была студентом четвертого курса технического вуза, а ближе к обеду стала адепткой-первачкой огненной академии магии в другом мире. Даже не в параллельном, а в просто ином, чужом. В голове не укладывалось, как много событий произошло за восемнадцать-двадцать часов!

Грохнуло что-то.

Глава 5

Сила ушла в камень пола, поглотивший огонь. Испугавшись, (вдруг сотворила что-то противоправное?) скоренько уползла к стене: звук напоминал грохот парадной двери сооружения, а двери в библиотечный зал не закрывались ночью. Прижавшись к стене, спряталась, надеясь остаться незамеченной. Шорох одежной ткани выдавал присутствие второго человека, но мой слух не мог уловить звуков его шагов.

Ночной читатель не подходил к библиотечному залу, а сразу направился к лестнице на второй этаж. Не выдержав любопытства, осторожненько поползла в холл: уж слишком велик соблазн посмотреть, что находилось этажом выше или даже на третьем в зависимости от того, куда направлялся незнакомец или незнакомка. Клео так очаровательно рассказывал о получении допуска и о запрете... раз нельзя, значит очень надо.

Ползла исключительно по стеночке, потом прижималась к стенке лестницы, пока не оказалась на первой ступеньке. Память в помощь подкинула детское воспоминание об игре «гул» в многоэтажке, и я снова прилипла спиной к стене. Если встать ближе к перилам, то ночной гость мог посмотреть вниз и запросто заметить меня, неглядя на тьму.

Аккуратно ступая на одну ступеньку за другой, старалась не производить ни шороха, ни звука и даже практически не дышала, чтобы ничем не выдать себя. Кто мог зайти в библиотеку ночью? В один из закрытых для общего пользования секторов? Кто как не преподаватель, которого одолела бессонница? Если поймает меня, то мне влетит. Могу ведь из академии вылететь, но далеко не домой... Ой!

Чуть не оступившись, замерла. Вроде меня не слышали. Зачем полезла, куда не приглашали? После четвертого лестничного пролета, не имевшего ни дверей, ни арок, ни иных способов пройти внутрь зала, мне начинало казаться только нехорошее. Шорох одежды ночного читателя давно стих, и я не знала, куда идти дальше? Вдруг на лестнице осталась одна, пропустив в темноте незаметный проход?

Но лестница не заканчивалась. Навскидку в сооружении от двадцати до тридцати этажей, и подниматься выше наскучило. Ноги

дрожали от перенапряжения, дыхание перехватывало, но опустить руки не могла. Зря разве преодолела пару сотен ступеней, добираясь до энного этажа? На чистом стремлении проползла еще несколько пролетов и в изнеможении уселась на середину очередной ступеньки.

— Библиотека точно заколдована, — пробурчала под нос, склонив голову и вытянув побаливавшие ноги.

И чего понеслась за непонятным типом? Сидела бы в библиотечном зале на первом этаже, тренировалась, никого бы не трогала и никаких правил (которые до сих пор не удосужилась прочитать) не нарушала. Тем более, что практика шла полным ходом. Два циклических круга огненной мощи поддавались контролю, как и сантиметров десять третьего круга. Для подтверждения навыка свела колени вместе и положила на них руки, сцепив пальцы в замок. Привычное тепло разлилось по телу.

Два круга встречных потоков циркулировали без сбоев и без прикладывания особых усилий. Вряд ли этот навык был чем-то особенным, раз удалось им овладеть всего за несколько часов в одиночку, без преподавателя и помощи товарищей. Затем разъединила кисти рук, подняв ладони кверху. Два огонька вспыхнули синхронно ровно в центре и ласково танцевали, как на ветру. Откуда здесь ветер?

Погасив пламя, сжав его в кулаках, оглянулась на лестничный пролет выше. Как обидно: не дотерпела жалкие тридцать-сорок ступеней! Из арки периодически разливались световые волны и появлялись вспышки, раззадоривая любопытство. Поднявшись на ноги, отряхнула юбку от пыли (она белая, как я могла забыть?) и проскочила полтора лестничных пролета буквально за несколько секунд, и остановилась.

Входить в запрещенный зал побоялась, а потому только чуть-чуть выглянула, придерживаясь за угол. Треск молний закладывал уши, и мне совершенно не нравилось то, что творилось там. Было ли необходимым колдовать глубокой ночью без поддержки, пока никто не видит? Задавшись вопросом, присмирела: я ведь тоже колдовала одна, чтобы никто не узнал о моих успехах. Разве могла иномирянка доверять каждому встречному-поперечному?

Ночной читатель стоял спиной к лестнице, поэтому я осторожно просеменила за ближайший стеллаж. Бело-голубая электрическая звезда диаметром с две-три головы взрослого человека

висела в воздухе. Она искрила, то гасла, то зажигалась вновь. Высокого мага укрывал черный плащ с глубоким капюшоном, и мне не удавалось поймать ни кусочка его лица. Когда незнакомец поворачивался, подходил к парящей книге и еле слышно зачитывал заклинания.

Мне не хватало остроты слуха, чтобы расслышать слова или хотя бы опознать в маге мужчину или женщину. Но мое сердце замирало от каждого всполоха электрической звезды. Между мной и магом стояло немало стеллажей, и я планомерно сокращала расстояние, оставаясь незамеченной. Маг слишком занят и уверен, что в библиотеке он совсем один, иначе не был таким беспечным. Он даже не проверил, мог ли кто-нибудь остаться после отбоя.

Звезда взорвалась. Белесая пленка распространилась по залу за мгновение до взрыва и обьяла его объем по периметру, заглушая грохот. Зажав рот рукой, я села на пол, даже не подумав о могущем свалиться на меня громадном книжном стеллаже. Обошлось. Ни один не покачнулся, ни одна книга не выпала из стройного плотного ряда. Только через несколько минут мне хватило смелости выглянуть из убежища.

На месте взорвавшейся звезды расползалась серебристо-белая воронка, напоминающая то ли космическую черную дыру, то ли сериальные порталы в видении кинорежиссеров. Но оно не было киношным. Оно было реальным и происходило у меня на глазах. Из воронки доносились глухие голоса, человек в черном плаще выжидал, сложив за спиной руки, а я не отнимала свои от лица. Было страшно произнести хоть звук и привлечь к себе внимание.

Голоса становились громче, звучали какофонией звуков, и мне пришлось закрыть ушами руки. Ладони стирали с мочек ушей, не пот, а кровь. Происходящее отнюдь не было чем-то хорошим. От хорошей магии кровь из ушей и носа не бежит. О магии я не знала даже больше, чем просто ничего. Но я знала мир, в котором достижения являлись исключительно результатом законного или нелегального, аморального действия. И наконец голоса стали различимыми. Давление упало, и я смогла отнять руки от ушей и вытереть кровь под носом.

— Ключ обнаружен? — раскатистый бас неожиданно оглушил, прервав тишину, в которую погрузился запрещенный зал на несколько мгновений.

— Нет, — ответил маг шепотом, не давая опознать себя. —

Разорвем сердце огненной академии силой.

— Тогда... — жутко прорычал голос из воронки, — чтобы к утру от огненной академии не осталось ни следа.

Голос из воронки приказал разрушить огненную академию до основания? Давя в себе испуганный крик, обняла плечи и сжалась в эмбрион. Почему меня притащили в академию сегодня, а не запланировали на завтра или послезавтра? Тогда бы ничего не произошло, и я осталась дома сдавать норматив по скакалке. Закрыла бы сегодня физкультуру и навсегда попрощалась с ненавистными пробежками в парке у спортивного зала и в дождь, и снег, и в слякоть.

— Как идут дела с уничтожением других стихийных тотемов? — спросил маг, замерший в одной позе.

— Огненный тотем нестабилен по сравнению с другими тремя. Тотем духа не уничтожить, пока не уничтожены стихийные тотемы.

Они собирались уничтожить не только огненную академию, но и другие четыре? Устроить террористическую акцию национального масштаба? Почему мне так не повезло нарваться на местных террористов? Или наоборот, повезло? Уйду по-тихому — убьют в массе. Попытаюсь что-нибудь сделать и попадусь — убьют единолично, а затем остальных — в массе. Что мне делать? Вот что?

Ответ пришел сам собою. Нужно срочно отыскать Клауса Ранхара. Кто, как не он, мог помочь? Он сам сказал, что ответственен за безопасность академии! О какой безопасности могла идти речь, раз в библиотеку академии проник маг-террорист? Он ведь не смертник, правда? Тогда у меня имелось немного времени в запасе, чтобы по-тихому уйти и предупредить правильного человека. Подниму на уши всех, кого смогу найти!

К выходу передвигалась тем же ходом, что и приближалась к магу. Пряталась за одним стеллажом, быстренько переходила за другой, затем за третий. Время от времени приходилось останавливаться, переводить дух и приглядывать за террористом. Он мог увидеть меня и убить в любой момент. Адреналин растекался по телу с током перегоняемой сердцем крови, опасность была по нервам, вынуждая действовать быстрее.

Последний стеллаж. Оглянувшись на мага, увидела, что он все еще переговаривался с кем-то по ту сторону воронки. Парящая книга изменила положение, наклонившись. Из нее на воронку лился тусклый

поток желтого света, который с каждой упущенной минутой становился все ярче. Дыра росла, превращаясь, как мне казалось, в настоящий портал. Рокот, доносящийся из воронки, стал громче, и снова из нее полилось многоголосие. С минуту на минуту в библиотеку ринутся боевики террористической шайки? Тогда у меня нет времени!

Свет из книги горел невыносимо ярким огнем, маг отвернулся и отступил. За одним из стеллажей он сел на пол и закрыл лицо черной тканью казавшегося излишне большим капюшона. Мне не представится другой возможности! Сняв туфли, в одних носках побежала к книге фактически с закрытыми глазами. Я не думала, смогу ли остановить нападение. Не думала вообще ни о чем, кроме как сделать все возможное, чтобы разрушить заклинание.

В тени книги стало легче, и у меня даже получилось открыть слезящиеся глаза. Помня о происшествии с зачарованной синей книгой, с этой пыталась поступить также. Только сколько бы не давила на нее, желая закрыть, как и с водным потоком не выходило ровным счетом ничего. Только сдвинула чуть-чуть в сторону, и расширение воронки замедлилось. На мгновение оглянулась на арку выхода из зала, закрытую плотной белой пеленой заклинания, предшествовавшего взрыву электрической звезды. Разрушу его, и здесь в мгновение ока окажутся и безопасники, и преподаватели!

От натуги развернуть книгу заболели и пальцы, и предплечья. Ноги в носках безбожно скользили по каменному полу, но я держалась. Успехи подбадривали меня: каждый сантиметр сдвига не только замедлял расширение воронки, но и уменьшал ее. Вдруг резко книга развернулась. Световой столп врезался в стену и поехал по ней, оставляя глубокие борозды. Во все стороны летела каменная крошка, и наконец белая пелена внутри арки выхода прорвана.

Резкий разворот обескуражил меня, и падение спасло от шаровой молнии, целенаправленной мне в голову. Книга, закрывшись сама собой, с глухим гулом упала рядом у самого носа, и я обернулась. Маг, с макушки до пят укутанный в черный плащ большего размера, чем он сам, надвигался на меня, формируя в руке новый электрический кинжал. Я схватила книгу и выставила ее перед собой, как щит, и маг отступил на шаг назад.

Осторожно встав, держала книгу перед собой на вытянутых, чуть дрожащих от натуги руках. Тем временем маг сформировал второй

кинжал, и я сглотнула. Подмога появляться не спешила, хотя половина стены и часть лестницы должно быть разгромлено с таким грохотом, какой бывает только при взрывах. Вряд ли опытных магов могло остановить обрушение лестницы, в отличии от меня. Я сама себя закрыла в смертельной ловушке.

Террорист ничего не сказал. Не произнес не звука, ничем не выдав себя. У меня был шанс узнать его, ведь за те несколько часов, что провела в академии, столкнулась с очень многими незнакомыми людьми. Значит, мы сталкивались с ним, и он — не смертник. Он — один из адептов или сотрудников академии! Озарение пришло вместе с худшим — маг исчез.

Ушел? Выдохнув, подняла книгу к лицу и стукнулась лбом. Развернулась к выходу, и кинжал влетел в центр книги, пробив корочку, все листы и вышел у самого носа. Не отпрянула бы от шока, не было бы у меня уже носа. От мага донесся недовольный цык, и он снова отступил, но не исчезал. Книга в моих руках стала разрушаться и спустя несколько секунд осыпалась пеплом, замавав белую блузку и брюки академической униформы серым следом.

— Упс.

Капюшон приклонился, плечи подрагивали, как от смеха. Насмешила его? Пожалуйста, мне не жалко! Только бы время потянуть, чтобы дожидаться помощи, которой все нет и нет. С момента второго взрыва прошло не больше трех минут, но мне казалось ужасно долгим ожидание. Мне не выстоять против пробравшегося в академию под личиной «друга» шпиона. Настоящего террориста! Уничтожение академии невозможно без массовых убийств... которые начнутся с меня.

Невозможно быстро маг сложил два кинжала в один, и в мою сторону полетела сверкающая электрическая сеть. Только руки выставить успела. Со страха сердце застучало быстрее, кровь вскипела, жидкий огонь потек по венам. Пламенный обруч вырвался из тела и заполонил свое нутро, образуя слабенький щит. Он напивался силой, алел, а мои ноги подкашивались. Сеть в полете переформировалась в острое копьё, и только чудо могло удержать его в случайно созданном огненном щите, не задев меня.

Удар электрического копья пришелся ровно в центр пылающего, но маленького щита. Меня ослепило вспышкой и откинуло в стену ударной

волной. Щит истаял, как не бывало, зато треск формирования нового оружия раздражал слух. Был то новый кинжал или что-то другое, я не знала и не хотела знать. Руки онемели, и мне не повернуть фокус с кругами циркуляции энергии вновь.

В этот раз маг-террорист шагал громко, будто хотел, чтобы я услышала шаг своей смерти. Он остановился у моих ног, и с удовольствием пнула бы его в пах, раз дистанция позволяла, только ноги отказывались шевелиться. Мой предел выносливости достигнут и даже сорваны рамки.

Треск электричества шумел слишком осязаемо, и я могла почувствовать и предположить новую форму магии. Маг занес надо мною меч, а мне не хватало сил даже закрыть глаза, чтобы не видеть серебристо-белого пятна энергии, которое острием вот-вот пронзит мою грудь.

На панику не хватало сил: до одури хотелось есть и вусмерть спать. Только бы поражение наконец вырвало меня из сетей сна, позволив проснуться в маленьком буфете трансгентства с тремя пластиковыми одноразовыми стаканчиками из-под кофе «три-в-одном». Все равно в университет сегодня больше не поеду, даже несмотря на сдачу норматива по скакалке...

Свист меча, отчего-то звучащий как в замедленном воспроизведении видео, прервался резким движением руки у меня за спиной. Вылезшая из стены мужская рука схватила меня за талию и одним махом вытянула за собой. Влетев в иллюзорную разрушенную стену, откинулась на грудь мужчины, пока тот отступал по инерции. Вспышка портала передо мной ударила по мутным глазам, итак не видевшим ничего, кроме цветных пятен.

Ноги не держали, и мужчина поднял меня на руки. С большим усилием повернув голову, увидела до боли знакомые светлые волосы и бежевое пятно вместо лица. Опаленная огнем щита роговица глаза не позволяла навести резкость зрения, и я разочарованно простонала из-за невероятной несправедливости. У меня наконец появилась возможность увидеть лицо моего ненастоящего (или настоящего, в чем до сих пор не уверена) любовника, и не могу!

«Как ты?» — прозвучал бесполой голос в голове, но, могу поклясться, он принадлежал мужчине!

— Жива, — ответила скорее на автомате, чем сознательно, и он

положил меня на постель. — Что произошло?

Когда голова наконец коснулась мягкой подушки, боль начала отступать, но благодатный сон обходил меня десятой дорогой. Дрожь в теле усилилась, на лбу проступила испарина, и я, самостоятельно перевернувшись на левый бок, сжалась. Болевые импульсы тут же пронзили руки и ноги, отдаваясь неприятным эхом в голову. Лежа я слышала, как бешено билось мое сердце и не желало замедляться до нормального пульса.

«Я выхватил тебя порталом, — за спиной перина чуть прогнулась под весом моего чудесного спасителя, и вся ненависть к нему и его поступкам по отношению ко мне ушла на задний план. — Успел в последний момент. Еще бы чуть-чуть...»

Разговаривать нормальным человеческим языком он, наверное, не умел. Или видел, насколько мне плохо, и не стал давить на слух. Каждый шорох ткани постельного белья или моей собственной одежды звучал как один из myriad звуков какофонии настоящей мистической баньши. Еще немного и я поверю не только в их существование, но даже в реальность лохнесского чудовища.

«Как ты оказалась ночью на третьем этаже библиотеки? — прозвучал тихий нежный голос в голове. — Тебя в библиотеке не должно было быть вовсе».

Хотела спросить, а где я должна была быть, но язык не поворачивался. Жар огня все еще опалял лицо, шею и руки, незащищенные одеждой, либо от перенапряжения поднялась температура. Горло пересохло, а попросить воды не получалось. Зато мужчина ласково гладил меня по волосам, вытаскивая их из-под плеча, чтобы не натягивали кожу головы. Сейчас я была благодарна за его существование, как ни за что другое.

— Спасибо, — наконец выдавила из себя и повернула голову носом в подушку. От нее приятно пахло ненавязчивым цветочным ароматом и морозной свежестью, которую всего несколько лет назад рекламировал по зомбоящику Мойдодыр.

«Отдохни. Я пока найду противоожоговый спрей».

Мужчина поцеловал меня в висок и встал с кровати. Меня реально трясло: и от температурного жара, и от осознания глубины катастрофы и собственной глупости. Я нарвалась на настоящего террориста-мага и самолично кинулась предотвращать нападение на чуждую мне

академию магии в совершенно незнакомом мире. Это было не просто глупо. Это было безмозгло. Попытка оправдаться, что меня тогда убили бы первой, как ненужного свидетеля, не успокаивала. Только раздражала.

А смогла ли я в результате спасти академию, предотвратить нападение? По правде, у меня не было ни одного аргумента за то, что золотая комната любовника на самом деле находилась в стенах академии, а не где-то на берегу ближайшего континента. Или даже где угодно в этом мире. Я просто поверила ректору Лунн и куратору Магнусу Фиару на слово, как последняя наивная дурочка. Киношные слезы брызнули из глаз, потому что на нормальные слезы организму не хватало водного резерва.

«Тиш, не плачь. Все позади, — механический голос оповестил о возвращении мужчины, и я не стала удивляться постоянной смене тональности на каждой фразе. Это был он. Никто другой быть просто не мог. — Сейчас боль пройдет».

Мужчина откинул упавшие на лицо волосы и сбрызнул кожу щек, носа и лба жидкостью, которая мгновенно растеклась по правой половине лица и застыла тонкой корочкой жира. Перевернув меня на спину, он sprysнул левую половину лица, а затем кисти рук с тыльной стороны и ладони, осторожно протерев каждый палец. Я ничем не выдавала пребывание в сознании, но ему и не нужно было знать то, в чем он сам ни на секунду не сомневался.

А я все еще не могла поверить в то, что ринулась в гущу событий, полностью отключив инстинкт самосохранения. Никогда раньше не замечала за собой самоубийственной жертвенности и произошедшее выбивало землю из-под ног. Ее и так не было: только пуховое одеяло под покрывалом из золотистого бархата и объемная, в толщину современных ортопедических матрасов, перина.

Боль отступала. Обожженная кожа успокаивалась, противная жирная пленка впитывалась в поры и охлаждала. По телу пробежался легкий морозец, и болезненный жар понемногу спадал. Дышать становилось легче, руки и ноги снова подчинялись мимолетному, неосознанному желанию, а не боли. Новая волна недоумения возвала к разуму, затуманив мысли. Мужчина незаметно прилег рядом, обняв за талию со спины.

— Расскажи, как на самом деле начались сны, — объяснения Клео

расплывчатые, мутные, будто сочиненные наспех. Мне же хотелось знать правду. Всю правду. — Наши... общие. Почему... ты не обнаружил связь сразу, а только через год? Как так получилось?

«С самого начала? Не заснешь, пока буду рассказывать?»

— Ну-ы, — ответила, не раскрывая рта. Накатило ледяное спокойствие, и я была готова услышать даже грубую историю юношеского спермотоксикоза, если дойдет до крайности. Слишком устала и напугана, чтобы в добавку злиться на того, кто вытащил меня за секунду до билета на тот свет.

«Хорошо. Тогда я попытаюсь оперировать понятиями из твоего мира, чтобы не усложнять рассказ. — Мужчина уткнулся носом мне в шею, придавив волосы, но меня не тронуло. — Несколько лет назад мой старший брат сбежал в день собственной свадьбы. Клятва, закрепленная магией, лишала его свободы личности, и не важно, насколько сильно он любил невесту...»

Мне тут же представился второй блондин, практически копия один-в-один первого, в белом свадебном фраке и почему-то цилиндре. Волосы его прибраны в конский хвост, а ногти аккуратно подпилены. Почему для образа жениха сознание подкинуло картинку с бесполезными деталями, не задумывалась.

«Не дожидаясь, как мать выдворит к алтарю меня, сбежал следом. Брак, семья... это скучно. Мне хотелось путешествовать, познавать секреты высшей магии, развиваться, а не сидеть дома, периодически выходя то на работу, то в магазин за продуктами. Вскоре после побега я оказался в академии, но мать меня достала даже здесь...»

Образ жениха сменился на черный силуэт. Мне привиделась женщина среднего роста с пепельными волосами, собранными на макушке в балетный пучок. На лице в обязательном порядке присутствовал макияж с ярко выделенными глазами с помощью цветных теней и черной-пречерной туши. Получилась эдакая светская львица, только мне не хватило воображения, чтобы пририсовать ей соответствующий наряд.

«Проклятье выживаемости рода поразило меня. Только и успел, что перенаправить его в другой мир... — в последующих объяснениях «как?» не нуждалась. Магия связала с ним меня в результате случайной лотереи?! — В твоём мире нет магии. Совсем. Проклятие не должно было ухватиться, но... оно оказалось сильнее, чем я предполагал».

Сильнее? Он просто взял и предположил наобум мощь проклятья, которое ассоциировалось у меня не иначе, как родовое «живи вечно и вечно размножайся»? Сознание текло, как патока, и удерживать его в «руках» становилось все сложнее и сложнее. Если в тех же условиях находился он, пытаюсь защититься от материнской «заботы», то я могла понять его. Как и понимала его мать, лишившуюся связи сразу с двумя сыновьями, наверняка ее единственными детьми.

Стиснув зубы на подушке и сжав в кулаке бархатное покрывало, промычала что-то нечленораздельное. Рассказ закончился, и больше ничто не отвлекало внимания от мужской ладони на обнаженном бедре и движении его члена во мне. Поясницу заломило от неудобного прогиба спины. От шока и накатившего возбуждения я не могла пошевелиться, кроме как сжимать зубы и кулаки, левым предплечьем сдавливая ноющую грудь.

Несмотря на медлительность его движений, у меня не получалось выделить ни мгновения, чтобы возразить, отпрянуть. Происходящее казалось очередным сном, но на границе сознания я понимала, что не сплю. Что он здесь, рядом, тиская мое бедро, поддает тазом, то входя, то выходя практически полностью. Когда он оступается, выводит член полностью, то его рука исчезает с бедра, помогает себе вставить обратно и с минуту гладит клитор, пока не восстанавливается ритмичность движений.

Из меня рвутся крики, которых стыдилась весь год, и когда он наконец кончает, заливая нутро, переворачивает меня на спину, то из зубов выскальзывает изжеванная ткань подушки, из горла вырывается стон. Еще какое-то время мычу, прикусывая губы и елозя по покрывалу, но в постели остаюсь одна. Форменные брюки спущены до колен, и они скатились на бедра, стоило только поджать пятки к попе.

Наконец он возвращается и придавливает весом перину. Я чувствую его, я горю, как во сне, задавливая в себе зерна рациональных мыслей, что все происходит наяву. Я не хочу... Я бы никогда... Он приподнимает меня, помогая сесть и облокотиться на спинку изголовья кровати, и подносит к губам шарообразные жемчужные капсулы, которые выронила в прошлое посещение золотой спальни. Благодарно принимаю их и запиваю стаканом прохладной воды, а затем падаю головой на соседнюю подушку, но сна ни в одном глазу.

Желто-золотое марево интерьера изредка разбавлялось темным

пятном его рубашки, когда он проходил мимо моего взора. Мужчина из сна снял ее, переодеваясь в другую, светлую, а я устало закрыла глаза. Шелест бумажек убаюкивал, но не усыплял. Отяжелевшее тело совершенно не помогало обмануться, наоборот, доказывая реальность произошедшего. Это было невыносимо. И непонятно. И желанно, но неразумно. Как любовники без обязательств.

Чувствуя себя разбитой и самой собой не понятой, пересиливаю лень и сажусь на кровати, скидывая ноги на пол. Из меня вытекала сперма, собираясь небольшой лужицей между бедер. Так стыдно мне не было ни разу в жизни! Натянув трусы и штаны, падаю на пол, зажимаясь в уголок между стеной и подиумом кровати, и, казалось, тихо плачу. Привычки сна и желания психики тела расходились с разумом и сознательными желаниями, что причиняло боль, не сравнимую с болью натертых о каменный пол ступней во время борьбы с открывавшей портал книгой.

Он услышал меня. Я вздрогнула, когда он сел рядом на корточки и, подтянув мои ноги к себе, снял с раздраженных ступней носки. Он не понял моих душевных терзаний, заменив их более простой для понимания физической болью. Только его волшебные руки, окатившие меня теплом магической энергии и подлечившие ноги, справиться с истинной причиной моих слез оказались не в силах.

Что-то такое...

Глава 6

Утро встретило пятнами калейдоскопа на черном фоне из-за бьющего солнца по закрытым глазам и усталым мужским голосом Магнуса Фиара. Его расплывчатый силуэт стоял у двери на выход и... просто стоял. Привстав, сразу дернулась, подхватывая персикового оттенка простыню, прикрывая обнаженное тело. Случившееся ночью не укладывалось в голове, зато понимание невозможности дальнейших жалоб на его адепта (или не адепта) присутствовало в полной мере.

— Попрошу поспешить, — приказал Клео, подгоняя. — Через полчаса кончатся первые сутки, и контроль за выбыванием испытуемых перейдет в юрисдикцию другого куратора.

Спросонок слабо понимала, о чем вещал Клео и почему рядом с подушкой не лежал смартфон с включенным будильником. Будний день как-никак. Наличие сгаллюцинированного старшего псевдо-братца в опасной близости смутило как минимум фактом его существования в реальности, а не только в омерзительно-киношном сне. Помимо голоса Клео, желто-золотого вакуума интерьера и белого пятна униформы у двери — ничего необычного не происходило.

— Хель, — позвал Клео, тем не менее оставаясь на почтительном расстоянии. — Об Испытании Огня помнишь?

Кивнула и натянула простыню по шею, спрятав руки. Мало того, что я практически ничего не видела и тыкалась носом, как слепой котенок, так еще и предстала в непотребном виде перед единственным человеком, который обещал позаботиться о моем состоянии в этом мире! Как стыдно. Сама обвиняла мужчину из сна во всех бедах, а теперь... любому стало бы понятно, что претензий никаких не имела! Еще как имела! Но... прав о них говорить больше никаких.

— Я... — слова застревали в пересушенной, сорванной криками глотке. — Простите!

Смущаясь, спрятала лицо в ладонях, опустив голову на грудь. Между мной и куратором метра три расстояния и тоненькая простынка, которая могла быть полупрозрачной... из опасения-озарения вскинула голову, подтянула колени к груди и сжалась в комочек. В такую однозначную ситуацию могла попасть только я! Как теперь в глаза ему

смотреть, когда зрение восстановится?

— Проблемы с глазами? — учтиво побеспокоился Клео. Незнакомые нотки в его голосе мне совершенно не понравились. — Что произошло.

— Вы... должно быть... знаете, — выдавливая из себя, крутила головой, рыская в поисках хоть какой-то одежды, но ничего не находила. — Про бой в библиотеке. Пародию... боя.

Молчание стало мне ответом. Неужели до сих пор не знал? Террорист смог замести следы своей противозаконной деятельности? Или служба безопасности наконец объявилась и сделала свою работу? Они поймали террориста, или он сбежал? Мне следовало опасаться мести и преследования? Вопросы крутились в голове самые разные, и мне не удавалось ухватиться ни за один из них.

— Расскажешь позже, — оборвал Клео в привычной, как мне казалось, царской манере. Не зря же его с Клеопатрой сравнила. — Одевайся и выходи. О твоём проколе со сном знаю только я. Через полчаса меня сменят, и за вторую ошибку придется дорого заплатить.

Клео развернулся и вышел из комнаты через дверь, что в прошлый раз была заперта. Большое белое пятно одежды Клео исчезло, и оно больше не отбирало внимание у другого пятнышка поменьше. На ручке двери на вешалке висел еще один комплект униформы, который по ширине плеч никак не мог принадлежать хозяину спальни. Под одеждой на полу стояла та же самая пара туфелек, которую оставила в библиотеке.

Оделась на счет три, стараясь не задумываться, когда успела принять душ. То ли в полудреме и поэтому ничего не помнила, то ли... от мысли, что меня мыл (особенно мыл «там», вымывал) мужчина, имени которого (и даже лица!) не знала... передергивало. Я безбожно краснела до посинения, натягивала на талию юбку, а после опускала ее на пояс: запасного белья не было ни под жилеткой и блузкой, ни где-либо еще в комнате. Никакой гардеробной отыскать не получилось.

Не надеть бюстик для меня еще куда ни шло: грудь маленькая и в поддержании особо не нуждалась. Плюс жилетка скрывала очертания на случай если подмерзну, и грудь набухнет. Юбка до колена заменить отсутствие трусиков не могла. Не то, чтобы я никогда не попадала в подобную ситуацию... ни раз и ни два забывала брать сменку в тренажерный зал, что замечала только выйдя из душа, а потому

приходилось натягивать джинсы на голую попу и добегать до дома пять-шесть минут как получилось...

Отбросив прошлые случаи, просто забила. Юбка сшита из плотного материала, ее длина достигала колена, а на случай непредвиденных обстоятельств в сумке лежала какая-никакая сменка. Только бы до сумки добраться. Перед выходом остановилась у зеркала, поправила прическу и пару раз пшикнула одним из флакончиков с духами. Ощущение грязи преследовало с самого пробуждения, и что-то мне не верилось в совершенно случайную потерю памяти за последние несколько часов.

Дверь поддавалась, стоило потянуть за ручку. В последний момент вспомнила про туфельки и, надев их, выскочила в коридор. В пустой коридор. Зрение отказывало не настолько сильно, чтобы не видеть вообще. Разве Клео не приказал одеваться и выходить? Или я одевалась слишком долго и ему надоело ждать? Его отвлекли по работе? О ушел передать пост по контролю за поступающими, потому оставил меня? Тихий стук толстого каблука мужских туфель расслышала четко.

— Наконец, — возмутился Клео, и его возмущение можно было запросто приравнять к замечаниям бабушек на лавочке у подъезда. Приблизившись настолько, что между нами оставался один лишь шаг, прошептал. — С этого момента называешь меня исключительно по имени. Магнус. Буду исправлять, извиняешься и все равно зовешь по имени. Поняла?

— Да, — кивнула, подтверждая, что поняла. Так мы создадим видимость реальности кровной связи и общего прошлого. — А... а где моя сумка? Я ее вчера оставила в библиотеке. — Спустя полминуты молчания прозвучал ответ. Буравил взглядом, наверное.

— В комнате вместе с выбранными книгами. Там останешься жить вместе с адепткой вдвоем. Надеюсь, тебе хватит ума не рассказывать ей о своем происхождении и не давать повода задавать лишних вопросов?

Снова кивнула и поежилась. Клео слишком строг, на мой взгляд. Или он опасался разоблачения? Вряд ли похищение человека, в котором он косвенно участвовал, являлось в этом мире законной мерой. Более того, он покрывал виновника и, казалось, был полностью солидарен с ним. Почему он ни на секунду не поверил мне? А поверит ли после того, как увидел меня обнаженную под простыней? Станет ли слушать?

— Когда будет ритуал? — семеня, старалась не отставать от Клео.

За его длинными ногами поспевать непросто. — Когда? Хочу вернуться домой как можно скорее.

— В этом есть смысл? — не сбавляя темпа, ответил Клео, сложив руки за спиной. — Мне показалось, вы пришли к согласию.

— Чушь, — буркнула под нос, понимая бесполезность жалоб куратору. Для него я никто. Просто игрушка его подопечного или хозяина.

Хозяина! Как мне сразу не пришло в голову, что Клео мог платить за мое обучение в академии из чужого кармана! Какой ему резон расставаться с кровными ради помощи мне? Он сам увешан золотом (по крайней мере был в нашу первую встречу в кабинете ректора Лунн), а потому слугой не являлся. Значит, вассал? Или... старший брат! Ректор Лунн упоминала, что Магнус Фиар родом из захолустья, и никто не знал о его семье больше, чем того хотел сам... Магнус.

Настоящее имя не желало слетать с языка и даже в мыслях не хотело быть названным. Случайно придуманное прозвище подходило ему намного больше, чем родное из-за ассоциации с магом Магнусом Бейном, с которым у него не было ничего общего. Тогда выходило, что искать нужно через круг общения куратора, и в академии провести разведку достаточно просто: только подвернется под руку «язык»...

— Магнус, — имя вырвалось, грубо слетев с губ, что ни на какое родство даже не намекало. Скорее на его вражду с Клаусом Ранхаром, с которым следовало пообщаться на тему ночного происшествия как можно скорее. — Эта связь... меня тяготит. И унижает мое достоинство.

— Чем же? — поинтересовался куратор, вдруг остановившись. Мы почти подошли к лестнице, остановившись в конце коридора. — Разве связь свободных может унижать одного из них?

— Таковы правила моего мира, — не найдя чем объяснить мучившие меня внутренние распри между желанием и сознательностью, выдала как на духу. — Законы моего мира... приравнивают меня к... Мое положение незавидно, и я вынуждена принимать вашу помощь вне зависимости от того, какую плату вы потребуете в результате.

Небольшая речь далась с большим трудом. Лектор словесности на первом курсе требовавшая от студентов писать небольшие монологи, зачитывать их и декларировать, упала бы в обморок, услышь меня сейчас. Клео стоял рядом молча. Я шестым чувством ощущала его пристальный, отчасти недоуменный взгляд и рад и радовалась, что

обожженная роговица не позволяла детализировать картинку. Вряд ли смогла выдержать его взгляд, а так передо мной было только мутное бежевое пятно бледной кожи с небольшим желтоватым полутонем.

— Я не многое знаю о мире, — Клео еле слышно вздохнул, намекая именно на мой мир, а не на его. — Но прекрасно понимаю, что ты привираешь. Пусть это останется на твоей совести, но имей в виду, я единственный, кто защищает тебя здесь.

Единственный? Слово ударило под дых, и накатила слабость, тяжесть дыхания. Я почувствовала себя рыбой, выброшенной поваром на разделочную доску, и не знала, как спастись. Не могла придумать, как поступить, как сделать следующий шаг. Зато вчера без раздумий кинулась в эпицентр событий, спасла целую академию, а в благодарность получила... это. Может герою лучше остаться безымянным? Если бы только маг-террорист не видел моего лица, то ни за что на свете не стала бы болтать о вырвавшемся из меня глупом героизме.

— Поняла. Простите. Я здесь никто, и лучше бы мне лишний раз не вякать, — сказав, отвернулась. Видеть расплывчатое бежевое пятно больше не было сил. — Постараюсь больше не привлекать лишнего внимания и сделать вид, будто меня никогда не существовало. Ведь так... будет легче от меня избавиться. Когда наскучу.

Клео молчал, а я вырвалась вперед и бросилась вниз по лестнице. Как только окажусь в холле первого этажа, смогу найти дорогу в комнату — она первая на втором этаже правого крыла. До последнего момента надеялась, что Клео остановит меня: окликнет или схватит за руку, как нахальный бесстыжий Змей, но этого не произошло. Даже со стороны столовой не доносилось ни одного голосочка, и академия показалась вымершей за одну ночь.

На первом этаже сориентироваться отчего-то получалось плохо. Лестница сливалась по цвету с полом и стенами, а потому искать ее в примерно правильном направлении приходилось буквально на ощупь. Зато дальше шло как по маслу: ориентируясь по перилам, добралась до второго этажа и вошла в первую комнату слева. Не заперто. То ли магический замок отреагировал на меня, как на хозяйку, то ли здесь не боялись краж.

Странные люди! — подумала я и кинулась к «своей» кровати, на которой вместе с курткой лежала сумка. Лежала. На кровати. На самом

видном месте. Меня чуть заиклило, а как только очухалась, села на кровать и перебрала вещи. Вроде, все на месте. В кошельке лежало несколько купюр и горстка мелочи, и я вздохнула спокойно. Уж иномирные деньги точно никому, кроме меня, не нужны.

В потайном кармашке вместе с парой прокладок и туалетной бумагой спрятаны стринги — не самая удачная, но хоть какая-то замена трусикам. Зато в сумке много места не занимали и становились спасителем в случае непредвиденных обстоятельств. Прямо как сейчас. Одевшись до конца, почувствовала себя увереннее. Легкий цветочный запах духов успокаивал, и ночное происшествие (то, которой было после библиотеки) перестало выглядеть настолько ужасным. Разве произошло что-то непоправимое? Нет. В любом мире нельзя исправить только смерть!

...и «третий» этаж библиотеки мог стать моей могилой. Какой черт меня дернул? Бросив куртку и сумку на «проклятую» кровать, на свою улеглась, свесив ноги в тувельках за ее пределы. Чем я думала вчера? Каким местом? Чудо, что я до сих пор жива! Чудо, что электрический кинжал вспорол книгу, а не мой череп. То-то осталась от меня одна академическая униформа в кучке пепла от мяса и костей!

Зачем? Зачем я провела весь вечер и полночи в библиотеке, изучая чуждую мне магию? Любопытство? Жажда познания? Хотелось поиграться в волшебников, забыв о «старой-доброй» магии из мифов и легенд, подобных сказкам братьев Гримм? В оригинале, естественно. Это было глупо. Это было опасно. Это было... будто и не я вовсе.

Скинув тувельки, забралась на кровать с ногами и прижалась к стене за изголовьем. Огоньки вспыхивали то на одной ладони, то на другой по мановению мимолетного желания, а мне будто все равно. Я колдую настолько легко, словно родилась с волшебным даром! Потратила всего один вечер, а такое чувство, что несколько лет...

Повернув голову, заметила Его. Торт. В моем любимом «тирамису» зияла дыра, сообщившая, что есть его все-таки можно. Съедобен. Протестировано Эльвой и Фрайей. Подпрыгнув с кровати, в предвкушении села за столик и быстренько нарисовала новенькую ложку, блюдо и нож на разбросанных листах. Роллы не дожили до моего возвращения. А, не важно! Еще нарисую!

Вытащив из сумки бесконечный кефир, приготовилась им запивать вкусняшку. Как-никак, кефир — еда настоящая, а торт — нет. Часики

фитнес-браслета показывали восемь часов и одну минуту, что для меня было идеальным временем для второго завтрака. Первый в пять-двадцать перед шестичасовым утренним автобусом, второй в восемь часов перед первой парой, обед в тринадцать-сорок, полдник в пятнадцать-десять, ужин ближе к шести-семи в зависимости от времени возвращения домой.

Разрезав торт с угла (в углу больше крема) и положив сверху шоколадный плоский кружок украшения, взяла в руку наколдованную ложечку и на американский манер поблагодарила бога за ниспосланную мне еду. Отделив небольшой, зато самый кремовый кусочек, с наслаждением положила его в рот и облизнула ложку... прежде чем выплюнуть его на блюдце. Испорченная кислятина, как прошлогоднее молоко, раззадорила вкус.

Да что б еще хоть раз... чужие традиции... перед обедом! Ни в жизнь!

Отодвинув блюдце, нарисовала мусорное ведро с черным пакетом внутри и смахнула в него все материализованные каракули. Кисломолочный вкус в кошмарах сниться будет! Только кефирчик скрашивал одиночество и внутренние позывы «холодильник, искать!» Итого картина вырисовывалась безрадостная: кушать нельзя, спать нельзя (но добрый дяденька-куратор прикрыл в первый «вылетный» день), поговорить не с кем, в библиотеку тоже лучше не соваться...

А чем занимались другие приличные поступающие? Назвать себя «приличной» поступающей язык не поворачивался, особенно после исполнения предсказания завуча. Или прогноза на основе многолетнего опыта? Откладывать нашу вторую встречу дольше возможность имела, но крайне нежелательная. Вздохнув, спрятала куртку под подушку, а сумку взяла с собой. Без сумки я, как без сережек, голая.

Запрыгнув в туфельки, выбежала из комнаты. Наконец на первом этаже началась движуха: из столовой снова доносились голоса и гомон, в холле встречались незнакомые адепты. Я на всех порах летела в учебное сооружение искать кабинет главы службы обеспечения безопасности в академии и даже не помнила, на каком этаже располагался его кабинет! Отыскать учебный корпус тоже получилось не сразу, а только с седьмой попытки после того, как несколько раз возвращалась в жилую.

На месте Клаус Ранхар отсутствовал, и я справедливо решила

поискать его в библиотеке, которую (аллилуйя!) нашла аж со второго раза. Фраза «заплутать в трех соснах» уже не казалась мне настолько смешной, как раньше. Несмотря на активный учебный процесс, в библиотеке пусто. За стоечкой высиживал смотритель Мунн, заметив меня в тот момент, как только заглянула в библиотечный зал. Кто сказал, что у пожилых людей со слухом проблемы? Только не у смотрителя Мунна! Но не его искала.

Горестно вздохнув, пошла к лестнице. Вчера ночью я сдалась на предпоследнем лестничном пролете и сегодня сил во мне было немногим больше. Да, выпалась, но пешком ходить на двадцатый-тридцатый этаж не нанималась? Почему в магическом мире никто не придумал лифта? Или его аналога? Или академия зажала денег на покупку и установку чуда магической техники? До «третьего» этажа добралась тогда, когда ноги совсем отваливались.

Не прогадала: в запретном зале Клаус Ранхар шерстил бумаги, что-то выискивая. Если он ищет книгу, которую проткнул электрическим кинжалом маг-террорист, то, логично, у него ничего не выйдет. Приблизиться к завучу было страшно, но я взяла себя в руки и подошла к единственному уцелевшему после вчерашнего псевдо-боя столу, заваленному различными книгами, свитками и просто бумажками альбомного и полу-альбомного формата.

— Никогда не ошибался в людях, — вдруг произнес завуч, заставив меня вздрогнуть. — Мы с вами часто будем видеться. Очень часто.

Мужчина поднял на меня угрюмый взгляд, от которого мне поплохело, стало тошно. Чем я провинилась перед ним? Запрещенный зал выглядел нормально и даже лучше, чем вчера. Только стена, прилегающая к входной арке, до сих пор не восстановлена. По ней примерно на одинаковом расстоянии от пола и от потолка пролегла глубокая борозда, оставшаяся от потока света.

— Я хочу...

И пикнуть не успела, как покачнулась и упала, не удержавшись на ногах. Не хватило времени даже на то, чтобы заметить быстрое движение. Щека разгорелась от пощечины, и я прикоснулась к ней прохладной ладонью, подняв глаза на Ранхара. Что на него нашло? Что я сделала не так? Он узнал о моем происхождении и винил в разрушении библиотеки? Считал меня сообщницей мага-террориста?

— Адептам запрещено ночью покидать жилое сооружение, —

жестко ткнул Ранхар, снова садясь на стул, только теперь полубоком, лицом ко мне. — Чтобы невзначай не сорвать операцию, готовящуюся на протяжении нескольких лет!

О чем он говорил? Клаус Ранхар — пособник встреченного мною мага? Тоже террорист? Тоже замышлял разрушить огненную академию до основания, а заодно убить всех, кто под руку подвернется? Кто не спрятался — я не виноват? Вряд ли! Вчерашний маг-террорист — сумасшедший, которого долгое время не могла поймать местная полиция или психушка? Из-за моего вмешательства он успел сделать ноги до того, как за ним наконец явились?

— Из-за вашего вмешательства...

Повторять не стоило. Ранхар будто вторил моим мыслям о сорванной операции захвата, а я сидела на полу, охлаждала горящую после пощечины рукой щеку и уткнулась взглядом в пол перед собой. Я провинилась и не могла подсчитать принесенный безопасности академии и всей стране урон. Разве я знала и могла ли знать, в бой с кем меня выдвинули глупость и адреналин? Имел ли он права поднимать на меня руку?!

Язык не поворачивался достойно ответить: громила размером с моего любовника пугал, притом кроме нас двоих поблизости никого не было. Отняв ладонь от щеки, встала и подняла сумку. Клаус Ранхар все также вальяжно сидел за столом, рассматривал макулатуру и более внимания на меня не обращал. Несправедливость жгла сердце, а руки чесались ударить виновника раскрасневшейся щеки.

— Сами виноваты! — кулаками ударила по столу, разметав част бумажек. — Не можете защитить академию! По какому такому праву вы вообще пустили на территорию преступника?!

Я кричала и практически рычала, как волк. Более чем уверена, что кто-то превышал служебные полномочия! Прижать бы этому кому-то хвост, да так чтоб след на всю жизнь остался! Если промолчу сейчас, то в следующий раз он без зазрения совести не только по лицу ударит, но и что похуже сделает. Молчать нельзя: ни с Ранхаром, ни с тем адептом. Прожуют и не заметят!

— Меня будет учить какая-то малявка? — зло усмехнулся Клаус Ранхар и отмахнулся.

Меня отбросило в сторону, как ветром. Разве справедливо использовать магию против тех, кто ею совершенно не владел?

Маленькие фокусы вроде элементарной формализации рисунков и пламенных огонечков не в счет! Зато теперь я точно знала, что должна сделать. Клаус Ранхар не дух не переносил Магнуса Фиара. Сам Клео не горел желанием войти в ситуацию и помочь мне, сколько бы не обещал. Он врал, а лжецы мне никогда не нравились.

Так почему бы не столкнуть двух баранов лбами? Клео вызвался помогать мне не потому что пожалел, а потому что сам хотел мною воспользоваться! Необходимость раскрытия личности мужчины из сна становилась жизненно важной: узнаю хозяина — смогу воздействовать на него и тогда... а что тогда? Смогу вернуться домой не дожидаясь, пока мною наиграются и выбросят, как старую игрушку?

— Ничему я не буду вас учить, — придя в себя и успокоившись, отошла на несколько шагов назад. — Вы были обязаны озаботиться безопасностью адептов и проверить, что никого не было в библиотеке. Вы проявили халатность... а потому проиграли.

«Надеюсь, вас провезло начальство мордой по столу» — вслух произносить не решилась, чтобы окончательно не вывести его из себя. Итак котенка ткнула носом, а пинок под зад пусть даст тот, кто способен себя защитить. Плевать, как то будет выглядеть! Немедленно пойду и пожалуюсь Клео! Пускай, ему плевать на меня, но не на его противостояние с завучем. Только повод дай — сцепятся, как дворовые псы.

— Исчезни, — завуч мотнул головой в сторону главной лестницы, а я с силой сжала руки на сумке. В ней лежала хлесткая скакалка, и мне не терпелось отходить ею Ранхара, как плетью.

Видимо, сильно провезли и нос сломали (уже залечили), раз так сильно злится. Если бы меня вернули во времени на двенадцать часов назад, я бы поступила точно также и вошла в бой. Из принципа (с обязательным условием, что ночь закончится чудесным «спасением» через портал). И... не дойдя до выхода, развернулась и вернулась к завучу. Кто знает человека лучше, как не его заклятый враг? Мне нужно было убедиться в предположении.

— Господин Ранхар, — мой жалобный голосок оторвал завуча от перебирания груды книжек и свитков, — скажите... у Магнуса есть связи в академии?

Вопрос о наличии младшего брата вовремя удержала на языке. Чуть не сболтнула! По легенде, я — младшая сестра Магнуса и кому,

как не мне, знать, есть ли у него брат! Значит, напрямую задать вопрос о родственнике смогу только самому Магнусу и ректору Лунну, если смогу ее найти и попросить уделить мне минутку-три. Совсем запуталась, кому что можно было говорить, а кому нельзя.

Утробный смех Ранхара перечеркнул все выводы и доводы. Он обескуражил меня и ударил по мозгам механическим голосом телепатии «У секретутки спроси!» У Глории, что ли? Я с другими секретарями знакомство как-то не свела. Грубость и откровенное хамство Клауса Ранхара оставили неприятный осадок, а щека все еще алела от его удара. Он не имел права так со мной поступать. Он просто выпустил пар на мне, не пожелав признать собственную ошибку! Не захотел признавать — пожалуйста! Руки-то зачем распускать?

Спустившись на два пролета села на очередную скамейку и прислонилась щекой к прохладному камню. Полегчало. Зато я наконец поняла, что настоящих союзников в этом мире у меня не было и не предполагалось. Хорошо, что поняла простую истину сейчас, спустя всего сутки, а не через месяц-два, когда могло стать слишком поздно...

Седой парень-похититель из воздушной академии, смотритель Мунн, ректор Лунн, Клео, Змей, Эльва, Фрайя, Клаус, Адельхейд... это те люди, маги, с которыми мне довелось столкнуться в последние сутки, не включая любовника из сна. Теперь уже и в реальности. Если решение проблемы с Клаусом Ранхаром лежало на поверхности, то что делать с «провинившимся адептом» я не знала.

Точнее знала, но не имела ни малейшего понятия с какой стороны подходить к делу. Давить на Клео, требуя провести ритуал разрыва связи? Его планировали на следующей неделе во время праздника. До тех пор попытаться поговорить с «затаившимся в ночи»? Попробовать объяснить ему ситуацию с моей стороны и ждать понимания? Если любит, то примет? Любит? А любит ли?

Ромашки под рукой не оказалось, а потому решить вопрос на миллион долларов не удалось. Слушать дерганый шелест листов и шорох бумаги, доносящиеся из запрещенного зала, желания не возникало, и я совсем поникла. Кроме академической униформы (опять забыла, что она белая! Ступени-то не стерильные) и тех вещей, которые ежедневно брала с собой в универ, другой собственности не было. Дали кровать, обещали пропитание после Испытания Огня...

Звук шагов услышала в тот момент, когда незнакомец находился от

меня в трех-четырех лестничных пролетах. Звуки шагов становились чуть громче, сообщая о приближении мужчины. Мне казалось, что только мужчине могла принадлежать тяжелая, но достаточно бодрая походка. И я тоже встала, встречая незнакомца и как можно незаметнее оправляя все еще белую юбку. Пол стерильный что ли? Правда?

Преподаватель поднял ногу на первую ступеньку моего лестничного пролета и остановился. Я сразу признала его, хотя видела лишь однажды и только со спины. Мне показалось, что передо мной стоял он — физрук. Насколько я «обожала» физкультуру в родном мире, столь же сильно чувствовала, что мое предположение не было ошибкой.

Высоченный, белобрысый (почти седой) преподаватель скрестил руки под грудью, прижав доходящие до живота прямые волосы. У меня складывалось впечатление, что я именно ему должна норматив по скакалке сдать, а не доценту из моего мира. Мужчина смотрел на меня, чую с подозрением, но он сто процентов должен был знать, кто я такая и что делала в академии. Или не знал. Разве обязана ректор Лунн отчитываться перед физруком?

— Хельга Фиар? — поинтересовался преподаватель, но ответа дожидаться не стал. — Спускайся.

— Простите, а вы сегодня куратор испытуемых? — спросила, спустившись на несколько ступеней и не забыв подхватить сумку. — Скажите, где другие поступающие? Что они делают? Я с ума схожу от безделья!

— Я заметил, — преподаватель развернулся и засунул руки в карманы белых форменных брюк. Вместо белого пиджака на нем была футболка с коротким рукавом. — Брат в теплом месте передержал, а она с дуру бесится.

Мужчина, не соизволивший представиться, бурчал под нос, но из-за слабины зрения слух улучшился в несколько раз. Пока мы спускались, несколько раз прокляла себя за то, что потащилась к Клаусу Ранхару. Моя информация пришлась «ни к селу, ни к городу», завуч настроение испортил, ударил, и еще физрук высказал свое «фе» в мою сторону. Чем я физруку не угодила? Тем, что в библиотеку влезла?

— А можно не хамить! — сорвалась, выливая накопленную при разговоре с завучем злость на вполне безвинного мужика. — Даже свое имя назвать не удосужился! Притом прекрасно осведомлен, что я в

академии только второй день!

Преподаватель резко остановился, и я въехала в его спину, не успев затормозить. К саднящей щеке добавился зуд придавленного носа. Не ойкнула, ни звука не произнесла, а сделав шаг назад, оступилась о первую ступеньку ведущего в запрещенный зал пролета. Мужчина сначала схватил меня за руку, затем перехватил под спину и поставил ровно. Он долго не отнимал руки от моего лица, рассматривая глаза.

— Обожглась? — больше для себя, чем у меня уточнил мужчина. — Недавно. Поранилась и сидит, прогуливает. В библиотеке прячется. Больно?

Не успела сориентироваться, уследить за сменой настроения, как меня усадили снова на лестницу. Преподаватель сел рядом со мной и пообещал помочь с глазами, сколько сможет. Я попыталась отстраниться, не доверяя первому второй раз встреченному, а он и не настаивал, отправляя на прием к местной медсестре, куда идти категорически не хотелось. Может, само пройдет?

— Простите. За хамство, — успокоившись, пошла на попятную. Нечего отношения портить с магами, особенно если этот маг будет твоим преподам по «горячо любимой» физкультуре. — Я немного не в себе последние сутки. Очень многое произошло.

— Твой брат упоминал, что ты обрела силу только на днях. До этого она была заблокирована из-за слабого здоровья, — рассказал преподаватель, которую обязан был до меня донести Клео. Забыл? Забегался? Прошляпил! — Адепты зовут меня просто по имени. Дагмар.

Я усмехнулась, но вслух объяснять причину смешинки не стала. Дагмаром звали маминого говорящего попугая, чей лексикон ограничивался тремя фразами: «мои печеньки», «к драконам спалю» и «вихрь мне в задницу». Пока я отвлеклась, Дагмар положил ладонь мне на глаза, и под нею растеклась приятная прохлада. Она быстро превратилась в ледяные игры, вонзившиеся в глазные отверстия черепа, но маг держал второй рукой мою голову твердо.

— Так будет легче, — произнес Дагмар, одновременно игры исчезли, оставив после себя легкое покалывание. — Уже завтра зрение должно полностью восстановиться. Тебе бы к магу водной конфессии обратиться.

— Спасибо.

Зрение и вправду улучшилось. Расплывчатые пятна превратились в крупную мозаику: читать пока не смогу, но заниматься привычными делами намного проще. Дагмар помог мне встать, подав руку, и предложил поприсутствовать на одном из практических занятий второгодок первой группы, которые готовятся к полету в военную академию на ежегодные сорок дней обучения.

Не подумав, согласилась, о чем пожалела, стоило войти в специально оборудованный для магических тренировок зал, размером с настоящий полигон. Разве в лаборантское сооружение могло вместить такую площадь? Одним словом — магия. Но заставили меня пожалеть отнюдь не необъятные просторы помещения, а один конкретный адепт. Змей. Как я могла забыть, что он учился в первой группе второго года?

— Хель! — окликнул он меня сразу же, стоило перешагнуть порог дверного проема. Чувал он меня что ли? — Какими судьбами?

— Испытуемая Фиар будет присутствовать на занятии в качестве зрителя, — объявил Дагмар, снова скрестив руки под грудью. — Не облажайтесь перед первачкой.

Парни заукали. Их было четверо, притом именно те, кого я видела в столовой за одним столиком со Змеем. Четверо блондинов одинаковой комплекции и примерно одного роста складывались передо мной белыми пикселями мозаики и только Змей щеголял в зеленой футболке, за что получил подзатыльник от физкультурника.

— Два круга бегом марш! — приказал он, чтобы проучить наглеца. Притом бежать предполагалось всем четверым. Один за всех... и все за одного. Хороший подход. — На все четыре минуты. Пошли!

Зрение меня подводило. Хоть убейте, но пробежать два круга вокруг зала за четыре минуты нереально. Если только из-за мозаичного вида я не ошиблась в измерении примерного расстояния на глаз. Да, «глаз» меня точно подводил. У самого входа в «спортивный» зал приютилась деревянная скамеечка, как в любом другом приличном школьном или университетском спортзале моего мира.

— Для магов огненной конфессии первой группы норматив три минуты, — зачем-то пояснил Дагмар. Видимо, заметил мое удивление. — Для воздушников и того меньше. Полторы.

— А вы воздушник? — отчего-то спросила я, отложив посиделки до завершения разговора. — Ваша магия... энергия... там, на лестнице, мне показалась необычной. Очень на воздух похожа.

И на того седого парня, который притащил меня сюда, тоже. Пока парни-адепты выполняли задание, Дагмар жестом руки предложил присесть на скамейку для продолжения беседы. Сев, он расставил ноги и положил руку на левое колено ладонью вверх. Я уже знала, что он сейчас сделает. В его ладони появится воздушный вихрь, раз он воздушник. Именно этот фокус с материализацией магической энергии я тренировала вчера в библиотеке.

Но в ладони возник тускленький огонек, как у меня. Вдруг он вспыхнул, будто его выплюнули, и перекрасился в льдисто-голубой цвет. Две стихии? То есть, Дагмар принадлежал двум конфессиям одновременно? Сколько магов имели две стихии? А молния считалась отдельной? Тогда у меня тоже две: огонь и молния!

— Некоторые фениксы открывают в себе вторую стихию, — тихо пояснил преподаватель. — Обычно это происходит в довольно зрелом возрасте, как и у меня. По крайней мере, не раньше сорока пяти. Адепт-пенсионер, — усмехнулся он.

— Так вы тоже учитесь в огненной академии? — не поверила его словам, но сдержалась, чтобы не воскликнуть. — Но... я видела, как вы руководили утренней пробежкой. И сейчас... курируете... вот этих. И поступающих... тоже.

Он сбил меня с мысли. Разве можно быть и адептом, и преподавателем одновременно? Или он работал в воздушной академии до того, как в нем проснулась вторая стихия? Подождите, он сказал «некоторые фениксы»? Дагмар тоже феникс? Тогда он сможет рассказать мне про фениксовы заморочки? И почему один из тех придурков, что сейчас круги наяривают по периметру зала-полигона, назвал меня шизофреничкой?

— Подождите-подождите, вы тоже феникс! — меня осенило. — Тогда... объясните, пожалуйста...

Дагмар перебил меня.

— Ты позолотила глаза Зэлдена? — и спросил ничего не значащим тоном, будто говорил о погоде. — В таком случае мне понятен твой интерес. И смущение. Девочка родом с края света вряд ли когда-нибудь сталкивалась с фениксами. Теоретически такой, как мы с Зэлденом, мог родиться где угодно. Но все фениксы собираются в больших городах и остаются там навсегда.

Зэлден? Кто такой Зэлден? Подняв голову, посмотрела на парней.

Все четверо бежали друг за другом и заканчивали первый круг. Вот это скорость! Притом по ним не скажешь, что они за пару минут преодолели несколько километров. Среди четверки явно выделялся Змей, вырядившийся в зеленую футболку, как павлин в брачный период. Пробегая мимо единственной в зале скамейки, на которой мы устроились, Змей козырнул рукой.

— Даже не стал его наказывать, — усмехнулся Дагмар. — Сейчас ему бестолку что-либо объяснять. Витает в облаках.

Настоящее имя Змея — Зэлден? Кто-то меня убеждал, что его имя «длинное» и «тяжелое». Разве Зэлден — длинное? Разве оно тяжелое? Детсадовские понты! Даже не смешно.

— Только не говорите, что он меня до скончания веков будет преследовать, — перспектива прятаться от второго поклонника не прельщала. Не дай бог с первым сцепится! Будто одного мало! — Это можно как-то... вылечить? То есть снять?

— Само пройдет, — угрюмо отмахнулся Дагмар. Я ведь не наступила ему на больное место? Он выглядел так, будто посыпала солью на раны. — Феникс лишен права выбора, в отличие от женщины. Если за два месяца феникс не добивается взаимности, связь рвется сама, и глаза приобретают обычный цвет.

Значит, мне придется терпеть закидоны Зме... Зэлдена целых два месяца? Клянусь, с этого момента буду называть его только по имени! Никаких Змеев! Не гот и не вор в законе он, в самом-то деле. Наконец Дагмар встал, собирая вокруг себя парней-адептов, только-только закончивших второй круг. Судя по часикам в фитнес-браслете, они уложились в отведенные четыре минуты. Невероятно! Став магом, я тоже буду так быстро бегать и не мучиться отдышкой после марафонского забега?

Полученную информацию о фениксах от Дагмара следовало переварить. Только так и не узнала, почему меня назвали очередной шизофреничкой. Было ли правило, по которому магия фениксов определяла, кому конкретно становится парой их хозяину? А вообще... грустно это все. Не иметь выбора в таком важном деле, как любовь и личная жизнь. Я чувствовала себя фениксом и прекрасно понимала, что в ловушку загнала себя сама. Но, в отличие от фениксов, у меня был шанс сломать ее прутья.

— Так, — Дагмар хлопнул в ладоши. — Разбиваемся на пары и

отрабатываем формализацию огня. Не на девушку пялимся, а отрабатываем, Зэлден! Не позоримся! Я сказал, не позоримся!

Из-за моего присутствия занятие превратилось в балаган, но так даже лучше. Меня больше не окружала угнетающая тишина, и щека перестала болеть. Тем более, следить за ходом тренировки увлекательно. Парни в обтягивающих футболках разминались, поигрывали мышцами, ммм... а я... видела мир вокруг себя мозаикой! Что за невезение! Мне дали возможность без поспрашивания приличий пялиться на хорошо сложенных парней и... Вот отстой!

Трех одноклассников Зэлдена не различала совсем. Я бы и самого феникса не нашла среди них с таким-то зрением, если бы он не вырядился в зеленую футболку. Выделился. Зато я имела потрясающую возможность присутствовать при отработке конкретных упражнений и заклинаний. Скорее второе, раз наставник дисциплины — маг другой конфессии. Заклинания у разных стихий должны отличаться, а вот фундаментальные законы — одни. Мир-то один.

Парни поставили ноги на ширине плеч и вытянули вниз руки по швам, чуть-чуть отодвинув их в стороны от ног примерно сантиметров на десять. Мгновение — вспышка. Ладони изрыгнули драконий огонь. Столпы огня стабильно горели, но пола не достигали. Следить за четверными парнями одновременно не получалось, поэтому взгляд остановился на «зеленом». На Зэлдене.

Он медленно поднял руки, сведя их перед грудью, и потушил огонь между ладоней, как я гасила его в кулаке. Но нет, я ошиблась. Спустя секунду кисти его рук начали расходиться, а между ними из огненной горячей сферы вытягивался боевой шест, как у спутницы Королевы Зены. Формализовав его, Зэлден перехватил шест передним хватом одной рукой, обратным хватом второй рукой и крутанул.

— Не играемся, Зэлден! — вставил свои пять копеек Дагмар. — В военную академию девушка с тобой не поедет! А другие адепты-фениксы не посмотрят, что у тебя непрофильное образование!

Парни рассмеялись, а Зэлден, взяв шест в одну руку, вторую зацепил за шею. Ему, видимо, тоже смешно, но ни одной смешинки от него я так и не услышала.

Глава 7

Тренировка проходила забавно: Зэлден раз за разом выкидывал фортели, его одноклассники потешались, а я следила за изменением интонаций Дагмара, который одергивал молодого феникса, как мог. С каждым разом мне сильнее и сильнее слышалась боль в голосе умудренного опытом повидавшего лучшие времена собрата. И я верила не словам, а сердцу.

Чем ярче Зэлден демонстрировал «павлиний хвост», тем тяжелее мне становилось на душе от осознания, что магия способна на столь низкое коварство, как лишение воли и права принимать столь важные решения. Разве справедливо? Почему одним все, а другие должны довольствоваться малым и не возникать?

За меланхолией о вселенской несправедливости к Зэлдену, к себе и даже к мужчине из сна (я допускала, что он тоже мог оказаться фениксом, раз на его правом бицепсе имелась похожая татуировка. Только бы узнать у Дагмара, имелась ли точно такая же у него?) тем не менее успевала следить за ходом тренировки. На сегодняшний день мне и не снились скорости, с которыми парни управлялись с огнем, но все их упражнения базировались на одном. На том самом.

Вчера ночью я создала щит, закольцевав дважды энергетический поток внутри себя, и недоступным мне чудом тот приобрел материальную форму в минуту опасности. Надеяться на авось дальше не могла, поэтому приняла единственно верное решение — присоединиться к занятию. Только бы не прогнали! Вот так и сидела на лавочке, никого не трогала и предпринимала попытку за попыткой вновь зажечь огонечки в ладонях.

Только ничего у меня не выходило! Будто не было тренировок в библиотеке, и магия не откликалась на мой зов вовсе. Что не так? Израсходовала слишком много и теперь должна подождать, пока резерв восстановится? Не могло ли произойти что-то вроде выгорания и полного лишения дара? Еще вчера согласилась бы, не раздумывая. Но сегодня... меня одолевали серьезные сомнения в необходимости радикальных мер.

Сколько бы не пыжилась, выходили только электрические искорки,

которые удавалось незаметно подавить. Если бы у Дагмара выдалась хоть одна свободная минутка, я бы обязательно посоветовалась с ним, но ее не было. Притом я так и не узнала, чем маялись приличные испытуемые вместо того, чтобы бродить без дела по академии и срывать серьезные операции по захвату опасных преступников. В конце концов мне пришлось согласиться, что меня в библиотеке прошедшей ночью быть не должно.

Но это не причина распускать руки!

Только вспомнила, как на пороге «спортивного» зала очутился Клео. Не так важно, чем он занимался до этого, но он снова нашел время для меня. Или решил лично убедиться, что я больше ни в какую неприятность не встряну? Клаус Ранхар успел «отчитаться» перед ним раньше, чем я рассказала свою версию произошедшего? Вопросы личных приоритетов интересовали больше, чем небольшая неприятность с магией, которая наверняка выеденного яйца не стоила.

— Хельга Фиар, на выход, — отмахнулся Дагмар. Пока я витала в облаках, они с «моим старшим братом» о чем-то договорились, притом оба выглядели не ахти, хмурились.

Зато зрение понемногу восстанавливалось: детальки мозаики уменьшались не по дням, а по часам. Встрепенувшись, подорвалась со скамейки и подбежала к «заботливому» куратору, ведь нам предстоял серьезный разговор. Я не жаловалась, нет, но... хотелось бы получить нормальные условия проживания, а не только одну единственную койку в «проклятой» комнате.

— Магнус... — позвала я, вспомнив «пожелание» называть «брата» по имени.

«Брат» одарил меня легким подзатыльником и, приобняв, вывел за пределы зала-полигона. Как только за нами закрылись двери, мир вокруг смазался. Испугавшись, что проблема крылась в обожженной роговице, страдала от неизвестности недолго — мы оказались на улице. И не просто на какой-то улице, а за пределами академии! Что мы здесь забыли?

— Как и обещал, приобретем необходимые для обучения вещи. Скоро зима, поэтому сегодня ограничимся осенним минимумом.

О, как! Клео меня повел по магазинам? Он специально отвлекал меня от действительно важного разговора или случайно? А может он не хотел возвращаться к теме, на которой остановились в прошлый раз?

Какова вероятность, что Клео — старший брат «провинившегося адепта»? Девяносто девять и девять процентов! Поведение Зэлдена позволило раз и навсегда вычеркнуть его из списка подозреваемых... возможных кандидатов на мои руку и сер... А вот не знала, на что!

— Ясно, — только и смогла выдать из себя. Правильные слова крутились на кончике языка, но не желали слетать. Следовало начать издали. — Скажите, в академии практикуются телесные наказания?

Не слишком ли в лоб получилось начало издали? Клео застыл, видимо, не поверив собственному слуху. Затем он обернулся ко мне, и я видела, как маленькие частички мозаики меняли выражение его лица от холодно-безразличного к яростно-злому. Следя за его мимикой в той мере, что была доступна, я могла сделать простой вывод: кое-что Клео знал, но не все. Далеко не все.

— Из-за произошедшего вчера в библиотеке, Ранхар ударил меня, — без зазрения совести пожаловалась, не уточняя, что ударом была всего лишь пощечина. От ее силы я отлетела, но это все-таки была пощечина, а не кулак в лицо или торс. — Он вел себя так, будто... все нормально. Будто он имел полное право бить меня. Разве... это законно? Вы не предупреждали меня!

— Не кричи, — шикнул Клео и одернул за руку. — Ты пока не адептка, а значит тебя не касаются практически все правила устава. Я разберусь с Клаусом. Такого больше не повторится. Обещаю.

В его обещание я слабо верила, но других вариантов не было. В худшем настроении куратор повел меня вперед по улице и втолкнул в один из магазинчиков прямо в руки любезного продавца, наказав выбрать осенней одежды какая понравится. Сам исчез, сообщив, что об остальном позаботится без моего великолепного присутствия. Клео то ли придавил продавца взглядом, то ли прожег в нем дыру, но никакого давления со стороны «консультанта» я не почувствовала.

Продавцом был мужчина зрелых лет с пробегающей по вискам ранней сединой и темными глазами. Я даже ждала, что он будет втюхивать мне все, только бы спихнуть, но нет. Он вежливо поинтересовался о моих предпочтениях в моделях, цветах, мануфактурах-производителях, и я потерялась, предпочтя выбрать то, на что глаз «упадет». Мог бы, «брат», уточнить, на какую сумму я могу выбрать одежды! Или делай — что хочешь?

Вот только я с детства знала, что за «плюшки» придется дорого

заплатить, а потому никогда не принимала подарков не моего уровня. Чревато неприятными последствиями. По площади торгового зала расставлены привычные в моем мире манекены и горизонтальные стоечки с парящим в них рядочке платьев, кофточек и юбок с брюками. Никаких вешалок не было, хотя в золотой комнате новый комплект униформы висел именно на вешалке.

Тут же в соседнем зале на полочках прилавков выставлены различные модели обуви, практически одинаковых цветов. Отличать родственные оттенки мне до сих пор сложно, но не увидеть их и пройти мимо не смогла. Они — красные сапожки из замши с высоким голенищем. Ценника, как и на других товарах, не было, но жизненный опыт подсказывал, что их стоимость в переводе на наши деньги равнялась восьми-десяти тысячам.

— Примерите? — предложила женщина в полупоклоне. — Сапожки. Из новой коллекции Арлонской мануфактуры.

Сразу видно, продавец — настоящий профессионал! Две-три секунды, и она будто почуяла, что конкретно мне понравилось. Женщина аккуратно вытащила с витрины сапог, и тут же в ее руках волшебным образом появился второй. И никаких поисков нужного размера среди десятков, а то и сотен коробок с написанными на них похожими друг на друга артикулами. А подойдет ли эта пара мне по размеру?

«За просмотр денег не берут», — подумала и решилась. Сапожки приятные на ощупь, внутри тонкий шерстяной слой утеплителя. Ммм... Была бы дома, точно купила бы, но на щедрость куратора рассчитывать не стоило. Он до сих пор не сообщил мне, что потребует взамен. Предположения были вроде кровной связи братьев, но кроме не подкрепленных фактами догадок — больше ничего.

Оба сапожка сели, как влитые. Магия? Хороший глазомер у продавца? Особенности свойства обуви Арлонского производителя?

— Давайте отложим, — попросила, не в силах отказать от такого чуда. — Все равно старший брат покупает. Он как раз должен скоро подойти.

— Конечно. Что-нибудь еще? — учтиво поинтересовалась продавец.

— Домашние тапочки и туфли, — с меньшей уверенностью произнесла, не ручаясь за согласие Клео. — Пожалуйста.

Вскоре три пары стояли за прилавком, ожидая возвращения «моего брата». С одеждой тоже особо не разбиралась, тем более что оценить мелкие узоры с глюканутым зрением не в силах. Отката после ночного боя до сих пор не случилось: мозг все еще не осознавал, что я могла умереть. Столкновение с опасным преступником произошло, как в кино, а потому реальность происходящего не накрыла с головой.

Магнус Фиар, мой якобы старший брат (привыкнуть к еще одному родственнику было тяжело, ведь в семье я — единственный ребенок, а бабушка и дедушка только по отцовской линии, на ком родственники заканчивались) по-царски развалился в кресле для посетителей и попивал незнакомый мне напиток бордового, как морс, цвета.

— Что-то еще? — отстраненно спросил он, как для галочки», кивая на сундук, оббитый кожей. — Остальное там.

Немаленький чемоданчик... Наглость, конечно, второе счастье, а также первое в очереди неприятностей, поэтому я мотнула головой. Нет, ничего больше не нужно. Проверять, что внутри сундука, не кинулась. В комнате посмотрю. Клео лениво встал с кресла и протянул золотую монетку размером с мою ладонь продавцу. Тот прикоснулся монеткой к небольшому устройству за стойкой и вернул ее. Так вот как выглядели местные кредитные карточки!

Мы с Клео вышли из магазинчика, вернувшись на ту же самую улицу, испещренную вывесками торговых точек. Двух— трехэтажные домики ухоженные, кустики подстрижены и клумбы выполоты. Внешний облик мира за стенами, кратко описанного парнем-похитителем не сходил с тем, что видела сейчас. Или просто мы телепортировались в самый приличный район? Или... Меня осенило, и вопрос слетел с языка сам собой?

— Мы все еще на острове? — зеленый-презеленый остров разительно отличался от города, где зелень умещалась исключительно в цветочных кадках и интерьерных кустарниках.

— Огненная академия расположена на одном из четырех полуостровах страны, — спокойно пояснил Клео, оглянувшись. Сундук верно ехал за нами, паря над землей сантиметрах в пятнадцати-двадцати. — Четыре магических академии концентрируют силы и являются барьером, защищающим королевство от враждебных намерений других стран. В первую очередь, империи драконов.

— В войне редко бывают правые и виноватые, — задумавшись, не

заметила, как пустилась в дебри рассуждений. По истории за «умные мысли» и собственное мнение учитель мне всегда ставил пятерки. — Обычно в войне виноваты люди власти с двух сторон, жаждущих отхватить больше денег, ископаемых и сфер влияния. Очень редко имеет место быть один агрессор.

— Верно. Но не советую делиться сокровенными мыслями со всеми подряд. Лучше вообще никогда не озвучивай ничего подобного, — посоветовал Клео, и мне совершенно понятно его беспокойство. — За подобные идеи убить могут.

— Знаю. Больше не буду.

Голова опустела, и даже обновки не радовали. А какую радость они могли принести, если были приобретены на чужие деньги? Я заводилась, накручивая на себя, придумывая все более жуткие наказания и обязанности. Мысли доходили до рабского труда на полях под жарким полуденным солнцем, а то и что похуже... Глупости! Если Клео и будет меня использовать, то исключительно в «придворных» интригах. Они ему больше по характеру подходили.

— Магнус... Что меня ждет? Учеба в огненной академии? Или меня доставили сюда для чего-то другого? — говорила тихо, чтобы не привлекать внимание немногочисленных прохожих. Рабочее время как-никак.

— Возможно, — обтекаемо ответил Клео. — Разве тебе не понравилось играть с магией? Всю ночь в библиотеке просидела. Развлекайся этот год. Потом... потом посмотрим, что будет дальше.

«Провинившийся адепт» заберет меня с собой после выпуска? Стоило ли эти слова понимать, как «он учится в академии последний год»? Значило ли это, что его мне нужно искать среди адептов третьего года обучения? Или имели место быть еще какие-то факты, которые я не учла по случайности или незнанию?

Клео молчал, как партизан. Из него мне не удалось вытянуть ни слова, сколько бы сил не прикладывала. Различного рода оговорки он себе не позволял. Одна улица сменила другую, менее благоустроенную, но до ужасов, рассказанных седым похитителем, ей тоже далеко. Третья чистотой не блистала, и до меня начинало что-то доходить. Жаль только, сама не понимала, что именно.

— Ма-агнус, а мы куда? — складывалось впечатление, будто меня вели на убой. Рановато.

— Пообедать там, где не распространяется академический контроль.

Кушать? Правда? Ты — не ты, когда голоден. После вчерашней диеты противное чувство не беспокоило, но грозило втихаря подорвать здоровье. Слишком много заботы даже для старшего брата. Меня хотели использовать, и «провинившийся адепт» вовсе не при чем? Или между ним и Клео на самом деле имела место родственная связь? Или?.. Слишком много «или» сбивало с толку, и я уже не знала, чего ожидать и кому верить.

Спуск в полуподвальное помещение бомжеватого вида усилил паранойю, и я очнулась: назад пути не было, города я не знала и бежать некуда. Крутая лестница испещрена следами ржавчины, пожара и даже пролитой кислоты. Мне приходилось держаться за локоть куратора в надежде, что он не бросит меня катиться вниз, если оступлюсь. С каждой секундой напряжение нарастало, и я чувствовала себя героиней вполне себе приличного ужастика.

Но мои опасения не подтвердились: мы пришли в небольшое, явно полулегальное или вовсе нелегальное заведение. Темное бордово-коричневое помещение кричало роскошью интерьера. Справа от неприметного входа молодой мужчина за барной стойкой экспериментировал с пропорциями коктейля, слева располагались небольшие столики, застеленные кроваво-красными скатертями. Никаких окон или дверей не заметила, впрочем, не слишком активно мотала головой и не пыталась рассмотреть все, чтобы не выглядеть душой.

Зато Клео чувствовал себя здесь даже более уверенно, чем в академии. Они с барменом стукнулись кулаками, как давние друзья. Затем они перекинулись парой слов, непонятными мне и кратко обсудили что-то жестами. Языка глухонемых я не знала, но внутреннее чувство подсказывало, что им здесь и не пахло.

— Мне как обычно, а моей спутнице что-нибудь полегче. На твой выбор.

Бармен покосился на меня, на Клео и наконец кивнул. Ясно, вход только для членов элитного клуба. Куда уж там мне? Непонятной девчонке из другого мира, которому даже названия никто не придумал! Отчего-то ущербность мира без названия ощущалась особенно тяжело. Как же так? Название придумали даже матовому веществу,

образующемуся в глазах во время сна (правда, не в русском языке), а названия миру так и не придумали! Этому, фэнтезийному, кстати, тоже.

Кроме нас троих в бар-ресторане никого не было. В предобеденное время в заведениях общепита всегда затишье (исключая пиццерии и суши-бары вблизи корпуса университета), и бар-ресторан не исключение. Бармен козырнул, и Клео повел меня к одному из двухместных столиков в конце зала у самой стены.

— Мой любимый столик, — уточнил куратор. — По вечерам здесь не протолкнуться, а этот... как бы закреплен за мной.

— Ясно.

Одним глазком смотря на Клео, вторым приглядывала за барменом. Здесь еду готовили в подвале? Где именно? Местная СЭС в курсе или объект «не учтен»? Нас ничем не отравят? Санитарные нормы исполнялись? Еда готовилась чистыми руками? Разве Клео не мог пообедать в кафешке попроще? Без тканевых скатертей и стеклянной многоярусной люстры. В середине стола звездочкой вспыхнул бенгальский огонь и превратился в хрустальную прямую вазочку с алой розой на длинном шипованном стебле.

Фокус отвлек меня, и я не уследила за барменом. Вот он был за стойкой и в следующую секунду уже подавал тарелки с яствами. Блюда одно за другим исчезали с отполированной поверхности барной стойки, появляясь сначала в руках бармена, а затем на столе. Мясо, обильно вымоченное в соусе, картофелеподобный гарнир с овощами достался Клео. Мне полагался салатик и кусочек рыбки. Будь я на свидании, убила бы парня за такой выбор! Но дареному коню в зубы не смотрят!

— Магнус, прости, но... — просить неудобно, только промолчать не получалось. В любом случае нанесу непоправимую обиду, а так хоть оправдаюсь.

— Что случилось? — куратор пристукнул указательным и средним пальцами по большому, подавая еще какой-то сигнал бармену, который тут же кивнул. — Не нравится?

— У меня аллергия на рыбу. И орехи тоже, — от соуса, которым полито мясо, веяло ореховым запахом, а в салате лежало что-то, похожее на арахис. — Прости. Мне, наверное, нужно было сразу сказать.

Клео рассмеялся, откинувшись на спинку стула. Его губы чуть дрогнули в улыбке, но мимика лица сильно преобразилась. Я закусила

губу и сложила руки на коленях, вжав голову в плечи. Блюда наверняка стоили немало и поданы были как в лучшем столичном ресторане (как фильмах), а я, по факту, заявила, что есть такое не буду ни при каких обстоятельствах.

— Наш первый ужин и такое... Хотел показать тебе несколько любимых блюд, а оно вот как обернулось... — Клео вздохнул, вырвав у меня вздох облегчения. Не разозлился. Уже хорошо. — Знакомство с экзотической кухней провалено. Дома... ты ела мясо?

— Разве соус не ореховый? — с сомнением произнесла, покосившись на знатный кусок в соседней тарелке.

— Нет, — усмешка. — Ягодный. По особому рецепту. Раз не признаешь запаха, значит на твоей родине такой ягоды нет. Жаль. Очень жаль. Большая потеря... для счастливого детства.

К чему торжество и что праздновали предусмотрительно не спрашивала. Клео пребывал в шатком настроении, когда один шаг — и ты либо доволен, либо в бешенстве. Спустя две минуты тарелки с рыбой и салатом исчезли, их заменила мини-версия мясного блюда с зажаристыми колясиками картофеля, на неуверенную проверку оказавшиеся помесью риса с луком. Потому мясо пробовала с опаской и снова ошиблась: соус, действительно, не имел ничего общего с орехами.

На столе рядом с цветочной вазочкой появилось два бокала, и бармен поспешил наполнить оба. Я чудом успела перехватить второй, накрыв его ладонью. Оба мужчины вопросительно посмотрели на меня, притом в глазах куратора явно читалось опасливое удивление и настороженность. С чего вдруг? Или?..

Слишком много «или» свалилось на меня и путалось-путалось-путалось. «Или», «или», «или»... Голова кругом! Концерт того стоил? И бармен, и Клео продолжали сверлить во мне дыры, а я недоуменно переводила взгляд с одного на другого. Они ни разу в жизни непьющего человека не видели? Или... сами собой подвязались факты моей новейшей биографии. Может, объясниться сразу?

— У меня непереносимость алкоголя. Вплоть до госпитализации, — какое облегчение во взгляде Клео, какого в своей жизни ни разу не видела! — Спокойно, я не залетела!

— Позвольте предложить вам ягодного отвара? — наклонился бармен, поставил бутылку рядом с розой и, забрав второй бокал, мгновенно удалился. Я даже на вопрос ответить не успела!

Обед продолжался в полном молчании: ягодный чай с засахаренными фруктами оказались в самый раз после мяса и рисовых чипсов. Клео ел рогалики неизвестного происхождения: они имели сероватый, как слоновая кость, цвет и выглядели словно сырое тесто. Если бы увидела эти рогалики до того, как подали основное блюдо, ни за что на свете не стала есть мясо. Испугалась бы отравиться. Время шло, а основной разговор не начинался. Для чего-то ведь он привел меня? Только для чего?

— Хель, ты чем-то расстроена? Выглядишь измучено. Неужели так подействовали сутки голода?

Голос Клео звучал обеспокоено, зато лицо практически ничего не выражало. Мне невероятно сложно ориентироваться в непроглядных пучинах его постоянно меняющегося настроения, что пугало даже больше, чем его дальновидные планы на мой счет.

— Все в порядке. Правда, — я предпочла утопиться в пузатенькой кружке ягодного чая, чем отвечать на нелепые вопросы. Разве куратор не понимал, какие мысли терзали меня? Неважно, умел он читать мысли или нет. Зато он знал, каким образом я попала в чужой для меня мир, и что я вообще никогда не принадлежала ему. — Тяжело засыпаю на новом месте.

— Дурная шутка, — отозвался Клео и пригубил вина. — Мне бы... следовало объясниться с самого начала. Тебе было бы легче. Жаль. Старуха Лунн умна и могущественна. Ее лояльность ко мне и брату... весьма сомнительна. Если она узнает, что ты... не просто прихоть... Я не мог вести себя с тобой иначе.

Так и знала, что Магнус Фиар — старший брат! Вот только чей? Змея? Оба имели одинаковые татуировки на правом бицепсе, оба блондины (как и многие, кто мне встретился в огненной академии), у обоих карие глаза (у меня, кстати, тоже)... Строить логические цепочки исключительно на внешних данных — плохая идея. Искать родственные связи по цвету волос и глаз то же самое, что для русских китайцы все на одно лицо. Для китайцев русские, кстати, тоже самое. Но имел ли какое-то отношение к мужчине из сна Змей? Тьфу! Зэлден! Стоило сразу решить вопрос, раз дали возможность его задать.

— Твой брат... — слова заедали, собираясь в ком в глотке. — Твой брат... это Зэлден?

Уверенность в ответе сама собой сползла на нет, когда я увидела, с

каким удивлением Клео посмотрел на меня. От, не побоюсь этого слова, шока, он даже бокал отставил в сторону, практически не прикоснувшись к вину. Тишина накалялась, от нервозности я спрятала руки под столом, вытирая вспотевшие руки о белую форменную юбку. И вдруг Клео рассмеялся. Не так, как в начале обеда легкой улыбкой и светящимися от веселья глазами, а по-настоящему расхохотался.

— Как тебе в голову могло прийти мое родство с фениксом? Я бы понял, если бы ты мне в брата Дагмара записала. Как-никак полукровка. Но чистого феникса? Что подтолкнуло тебя сделать подобный... вывод?

Какое слово зажал Клео вместо слова «вывод», я подобрать не смогла. Зато подсобралась, нахохлилась... и опустила плечи. Почему Клео предполагал, что я назову имя феникса Дагмара? Он ведь старше Клео лет на десять-пятнадцать! А если Клео использовал поддельные документы для принятия на работу преподавателем в академию? Он ведь упомянул о каком-то сговоре с ректором Лунн! Могло случиться и так, что Клео младше тридцати лет, а то и немногим старше двадцати...

— Ты... младший из братьев? — вдруг в ужасе подняла взгляд на Клео, вжавшись в стул. — Я же спрашивала тебя, а ты... ты обманул меня. В библиотеке.

Голос повышать не смела. В конце концов куратор мог неудачно пошутить, а мне потом отмазываться и открещиваться. Но отчего-то по выражению его лица мне казалось, что он не шутил. Совсем не шутил. Мне не стоило называть его обманщиком. Он ведь на самом деле единственный, кто оказал реальную поддержку, чего бы она не стоила в будущем. В «не имей сто рублей, а имей сто друзей» я не верила никогда. Если у тебя нет денег на прожиточный минимум, то и более зажиточные друзья быстро отвалятся.

— Умеешь испортить настроение.

Клео обтер пальцы салфеткой и, смяв ее, кинул в стол, задел вазу, та опрокинулась, облив водой красивую кроваво-красную скатерть. Роза лишилась нескольких лепестков, украшенных сверкающими мелкими каплями воды. Таки разозлила... Сжав в кулаках ткань юбки, искала, куда себя деть: смотреть в глаза Магнусу Фиару, как мужчине из сна, давалось тяжело. Все силы прикладывала, чтобы позорно не сбежать, спрятавшись где-нибудь под барной стойкой. Только вот там, по всей видимости, спрятался бармен.

— Прости. Ты был прав, говоря о фантазии воспаленного мозга. Или об этом говорила ректор Лунн? Я до самого конца не верила, что ты действительно существуешь. Ты настоящий. Это мне, пожалуй, тяжелее всего перенести. Я вела себя неразумно. Нет, не так. Я вела себя, не думая, что за эти действия придется отвечать. И сейчас мне сложно определиться, хорошо это или плохо. Это просто есть. И мне нужно немного времени, чтобы осознать. Чтобы принять решение...

Магнус молчал, грозно глядя на меня исподлобья. Для него мое отношение по всей видимости стало открытием, как для меня — его личность. Как дура, поверила! Притом именно он был первым кандидатом на обнаружение! В тот момент я сравнила мужчину из сна и куратора исключительно по внешним данным и попала в точку. Но с такой же легкостью вычеркнула его из подозреваемых, несмотря на явные доказательства. Его «прости» в библиотеке в первый день... Этому «прости» я могла довериться безраздельно.

— Я в смятении. И в замешательстве. Мне требуется время, чтобы... переварить информацию. Прости.

Время словно замерло: я сидела, уткнувшись в колени чуть ли не носом, молчала и ждала вынесения приговора. Клео хмурился и всячески давил на меня. Поежившись, уткнулась в кружку, попыталась отхлебнуть, но та оказалась пустой.

— Прости? Всего лишь «прости»? Ты понимаешь, на какую сделку мне пришлось пойти, чтобы привести тебя в мой мир? наших с братом сил недостаточно, чтобы безопасно транспортировать третьего.

А я, спрашивается, просила? Я просила утаскивать меня в другой мир? Разве хотела? Отнюдь, мне и дома неплохо жилось! Я хотела, как можно скорее вернуться обратно, но теперь понимала тщетность будущих попыток. Если такому магу, как Магнус лже-Фиар, перемещение обошлось недешево, то что говорить обо мне? Да еще и в обход его воли?

— Ты поспешил.

— Поспешил? — Клео преобразился. — Слишком поздно отступать.

Он резко встал, выдернул меня из-за стола и притянул к груди. Голова закружилась, мир вокруг потек, будто только-только пришедшее в норму зрение снова упало. Если бы Клео не прижимал так крепко, я бы не удержалась на ногах и рухнула наземь. Одна его рука

придерживала талию, вторая обнимала спину. И мне было в высшей степени неловко, и я до сих пор не могла поверить, что холодный чурбан по имени Магнус Фиар на самом деле не тот, за кого себя выдавал.

Круговерть уgomонилась, и я почувствовала твердую землю под ногами. Под нами простиралось лазурное озеро в глубокой горной впадине, похожей на древний провал. Белоснежно-белая с синим инеевым отливом в первую минуту показалась мне снегом, но это именно белый, словно зимний альпийский, луг. Бескрайние просторы завораживали, а горящий розово-оранжевым пламенем закат приводил в исступление.

— Лакрон-онгоэш, — произнес Клео. — Популярнейший пляж в любое время года, кроме недель межсезонья. В эти дни температура воды понижается или повышается до критических номиналов, и за присутствие на территории пляжа в лучшем случае оштрафуют на серьезную сумму. Каждого нарушителя.

— Если поймают? — неуверенно предложила я, — задрал голову настолько высоко, насколько возможно. Иначе просто-напросто не видела его лица. Он улыбался.

Мы стояли высоко-высоко над уровнем воды практически у края обрыва: Клео обнимал меня со спины за талию, я стояла в задумчивости и думала. Домой мне так просто не вернуться, «мистер Д» дорого заплатил за мое перемещение (или «взял в кредит»), здесь я получила часть его магии и могу колдовать сама... Там у меня остались четыре года универа, родители... и друзья в других городах, с которыми собиралась встретиться в новогодние праздники.

— Не рассказывай никому в академии, что была здесь, — попросил Клео. — Это место... Мы сейчас находимся на территории драконьей империи Лаэрдэш, с которым человеческое королевство не дружит совсем. И это несмотря на то, что в империи проживает не меньше трех миллионов людей. Без магии, в основном.

— Ладно. Магнус, — мне тяжело называть его по имени, потому как про себя давно прозвала Клео. — У меня есть два вопроса. Что касается наших отношений... дай мне немного времени осознать, что это давно уже не сон, а реальность.

— Задавай, — про «немного времени» Клео, если и принял к сведению, вида не показал. — Но запомни, все, что происходит сейчас,

должно остаться между нами.

— Ммм, хорошо. Вопрос первый. Кто твой старший брат? Если не Дагмар, то мы с ним не знакомы.

— Знакомы, — оспорил Клео. — Догадалась?

— Быть того не может! — из знакомых мне мужчин оставался только смотритель Мунн. Неужели он и есть тот самый старший брат? Староват, пожалуй. Или он наложил на свой облик иллюзию?

— А какой второй вопрос? — казалось, он действительно заинтересовался. Или просто отвлекал, чтобы не думала о «неприятных», по его мнению, вопросах.

— В записке про починку разбитого зеркала и ангела, ты подписался «Д» между кружочков и тильд. Что это значило? Твое настоящее имя? Первая буква фамилии? Прозвище?

— Именно для этого я переместил нас сюда, — Клео отпустил меня и развернул к себе лицом. — Хочу рассказать главную правду до того, как тебя обескуражит брат. Он падок на публичные выступления.

Главную правду? Разве было еще что-то, что могло меня сбить с толку больше, чем раскрытие нашей связи с Магнусом. В огненной академии он — мой куратор. Точнее куратор поступающих или куратор группы, в которую меня определили. Секретарь Глория, по заверению Клео, отправила весточку родителям о смене мною универа. Уж с магией они что-нибудь придумали, чтобы не допустить маминой глобальной истерики.

— Если хочешь кричать, кричи.

Последним словами Клео напугал, и вдруг я действительно закричала. Его тело всего за несколько секунд покрылось чешуей и немного увеличилось в размерах. Крылья в два раза больше тела распахнулись и взмахнули, нагнав морозного ветра и снежинок, быстро стаявших на моих волосах. Это было похоже на волшебную сказку, которой я позволила себя поглотить без остатка. Сказка приобретала громадные масштабы, но я не сопротивлялась ей. Пусть будет.

Золотая рогатая морда с не менее золотыми глазами тыкалась мне в лицо и порывисто дышала, колыхая мои волосы. От человеческого в ней не осталось ровным счётом ничего, кроме взгляда. Мелкие чешуйки полностью покрывали драконье «лицо», на шее они уже побольше. И передние, и задние лапы массивные, с острыми когтями на каждом «пальце». Длинное тело заканчивалось толстым шипованным, как

стебель розы, хвостом. Магнус Фиар... дракон?

— Ну, погладь, погладь, — закатил глаза дракон, подставляя под неуверенно протянутую ладонь нос. — Неужели ни разу в живую не видела настоящего дракона? Значит, я у тебя первый.

Первый и не только в этом. Рука осторожно опустилась на продолговатую переносицу. Шершавая. Теплая. Мельчайшие чешуйки плотно прилегали друг к другу, не оставляя ни намека на зазор. Золотая чешуя переливалась на солнце, сверкала и слепила глаза. Могла ли я всего несколько дней назад предполагать, что нечто подобное случится со мной или с кем-нибудь другим? До этого момента я даже в существование драконов не верила, а теперь один из них млел передо мной.

— Д... значит «дракон»? — спросила и сама же ответила на вопрос. Королевство людей и драконья империя, со слов Клео, не переваривали друг друга. Что же он делал тогда на территории королевства? Как попал туда, даже не задумывалась. Только поинтересовалась. — Насколько сложно создать портал между империей и королевством.

Глава 8

Клео ответил не сразу, призадумался. Небольшие выросты на морде, похожие на усы, слабо шевелились, словно локаторы инопланетян-марсиан. Дракон клацнул пастью и выдал.

— Мгновенные строят только некоторые виды драконов, о чем людям не рассказывают, — поделился тайной он. — Обычные могут создать люди. Всего-то нужно магов сорок. Или тридцать... Не помню.

— А межмирные?!

— Полторы-две тысячи магов с полным резервом. У человеческих магов ситуация довольно грустная: есть резерв, помагичил, и нет резерва. Драконы используют накопители-концентраторы. О них я тебе, пока, не расскажу. Национальный секрет, знаешь ли.

— Это значит, что все драконы этот секрет знают, но помалкивают?

Легкий кивок. Дракон отступил и мотнул головой, избежав более длительных объятий. Как бы странно то, не звучало, драконом он мне нравился больше. Если лечь рядом, то у его брюха будет тепло. А еще он не будет приставать в звериной ипостаси, потому как... о физиологии драконов и масштабе между зверем и человеком задумываться не спешила. От макушки и до основания хвоста от силы два метра, но не более двухсот тридцати. Вот так и разбиваются сказки о жестокою реальность: не существовало в мире тридцати-сорока метровых драконов.

— Не драконы зло... — проворчал Клео и вернулся в человеческий облик, — а политика между государствами. В империи людей-беженцев не особо привечают, но дают рабочее место на первое время. Если согласны, то получают спальное место на тот же срок и возможность прижиться. Если не согласны, то свободны.

— Это ты меня так успокаиваешь или вербуешь?

Улыбка не сходила с губ ни с моих, ни с его. Я позволила себя обнять за талию со спины и даже покачаться, словно в такт медляку, что меня всегда успокаивало. Ласка и комфорт всегда подкупали меня, и я не удержалась. Сдалась. Раз назад путь найти не так-то просто, так может не стоило спешить? Зато связь между мирами имелаась: Глория

написала письмо маме... А написала ли?!

— А моя мама точно знает, где я?

Вопрос будто время остановил. Повисла тишина: ни звуков природы, не шороха дыхания Клео, ни стука его сердца. Я тоже замерла, чувствуя реальную подставу. Кое-кто обещал, что Глория все-все сделала. Все-все сделала. Молчание и нервная задержка дыхания докладывали обратное, выдавая с головой.

— Мама не знает, да? Она считает, что я пропала без вести. Меня похитили...

— Тс! — клацнул зубами Клео, совсем как он-дракон пастью. — Уж твоя мама точно знает, где ты и с кем ты. Она характеру моей запросто конкуренцию составит.

Если предложит, то замуж за него не пойду ни за что на свете! Зная характер моей мамочки, свекрови такой я не выдержу. Если б мы встречались в нашем мире, то я бы крепко задумалась о «разведении мостов» в наших отношениях. Хотя... о чем это я? Более вздорного и эксцентричного человека, чем моя мать, просто-напросто не существовало ни в прежние века, ни в наше время.

— А откуда мама знает?..

Вопрос потонул в визге — Клео столкнул меня с обрыва и прыгнул сам. Между скалой, на которой мы стояли, и водной гладью не меньше километра! Он свихнулся? В полете он обернулся драконом и схватил меня в лапы, прижав когтями. И летела я, как сказочная принцесса, похищенная злым драконом. Запрет он меня на вершине высокой башни, которая от старости вот-вот рухнет: сначала крыша на голову несчастной похищенной принцессы, потом все остальное накренится, как Пизанская родственница...

— Ме! Ня! На! Зе! Лю! — кричала, отходя от шока. Ветер бил в лицо, и я ничего не могла поделать. Экстримал! Нарвалась же! Спустимся, и я его убью! Клянусь! Убью и не пожалею о решении позже!

Послушался. Но лучше бы этого не делал! Клео-дракон пошел на снижение, и мои ноги практически касались воды, покрывшейся тонким слоем наледи. А затем он снова вспорхнул в небеса, обескураживая меня и доводя до психа. Подрезать «птичке» крылышки и облить нефтью перышки, чтобы больше не доводила до ручки. Дракон то взлетит ввысь, то рухнет к самой воде. Мое сердце то замирало, то

пускалось вскачь.

На землю меня опустили мягко. Дракон все еще махал крыльями, удерживая тело в полете, а я на ногах стоять не могла. Только носочки коснулись тверди, как я упала наземь, оцарапав щеку, и снова поцеловалась с грязью. В прошлый раз дня полтора-два назад я рухнула в опавшие листья, сейчас — в снег. В самый настоящий снег, несмотря на раннюю в этом мире осень. Мы переместились на другой континент во втором полушарии? При условии, что вселенная этого мира также состояла из планет.

Сил хватило только на то, чтобы перевернуться на спину. К моему удивлению, снег не морозил, а... песок? Белоснежно-белый песок? Клео вновь оборотился человеком и, смеясь, сел рядом со мной. Он дернулся, увидев мой убийственный взгляд. Я протянула руку, цапнула его кулаком по предплечью, но скорее погладила, чем ударила. Сердце все еще заходило в страхе: я ненавидела самолеты, боялась до жути. К дельтаплану никогда бы не подошла даже под страхом смертной казни.

— Испугалась? — с недоумением поинтересовался Клео и прилег на бок. — Я тихонько. Даже виражей не закладывал.

— Убью... — прошипела, действительно собираясь отомстить, как сумею. — Сожгу к чертям.

И правда: песок под моими ладонями накалился, плавился. Главная моя беда последних дней (и двенадцати месяцев до этого) уткнулся лбом в грудь, прося нежности и ласки. Какая ласка после экстремального аттракциона? Могу только в лобешник залепить. Зато со всей искренностью, на которую способна моя душа! Вот только думалось мне, что ему это придется не по вкусу...

— Жаль, пора улетать, — проурчал Клео, поднимая голову, и сел. Затем протянул руки мне, подавая. — Я слышу шорох крыльев. Скоро здесь будет обход.

Он притянул меня к своей груди, обняв, и мир снова закружился. Спустя несколько мгновений мир снова стал золотым — мы вернулись в комнату «куратора».

Встать не смогла, зато схватила подушку и от души отлупила ею Клео, вмиг преобразившегося до неузнаваемости. Рядом со мной лежал не тот веселый мужчина с горного озера, а глыба льда, с которой «познакомилась» в кабинете ректора Лунн. Смена его настроения ударила обухом, и я помрачнела: сказка закончилась, пришло время

возвращаться в «реальность».

— Постарайся больше не вляпываться в неприятности, — холодно потребовал Клео, и от тональности его голоса стало совсем грустно. Он собирался изводить меня до каких пор? До выпуска из огненной академии через три года?

— Хорошо, — кивнула, села на кровати, свесив ноги. — Мне лучше пойти к себе в комнату? Нужно ведь... к контрольному заданию готовиться.

— Иди.

Клео даже не обернулся, чтобы посмотреть на меня. Он переодевался в возникшие ниоткуда вещи и на меня внимания не обращал. Я почувствовала себя использованной, одноразовой, как презерватив: была такой важной несколько минут — и в мусорное ведро. Не перебарщивал ли Клео, считая ректора Лунн всевидящей? Стоило ли так сильно ее бояться?

Одернув форменную юбку, выскочила в коридор и, прижавшись к ближайшей стене, осела. Слезы рвались из меня, но я сдерживалась, не позволяя себе разрыдаться. Чего страдать? Все хорошо. Меня похитил не абы кто — мне он зла не желал. Разместили, накормили, одели, учебным местом обеспечили... Только матери не сообщили. И двух суток не прошло, как на меня навалилось многое. Разве мне хватит сил выдержать все?

Утерев нос, встала и побрела куда глаза глядят. В замке академии во всевозможных и абсолютно одинаковых коридорах ориентировалась плохо. Одна надежда — выбраться на первый этаж к главному входу и там отыскать нужную лестницу. Раз, будучи подслеповатой, нашла дорогу, то сейчас найду и подавно. Сейчас проблема со зрением исчерпала себя: то ли благодаря магии феникса Дагмара, то ли Клео все-таки незаметно помог.

В замке прохладно, несмотря на ее огненную направленность. Зато за окном рыже-алый покров опавших листьев устилал землю. Раз коридоры опустели, значит шли занятия. Я ткнулась в одну из аудиторий, дверь в которую была открыта. Оттуда пахло масляной краской, и мне было интересно: уж слишком чудесными и достаточно простыми движениями даже я, полный ноль и новичок, могла создать нечто особенное. (Да и неудачный торт до сих пор стоял в глотке...)

Дверь захлопнулась перед носом, и меня порывом горячего пара

выдвинуло за дверь. Не ждали и не потерпят незваных гостей. Фыркнув (не очень-то и хотела!) поплелась дальше и наконец-то отыскала лестницу. Спокойная обстановка ничуть не напрягала, но вызвала здоровое недоумение. Чем мне заняться? В одиночку постигать азы магии и волшебства больше не решусь, а Клео учить меня в стенах академии не станет. Эльва наверняка занята...

На первом этаже в столовой слонялись без дела парни из первой группы второго года обучения. Мне не терпелось раз и навсегда разобраться с Зэлденом, чтобы избежать последующих неприятностей. Или мне следовало ближайшие два месяца избегать его, не подавая виду, что знаю о его существовании? Кто бы объяснил, кто такие фениксы и с чем их «едят»? Обнадеживать и разочаровывать молодого парня, у которого не факт, что был опыт романтических отношений, не хотелось.

Адельхейд! Кто, как не она? Если слова Фрайи — не ошибка и не оговорка, то именно Адельхейд нацелена стать единственной возлюбленной феникса и именно она должна знать о фениксах все! К кому, как не к ней, обратиться, чтобы избежать повышенного внимания Зэлдена? Вместе мы смогли бы придумать план, как перенести его интерес с меня на нее! Вот только где искать Адельхейд? Без чужой помощи точно не справлюсь.

— День добрый! — само дружелюбие, я подошла к группе адептов, которых совсем недавно в зале-полигоне гонял Дагмар. — Дорогие юноши помогут слабой девушке в одном деликатном деле?

Под язвительные смешки села на свободное место (напротив Зэлдена, нарочито спокойно попивающего чай) и, поставив ладони на поверхность стола, вглядываясь в его зеленые-презеленые глаза, тягуче медленно спросила, чтобы до него точно дошел смысл вопроса.

— Где мне найти Адельхейд?

Зэлден аж поперхнулся. Он отплевывался от чая, нахернув кружку на шикарную зеленую футболку, а его друзья наглым образом ржали. Поддержали, называется! Я интеллигентно отвернулась, позволив привести себя в порядок и не облажаться еще больше. Кто из нас ни разу не был неуклюжим, пусть бросит камень мне под ноги! (В меня не надо, мне себя жалко и беречь нужно). Минуты две пришлось подождать, прежде чем за столом успокоятся.

— Ну так что, юноши? Поможете?

А вы чего ожидали? Что я попрошу перестановку в комнате сделать? Так запросто сама справлюсь! Заодно Эльва какому-нибудь полезному заклинанию научит. Или как здесь магичат? При мне Клео ни разу не использовал ни волшебных слов, ни таинственных пассов руками, что обычно описывалось в фэнтези-книгах. Я ведь самая настоящая попаданка! Только бы в приключенческое фэнтези, а не в эротику!

— Конечно, поможем! — вызвался один из не представившихся мне ранее парней. — Змей точно знает, где Адель! Они ведь с детства... самые... лучшие... друзья! — и заржал. Зэлден отставил пустую кружку и толкнул шутника в плечо, благо тот сидел рядом с ним.

— Зачем тебе Адель? Вы успели поссориться? — поинтересовался он и через спину снял футболку, выжав ее на шутника.

— Эй! — возмущение потонуло в игноре.

— Почему сразу поссорились? — я сложила руки друг на друга, как первоклашка. — Просто мне есть, что с ней обсудить и так далее. Я не обязана отчитываться перед тобой! Будь добр сказать, где она? На занятиях?

— Нет, — сдался Зэлден и отложил мокрую футболку на край скамейки. — Адель занимается индивидуально у Хагски, как инициатор и обладатель ступени молнии.

Хагски? То есть... меня отправят к некой или некому Хагски, потому что у меня тоже есть та самая молния? Я ведь спалила проклятую черную штору и песок под руками плавился. Клео просил не выделяться из толпы и войти в первую группу, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он даже фактически избегал меня, только бы ректор Лунн не заподозрила, что я важна ему. Клео с братом вляпались во что-то нехорошее? Это «что-то» связано с магом-террористом? Или нет?

— А кто это? Из преподавателей я только Дагмара знаю, — «школьная» поза мне никогда не нравилась, поэтому руки затекли, и пришлось локтями упереться в поверхность стола.

— Фуух, — вздохнул Зэлден, — скоро познакомишься с ней. Именно Хагски ведет вступительные занятия у первачков. Если дотянешь до контрольного задания, то познакомитесь сразу.

За столом нарастало напряжение, и я поняла, что от Зэлдена мне информации не выжать. Если его товарищи ему хоть капельку друзья, то и с них как с гуся вода. В стенах академии рассчитывать на помощь

Клео не приходилось, с Клаусом Ранхаром рассорилась и даже со старшим братом «моего парня» не поладила.

— Мне уже можно начинать опасаться? Как-никак тоже молнией владею.

Казалось, я снова попала впросак. Ни шутки, ни усмешки не проронил ни один из парней, что напрягало даже больше, чем информация о некой Хагски. Мне не стоило говорить нечто подобное? Посерьезнел даже Зэлден: он хмуро смотрел на меня исподлобья, сверлил взглядом, и я поежилась. Нужно срочно уходить. И как можно скорее. Только успела чуть приподняться, как Зэлден подскочил и схватил меня за локоть.

— Прекрати! — закричала я, выдернув руку. — Что за привычка хватать чужих людей? Я к нему с пониманием, а он как к вещи!

— Прости. Все что угодно, только не ходи к Хагски... — голос Зэлдена к концу просьбы совсем утих. Мне стало не по себе.

— Мне нужно готовиться к заключительному заданию, — выдавила из себя, наконец выйдя из-за стола и выпрямив спину. — Я должна попасть в первую группу.

— Зачем? — следом за мной Зэлден обошел стол и встал в шаг передо мной. Остальные хранили молчание и не отсвечивали. — Этого хочет твой брат? Он очень требовательный. Иногда...

— ...перегибает палку, — закончив фразу, скрестила руки под грудью. — Я не хочу на его фоне выглядеть немощью. Семья... не поймет.

Какая семья и что за бред я несла, представляла слабо. Врать глобально, включая историю собственного происхождения, раньше мне не приходилось. Я с трудом продиралась через дебри собственной лжи, боясь запутаться в ней позже, но ничего поделать с этим не могла. А как? Не представляя, с чем мне придется столкнуться в новом мире, ожидала более всего попасть в неприятности «стандартного» для любого из миров характера.

— Мы можем тебе помочь, — вызвался Зэлден. Я оглядела ошарашенные лица его товарищей и поняла, что их мнения никто спрашивать не собирался. Что-то вроде помогут, куда денутся? — Теория тоже будет неплохим подспорьем во время сдачи. Расскажи, что ты учила к поступлению?

Что я учила? Я учила теорию механизмов, но ведь это к делу не

приплетешь, верно? Зависший надо мной, как дамоклов меч, курсак бил по нервам, несмотря на «перелет» в другой мир. Недалекое прошлое все еще давило на меня, и сложно воспринимать, что те проблемы не могли достать до огненной академии. Сейчас передо мной стояли другие вопросы.

— У меня большой магический резерв, и мне ничего не стоит тренироваться сейчас. До этого... моя сила проснулась только несколько дней назад, поэтому до этого я ничего не учила.

Мои слова звучали как тяжелое признание, и даже я сама прониклась «важностью» момента. Зэлден все также стоял передо мной топлес, только сунул руки в карманы брюк. Его имя с трудом воспринимал мозг, и теперь я поняла, почему окружающие зовут его просто Змей. Настоящее имя не подходило к нему. Было ли оно сокращением какого-то не выговариваемого, которого он стыдился?

— Хорошо, — привстал шутник. — Но имей в виду, Хель, ты сама нас попросила.

Неужели кое-кто решил в «Дагмара» поиграть. Что-то мне «не терпелось» почувствовать на собственной шкуре, как их гоняли по залуполигону. Отступив на шаг назад под смешок шутника, замерла. Разве была возможность к отступлению? Ни шагу назад!

— Раз согласна, то начнем!

— Нужно выбрать заклинание для демонстрации, — осадил Змей. — Я сам разберусь. Свободны.

— Ну уж нет! Я такое веселье не пропущу! — шутник обошел меня со спины и по-панибратски обнял за плечи. — Я Тайлан. Эти двое Дорак и Шенк. Змея ты уже знаешь. Не бойся, дорогая, мы из тебя «дракона» сделаем!

Вот не надо из меня дракона делать! Конечно, в «реальности» драконы оказались не колоссальными махинами в сорок этажей (как преподносилось в сказках), а всего лишь немногим больше человеческого тела. Но-но-но! Как представляю, что придется чистить чешую и натирать ее до блеска, аж плохо становится! Драконья гигиена для меня — необозримый космос. Целая галактика!

Меня окружало четыре похожих друг на друга блондина. Они психологически нависали надо мной, давили, и я была готова вот-вот сигануть с места и бежать, прятаться. Почему у меня такое отношение вроде бы к обычным адептам? Со студентами в своем универе такого

чувства не возникало. Сильно перенервничала? Нужно просто успокоиться?

— Ну, так что? Сначала в библиотеку выбирать заклинание, а потом в какой-нибудь спортзал для изучения и отработки? — пришлось прикладывать много усилий, чтобы голос не дрожал. Что со мной? Неудачное ПМЖ? Неее, на постоянное не перееду сюда. Жить в замке в настоящем замке то еще «удовольствие»! Хочу в нормальную квартиру.

Вроде бы отпустило, и я даже смогла улыбнуться. Парни даже если и заметили мое состояние, предпочли сделать вид, будто ничего не произошло. Посуда, оставшаяся после обеда, вспыхнула огоньками и исчезла. Больше всего это было похоже на «огненную» телепортацию.

— А, — махнул рукой Шенк. — Давайте сразу в зал. Сначала посмотрим, что ты можешь, а там придумаем что-нибудь феерическое.

* * *

Будь проклят тот день, в который я самовольно и без принуждения согласилась на дружескую помощь от Змея, Тайлана, Шенка и Дорака! Начало было тихим и спокойным: мы просто-напросто пришли в уже знакомый мне зал-полигон. Идти искать сменную одежду мне было не с руки, а потому нашли для меня примерно нормального размера футболку, брюки и спортивную обувь. Где взяли — не сознавались, и я приняла их подношение как должное.

И вот, переодевшись в голубую псевдо-спортивную форму, я приготовилась к спортивно-магическим подвигам. Но для начала мы провели разминку: стандартные упражнения на растяжку, знакомые мне с первого класса начальной школы большого труда не составили. Затем побежали все вместе на один кружок. Спустя тридцать секунд я безбожно отставала от парней, досадливо осознавая разницу в физподготовке между нами.

Через одну минуту от начала старта закололо сердце, и я немного сбавила скорость. Змей подбадривал, что главное добежать, а не быстро закончить круг. А сам в это время перегнал меня, успешно начав второй! Шмыгнув носом, пересекла примерную черту половины круга. К концу второй трети потемнело в глазах, и закружилась голова. Пришлось перейти на шаг, но я-таки закончила злополучный круг!

После физической разминки предполагалось пройти маленький круг шагом и приступить к разминке магической. К этому моменту я была уже никакая, но сдаваться при первой же возможности — удел слабаков, к которым причислять себя не хотелось. Найдя в себе силы на очередной рывок, с большим удовольствием бухнулась на пол, поджав пот себя ноги. Выученное ночью в библиотеке упражнение пригодилось вновь.

— Закрываем глаза и концентрируем внутренний огонь в сердце, — пафосно на выдохе прошептал Тайлан, явно в шутку подначивая меня. А вот не настолько я дура, чтобы не смочь воспроизвести элементарную штуку. — Глубоко вдыхаем и выдыхаем.

— Я вообще-то двуциклический щит могу создать, — обиженно высказалась, положив руки на колени. Ноги подо мной затекли от неудобной позы и грозились онемением. — Правда на третьем круге концентрацию теряю...

Парни все как один открыли глаза и посмотрели на меня. Видимо, действительно приняли меня за нулевого новичка, которому фундаментальные основы объяснять нужно. Это, конечно, так... но... но я очень быстро учусь! Парни хмуро переглянулись между собой, синхронно кивнули, и все, как один, повернулись ко мне, вперившись тяжелыми, уверенными взглядами. Ой-е-ей, что сейчас будет! Что они мне сейчас устроят!

Затем начался ад!

А точнее явился Дагмар, заявил, что мы «фигней страдаем» и заставил пробежать еще четыре круга. Для начала. Мне никакой скидки на физическую неподготовленность не сделал и потребовал не отставать от парней. Когда они замедлились ради меня, Змей получил пинка под зад, притом реально, а не фигурально.

К середине третьего круга я была уже перед парнями, только они пробегали уже пятый. По принципу «все за одного», они бежали до тех пор, пока я не закончила пятый круг. Пускай была готова сдаться и свалиться «замертво» уже на третьем, но я не смогла подставить ребят. Пятый круг доползала, доползала и наконец доползла, рухнув без сил.

— Разбиваемся на пары, — крикнул Дагмар. — Фиар, ко мне!

Чем я провинилась перед ним? Даже классуха меня так сильно не дрючила после знакомства с моей излишне ревливой маменькой! Уж как она меня гоняла под великим знаменем «Я учитель с большим

стажем! Я же знаю, что ваша девочка может больше и лучше!» Классная подкупала маму лестными словами каждый раз, а потому после родительских собраний я получала не поддержку и понимание, а мороженое на палочке.

На «втором раунде» открылось новое дыхание и, пошатываясь, мне удалось подойти к физруку. Вот не зря ненавидела физкультуру всю сознательную жизнь! Неужели я купилась на его добренькое поведение на лестнице? Да он зверь! Мы стояли друг напротив друга, и, мне показалось, оба чего-то ждали. Я ждала новых вывертов, он, видимо, каверзу от меня. Если бы не кололо сердце, как молнией той ночью, наорала бы на него и ушла, не забыв хлопнуть дверью.

— Отрабатываем навыки ведения дуэли, — сообщил Дагмар. Я в этот момент вспомнила свою единственную «дуэль» и передернулась. — Фиар, нападай!

Напасть, конечно, не могла. Если бы я кинулась к преподу с кулаками, он бы этого не оценил. Вся доступная мне магия — элементарный рисунок. Вряд ли он будет ждать, пока что-нибудь придумаю и сделаю. Чего он от меня хотел? Прекрасно ведь знал, что я только поступаю и еще ничего не умею! Сглотнув, скосила взгляд на разбившихся в двойки парней и не понимала, что они делали. Огонь окружал их, как нечто естественное и осязаемое.

«Нечто естественное...» Зацепившись за мысль, подумала, что драконы в сказках «дышали» пламенем. Возможно, нечто подобное было в реальности, и Магнус тоже так мог? Если я теперь маг огня, то я тоже могу дышать огнем? Мое тело может? Раз пламя загоралось в ладонях, то что ему мешало вспыхивать на предплечьях и ногах, к примеру? Попробовать?

— Не отвлекайся. И сосредоточься на действительно важном, — посоветовал Дагмар, приглядывая за мной, словно мысли читая. — Огненный элемент является частью тебя, рожденной вместе с тобой. Не заикливайся на теле. Сосредоточься на душе.

Душа — слишком аморфное, расплывчатое понятие, чтобы на нем сосредотачиваться, в отличие от пылающего жаром сердца, источающего огонь. Тогда я закрыла глаза, вспоминая тренировку в библиотеке. Только энергию отправила не в ладони через предплечья, а в стопы через ноги. Сила вытекала из меня, но слабости я не чувствовала. Только долгожданную легкость, будто рухнула в постель

после долгого дня «на ногах».

Пламя взвилось из-под пола, объяв Дагмара. От неожиданности я отступила, оглядываясь по сторонам. Парни тоже прекратили дуэли, обратив внимание на нас. Физрука увидела, когда огонь улегся. Препод встал на одно колено, прижав скрещенные крестом руки груди и поджав к ним голову. Взглянув на меня исподлобья, он резко встал, выкинув руки вперед.

Воздушная труба помчалась на меня, как водный столп на Змея в библиотеке. На автомате сложила предплечья локтями и запястьями и развела их в стороны. Знакомый огненный щит трех циклов возник передо мной. Воздушная струя ударилась в щит, оттолкнув меня назад. Я выстояла, отставив левую ногу назад, входя в раж. Это лучше, чем любимая sega!

Огонь расходился пластами по краям щита. Дым распространялся вокруг, и я немедленно опустила руки, отправляя скопившуюся энергию назад. На Дагмара поплыла настоящая огненная лавина. Дымящаяся, пышущая жаром, смертоносная. Физрук крутанул руками, как боец кунг-фу, и огонь потух.

— Безвоздушная среда? — неосознанно спросила я. Дагмар кивнул. — Умно. Огонь без кислорода не горит. Бытовая химия.

— Занятие закончено, — физрук повел запястьями, подзывая всех к себе. Мы собрались вокруг него кружком. — Испытание Огня для Хельги Фиар завершено. Надеюсь, мне не нужно объяснять, что ничего не было, и никто ничего не видел.

— Мне нужно! — вспыхнула, как собственная магия. Гарь на потолке, оставшаяся от огненного столпа, взбудоражила меня. Или восхитила, что это сделала я сама и без чужой подсказки? — Какие-то проблемы? Что такого произошло, раз вы так отреагировали?

— Тебе я объясню отдельно. А что касается вас, — он обвел взглядом четверых парней. — Никому ни слова. Через несколько дней отправимся в военную академию. Только там она будет в безопасности.

В безопасности? Я? Какого?.. Из головы мгновенно вылетело все, чем жила последние два дня? Какая магия? Какие драконы и магитеррористы со всякими завучами? Что значило «только там я буду в безопасности»? Появилась какая-то проблема из-за моей силы (на самом деле «моя» магия принадлежала Клео, дракону). Мне срочно понадобилось с ним переговорить прежде, чем Дагмар сам что-нибудь

придумает.

— Почему тогда не улететь прямо сейчас? — предложил Змей, и я мысленно придушила его. Куда меня собирались снова «похитить»? — Сейчас, когда все расслабились из-за испытания и не ждут чего-то экстраординарного.

— Предлагаешь сбежать? — возмутился Тайлан.

— Предлагаю спрятать Хель прежде, чем ее сила выйдет из-под контроля. Ей нельзя долго находиться рядом с огненным истоком. Это слишком опасно, в первую очередь, для нее самой. Другие тоже пострадают, если она потеряется и не сможет контролировать силу. Нельзя этого допустить.

— Собирайтесь. Только тихо, — согласился Дагмар, не спросив моего мнения. — Затем собираемся здесь. Я пока объясню ситуацию Хельге, и мы присоединимся к вам.

Спустя одну лишь минуту мы с Дагмаром остались наедине, устроившись в комнате, которую я бы назвала тренерской. Несколько письменных столов, журнальный столик и кресла, в сторонке приютился буфет. Физрук уселся напротив меня, расставив ноги и наклонившись вперед. Его локти упирались в колени, а руки сцеплены в замок. Я, напротив, облокотилась на спинку кресла, положив ногу на ногу и скрестив руки на животе.

— Что все это значит? — фыркнув, сжала кулаки. — Почему испытание завершено, если оно длится четыре дня, а не два?

— Потому что тебя не существует. Как тебя зовут на самом деле? И кто твой отец?

— А кто моя мать узнать не хотите?

Не выдержала, нахамила. Вот чего он ко мне прицепился из-за такой мелочи, как подпорченный гарью потолок зала-полигона? Маленький кусочек всего (по сравнению с общей площадью). Разве для мага убрать мой косяк — сложная задача? Дагмар виду не подал, что его задело мое не совсем адекватное поведение. Вместо этого он выдал одну совершенно неожиданную новость.

— Я и так знаю. Майя.

Он ведь не мог назвать имя наугад? Чушь. Я прилетела из другого мира, и он не мог знать мою маму. Он прочитал мои мысли? Или воспоминания? Подсобравшись, посмотрела ему в глаза и присмирела. Либо он действительно не врал, что невозможно, либо... «твоя мама

точно знает, где ты». Откуда ей знать, по словам Клео, где я? Если только она не ушла из этого мира в наш. Поэтому ко мне прицепилось «проклятие» матери Клео, как к живому существу, обладающему магией с рождения?..

Мир разверзся на две половины «до» и «после». В одной жизни я была простой студенткой, притом не самой общительной. Во второй — магичкой, девушкой настоящего дракона. Только как разорваться между двумя ипостасями? Если моя мать, действительно, уроженка этого мира, то рано или поздно я бы все равно узнала правду и оказалась здесь. Без вариантов. Почему Клео ничего не рассказал? Почему молчал? Думал, что давно все знала?

Усмехнулась, чтобы не выдавать нервозности и накрывшей меня растерянности.

— Мне это имя ничего не говорит.

— Зато мне говорит наличие у тебя мощи огненного тотема. Майя была избрана высшими силами, и тебе, как ее первенцу, перешла особенная магия. Значит, Майя теперь свободна. Это радует. — Дагмар хлопнул в ладоши и рывком встал с кресла. Повернувшись ко мне спиной, продолжил. — Если тебя убьют, то мощь вернется к Майе. Этого я допустить не могу.

— Кто меня убьет? — неуверенно пропищала, не сдержав себя в руках. Страх давил на мозг, и мне не удавалось выпутаться из связавшей разум панической ловушки.

— Драконы. — Дагмар обернулся. — Огненная академия не просто так построена на полуострове, как и три других академии. Конфессионные тотемы, то есть огненный, водный, земляной и воздушный, связаны с источниками древней магии. Именно они держат щит, непроницаемый для драконов. Только эта магия не позволяет драконам уничтожить наше королевство. Война между королевством и империей длится уже несколько сотен лет и не спешит оканчиваться. Поэтому... никогда не доверяй дракону.

Кто врет? Дракон, который не убил меня за целый год? Или феникс, с которым знакома от силы сутки? «Действительно», кому же поверить?

— Я никуда не полечу! Будете принуждать, сожгу к чертям. После подумаю о превышении самообороны.

— Ты, кажется, не поняла критичности ситуации... — протянул

Дагмар, вмиг оказавшийся рядом. Он нависал надо мной, поставив руки на подлокотники кресла, в котором я сидела.

— Ты, кажется, нафантазировал и слишком много на себя взял, — голос рычал, выдавая явные угрожающие нотки. — Мою мать зовут Мария.

Тем не менее, я чувствовала превосходство. Если мне защититься не поможет огонь, то призову электричество. Пускай оно не отработано, но на крайний случай сработает как надо. Уж электрический ток, если верить моим остаточным знаниям из школьного курса физики, в безвоздушной среде существовал всегда. Главное выглядеть уверенно, а что подумает Дагмар — его проблемы, и меня они не касались.

Дагмар цыкнул и сел на корточки передо мной, не убирая ладоней с подлокотников. Мне пришлось сесть нормально, поставив ноги ровно друг к другу и прижав их к креслу. Дагмар оскалился, опустив голову. Челка, отращенная до длины основной массы волос, практически полностью закрывала серые глаза. В прорезях между иссушенными седыми прядями разгоралась радужная оболочка золотом.

Связанный феникс. В его возрасте, не думаю, что «золочение» — нечто невероятное.

— Невероятно, — будто прочитав мысли, прошептал Дагмар, подняв на меня золотые глаза, — но я рад твоему существованию, дорогая падчерица.

Падчерица? А не свихнулся ли он часом? Остаться в одной комнате с психопатом (да еще и с мужчиной-психопатом, который выше меня на две головы и значительно шире в плечах) крайне небезопасно, но и выползти из ловушки не так-то просто. Впереди закрывает «пусть к свободе» Дагмар собственным телом, по бокам — руками, а сзади мешала высокая спинка кресла. Патовая ситуация.

— О чем это вы? — спросила, отодвигаясь как можно дальше, вжимаясь в кресло. — Я не могу быть вашей падчерицей. Моя мама не выходила за вас замуж.

— Пока.

Мне совершенно не нравился тон, которым Дагмар разговаривал со мной, беседовал как с восьмилетним ребенком, недоумевающим, отчего в их с мамой квартире незнакомый мужчина появился с видом на жительство. Ересь сложившейся ситуации выдавала ложь физрука с головой, поэтому мне следовало опасаться только за себя, а не за себя и

за родителей.

— Я не понимаю. Все равно не понимаю. И не хочу никуда улетать, ни в какую неизвестность!

— Речь идет о военной академии в сердце континента, в столице королевства, — пояснил Дагмар, но его слова дали мне немного. Разве что испугали: уж в центре догадаются навести обо мне справки и даже поискать упоминания о моем существовании в любой глуши. Маги же! И — не найдут.

— И что? Разве это что-то меняет?

— Только то, что огненная академия находится на границе с империей драконов. Чуть дашь слабину, и драконы прорвутся в нашу страну и убьют тебя. Тогда защита падет.

Ложь. Он лгал, и каждое его слово фальшью отзывалась, как по нотам первоклашек музыкальной школы. Я не верила ни единому его слову и ждала удобного момента, чтобы поскорее сбежать.

— За тобой, должно быть, присматривают, — пробормотал Дагмар, отойдя и усевшись на край письменного стола. — Значит, полетишь как есть сейчас. Я сохранил старые вещи Майи. На первое время воспользуешься ими.

— Я никуда не полечу! — крикнула, подпрыгнув, и топнула ногой. Теперь, когда я встала, наши глаза были на одном уровне.

Прости, что? Физрук точно свихнулся! А может быть он действительно слегка того? Разве Дагмар не та «старая дева», о котором я слышала то ли от Змея, то ли из слухов толпы или еще от кого? Может быть магия связала его с какой-то женщиной и после двух месяцев проверки отказалась разрывать связь, несмотря на нежелание той несчастной возлюбленной? И за пролетевшие годы он банально свихнулся, а я просто-напросто слегка похожа на ту женщину?

Предположение показалось разумным, но я не спешила «падать в объятия» к псевдозащитнику (настоящий защитник помогал бы мне, а не полировал, как щит, для другой). Надо поскорее отыскать Эльву или Фрайю, чтобы одна из них (или обе разом) объяснили мне, что за огненный тотем, и почему он — это я. Уверена на все сто процентов, что «моя» сила, значительно превышающая норму, — это банально последствие энергетической связи с настоящим драконом (того самого проклятья матери Клео).

— Я не буду спрашивать мнения малолетней идиотки, —

усмехнулся Дагмар, но его усмешка звучала беззлобно. Он явно непервый год преподавал у нерадивой, вечно голодной студенческой братии и знал нас, как общипанных. — Ты пока сама не знаешь, что будет лучше для тебя самой. Только... все никак в толк не возьму. Где вы жили с Майей эти годы? Я искал, но Майя всегда побеждала в прятки, сколько бы лет нам не было.

— Мою мать зовут Мария! — выкрикнула, понимая, что лгу. Но я не имела права не поспорить с ним. Чисто из принципа.

— Не ври мне! — до рыка Дагмар не опустился, но улыбка чудесной ностальгии детства покинула его лицо. — Ты совершенно непохожа на мать. Если бы в тебе не плескалась ее сила, ни за что бы не признал в вас двоих родственные узы.

Мне стало его по-настоящему жаль. Свихнуться от искусственно навязанной любви — это ужасно. Надо подумать, как уберечь от такой жалкой участи Змея. Пускай я ни в чем не виновата перед ним, но до конца жизни буду ненавидеть себя, если не помогу ему справиться с жестокой напастью. Только бы своей помощью не натворить дел и сделать еще хуже.

— Я вообще с вами разговаривать не буду!

Популярное нынче «ой, все!» как можно лучше походило для завершения тупикового разговора — все равно каждый настоял на своем, и ему меня не переубедить. Скрестив руки под грудью и нахмурившись, вальяжно прошествовала перед ним в сторону выхода. Пусть знает, что ему не переубедить меня! Плотный поток воздуха сбил меня с пути и намертво зажал в пазах дверь. Ломанувшись к ней, как я не старалась открыть ее, не смогла. Только ручку сломала, и она упала к моим ногам, поверженная.

— Пусти меня!

— Я сказал, мы отправляемся немедленно. Как только парни вернутся с вещами...

— И где они?! — вспылила, не выдержав. — Мы тут уже с полчаса «разговариваем», а они никак собраться не могут! И это «первая» группа? Самые-самые сильные в этой академии? Они ведь и в прошлом году на «погружение» в военную академию летали, верно? И что, их не научили быстро собираться? Какая недоработка, скажу я вам! Недоглядели!

Дагмар резко переменялся в лице: хамское самодовольство словно

стекло с лица, с которого практически никогда не сходил подозрительный прищур глаз. Еще секунда, и в комнате я осталась одна.

Глава 9

Сорванная с петель дверь лежала за пределами комнаты, которую я назвала тренерской. Смену настроений я уловила мгновенно, но ее причины остались для меня загадкой. Ну, копуши его адепты, и что с того? Чего панику разводить на пустом месте?

— Еще и дверь сломал, — прищелкнула, припоминая бородатые шутки про бабушек на лавочке у подъезда. Не поверите, ни разу ни одной такой не видела собственными глазами! — Наркоман, наверное.

Зато дорога свободна, как и я сама! «Я свободееееен, словно птица в облаках!» Осторожненько обойдя дверь, перепрыгивая, поспешила выйти на улицу. Во внутренних лабиринтах сооружений ориентировалась на первых порах хуже некуда, а потому «главный холл» и «улица» были для меня главными ориентирами на местности. Хорошо хоть зрение быстро восстановилось, а то зуд опаленных роговиц и расплывчатое изображение на сетчатке глаза приносили немало неудобств.

Коридоры академии снова пусты, как тропинки кладбища в ночное время суток. Откуда я знала, раз сравнивала? А вот была однажды ночью на кладбище! Косила под гота, слушала дезметалл и строила из себя черти кого примерно с месяц. Правда довольно быстро мне это дело надоело (мой городок провинциальный, гота днем с огнем не сыщешь, а в одиночку по кладбищу ходить не айс). Даже дорогу спросить не у кого! И, как назло, коридоры казались бесконечными: мне никак не удавалось найти ни одну лестницу.

Злая шутка, честное слово! А не заколдовал ли меня незаметно Дагмар, чтобы не сбежала, пока он разбирался с копушами? Нет? Тогда я точно-точно не знала, в чем дело! Глаза меня (вроде бы) не подводили, и не было ощущения будто петляю, брожу по кругу, раз за разом возвращаясь в одно и то же место. Но что-то здесь было нечисто. Вот только что вызывало во мне недоумение и чувство неправильности происходящего?

Мертвая тишина.

Наконец, я услышала «это». Точнее не услышала ровным счетом ничего. Разве в, пускай пустом, коридоре днем могла быть абсолютная

тишина? Мой ответ — нет. Ночью полог безмолвия окутывает окружающее пространство, но только не днем. В ранние и дневные часы звуки, пускай спокойные, какие-то негромкие, практически несуществующие, шорохи всегда имели место быть... но не сейчас.

И я даже не удивилась, когда ко мне навстречу с той стороны коридора шел Он.

Он приближался — я стояла. Как отмерла, стала медленно пятиться назад, как рак Крылова. Он увеличил шаг, и я ускорила. В его руке вспыхнул голубой электрический кинжал, и я с визгом развернулась, убегая куда глаза глядят от укутанного в черный плащ мага-террориста, встреченного мною в библиотеке позавчерашней ночью.

Коридор не заканчивался, сколько бы я не бежала. Хуже всего то, что я не слышала ни топота, ни шороха шагов моего преследователя. Он будто затаился и ждал лучшего момента для нападения. Или он насмеялся надо мной, попавшей в его наверняка элементарную ловушку? Смеется хорошо тот, кто смеется с целыми зубами! Поскорее бы Судьба бумерангом выбила их ему! С удовольствием на это посмотрю. А пока остается только бежать и надеяться, что Бумеранг Судьбы подоспеет и кое-кому треснет хотя бы по ногам.

Стрекот молний заглушал все остальные звуки. Он нарастал, закладывал уши, и я неизбежно терялась, не в силах найти выход из ловушки. Сколько бы не говорила себя, что это только иллюзия, что в прошлый раз мне удалось уйти целой и невредимой, не верила собственным увещаниям. Я прекрасно помнила, что меня от смерти спас Клео, вытащив из-под треснувшего огненного щита в последний момент.

Бой один на один с ним мне не выдержать: нужно бежать как можно быстрее и дальше. Смогу ли спастись? Вот бы налететь на кого-нибудь живого мага и отвлечь террориста от себя. Он наверняка ждал, пока Дагмар уйдет из тренерской и я останусь одна. Дагмар — препод из военной академии, временно переведенный в огненную. Не потому ли он «вспыхнул», что парни должны были явиться своевременно? Но их что-то задержало... или кто-то... С ними точно все в порядке?

Черная тень проскочила сбоку и восстала передо мной. Я отшатнулась, на секунду остановившись, готовая развернуться и бежать назад, но теперь их было двое. Впереди и позади по террористу, слева и справа — стены коридора. Их на самом деле двое или второй всего

лишь иллюзия? Проверять на собственной шкуре не хотелось, но выбора другого не оставалось. Придется принять бой. Разрушив часть здания, точно привлеку стороннее внимание. Только расхлебывать за мной будет Клео...

В зале-полигоне мне успешно удалось атаковать Дагмара (не важно, что он смог защититься), поэтому предпочла позаботиться о собственной жизни, а не о последующих неприятностях. Маг-террорист спешил покончить со мной: и он за спиной, и его «тень» впереди сближались, зажимая меня посреди коридора. Неотвратно. Я закрыла глаза, чувствуя практически невесомые шаги с двух сторон и, когда огненная сила скопилась под каменным полом вокруг меня, отпустила.

Огонь проломил пол и взметнулся к потолку, заключая меня в круг, ограждая от мага-террориста. Рев пламени бил по ушам, но я старалась держать себя в руках и не пугаться подчинившейся мне мощи. Оступлюсь — проиграю. Проиграю — умру. С закрытыми глазами я почувствовала, как тень сгорела, но человек за спиной остался невредим. Он остановился в шаге от огненной стены и протянул к всполохам обтянутую черной перчаткой ладонь, будто грелся у камина после долгой зимней прогулки.

Пламя опало по мановению его руки. Я замерла, задрожав. Я не успевала даже обернуться, чтобы хотя бы попытаться парировать удар скрипящего электричеством клинка. На меня накатила волна, отдававшаяся штормовым ветром с привкусом гари, прежде чем картинка поплыла, словно при телепортации. Но не закружилась, а сотряслась и опала. Меня отбросило в сторону, смерч полетел передо мной, но он не задел исчезнувшего сизой дымкой мага-террориста.

Спину рвануло болью так, будто заработала себе перелом позвоночника. Но, придерживаясь за ту самую стену, в которую так неожиданно и болезненно влетела, подняться на ноги смогла. С той стороны более не удерживаемого злой иллюзией зала-полигона ко мне бежал Дагмар. На его белой рубашке отчетливо выделялись огромные кровавые кляксы и по мере его приближения я увидела, что черный пиджак, брюки и руки также залиты кровью.

Я успела только сделать шаг назад, оступаясь, как Дагмар появился рядом со мной, схватил за запястье и резво потащил на выход из зала-полигона. Дезориентированная, шла за ним, не разбирая дороги. В голове крутилась омерзительная мысль, что маг-террорист мог

навредить парням или даже убить одного из них. Разве мог иначе Дагмар вернуться в крови после фееричного исчезновения со сломом входной двери в тренерскую?

Следующее действие, отразившееся в по-кладбищенски пустом сознании, была смена дислокации. Меня вырвали из рук Дагмара, как плюшевого медвежонка, и прижали к груди. Перед носом зеленая рубашка Змея, в которой он был, когда мы впервые встретились в библиотеке, на брюках — тоже кровь. Я не вырывалась, примерно представляя, через что он прошел всего полчаса назад. Иногда человеку ничего не нужно, кроме искренней поддержки.

— Почему ты здесь? — резко спросил Дагмар, обернувшись. Стоя с прислоненной к груди парня головой, я могла видеть только ноги, обутые в ботинки.

— Стена обрушилась передо мной, — сказал, словно оправдываясь, Змей. Его голос настолько глух и хрип, что мне, будучи итак не по себе, стало еще хуже. — Я шел последним.

— Какая стена? — не понял физрук, а после секундной заминки до него дошло. — Что? Мы заперты в академии?! Где Ранхар опять штаны просиживает?! Кто вообще назначил его ответственным за безопасность пограничной драконам академии?!

На этом я отключилась от их разговора: голова шла кругом и мне хотелось немного отдохнуть от творящегося вокруг меня бедлама. Отстранилась и чудом сделала несколько шагов на ослабевших ногах, и буквально упала на длинный-предлинный охряно-рыжий диван. Жесткий, неудобный, с тонкой подушкой, брошенной у подлокотника, которую тут же подсунула под голову. Ноги все также свисали на пол: у меня не осталось сил, чтобы скинуть туфельки и поднять их на диван.

Будто из другой комнаты, до меня доносилась тихая, практически неуловимая на слух речь Змея о том, что произошло на самом деле. Трое его товарищей живут в одной, соседней его комнате. Собирая вещи, он вдруг услышал грохот проломившейся кровати и кинулся к ним, появившись в комнате лишь мгновением ранее самого Дагмара, который дал отпор магу-под-капюшоном. Пока оказывали первую помощь раненым, про меня забыли и Дагмар, и Змей, но не маг-террорист.

Характеристика его личности понемногу складывалась в голове, и я (стоило признаться) в чем-то соглашалась с Клаусом Ранхаром. Маг-

под-капюшоном — психопат, притом мстительный психопат. А это означало немного-немало «веселое времяпрепровождение» в ближайшем будущем. Мстительные психопаты ради мести с удовольствием задвигают свои цели ради сиюминутного «удовольствия». Мне конец, а завуч и рад: нашел живца для ловли преступника.

Голова трещала от пережитого, и мне наконец следовало отпустить от себя все неприятности и невзгоды. Разве могло произойти столько неприятностей всего лишь за двое суток? Или уже за трое? Надо срочно найти Клео и поговорить с ним прежде, чем меня утащат в какую-то непонятную столичную академию военного толка.

Пока я отлеживалась, думая о ближайшем будущем, фениксы додумались до совершенно неадекватных, с моей точки зрения, действий. Они решили созвать всех преподавателей и вытравить магатеррориста, как таракана. Ой, чую, влетит Дагмару за его самоуправство от завуча! Уж если мне влетело, то и ему тоже не поздоровится. Не тот характер у Клауса Ранхара, чтобы спустить поправление его работы и критику личности!

Собравшись с силами, меееедленно привстала, думая, как улизнуть из-под насильственной опеки, и прокралась ровно два шага, пока меня не замечали. Или делали вид, будто не обращали никакого внимания, занятые подготовкой к своим «охотничьим делам». Улизнуть не получилось — Дагмар толкнул в грудь, и я полетела спиной назад обратно на диван.

— Отдохни и не мешайся под ногами, — заявил он. — Я не собираюсь ловить мерзавца на живца.

А ведь Клаус Ранхар не преминул возможности использовать меня, как наживку, поэтому я с чувством долгожданного облегчения села на диване, когда услышала знакомую тяжелую поступь завуча, вломившегося в комнату, смахивающую на учительскую для отдыха. Этот мужчина был злой и понятный, а Дагмар... этот «фрукт» мне был непонятен с самого начала и до нынешних минут.

Его плотная с широкой костью фигура «шкафа», обтянутого черным костюм преподавателя, немедленно заполнила собою значительную часть пространства. От одного его присутствия мне становилось не по себе, но так лучше, чем если бы я снова осталась один на один с психически неадекватным фениксом, возомнившим себя

маминым возлюбленным и, соответственно, моим отчимом. Мне одного «брата» более чем достаточно!

Прежде чем Клаус Ранхар открыл рот, в комнату отдыха гордо вплыл Магнус Фиар. Тот самый Магнус, которого я встретила в кабинете ректора — полного важности и личного достоинства мужчину, увешанного золотыми украшениями, как одеждой первой необходимости воспитанница школы с религиозным уклоном при какой-нибудь захолустной церквушки. В мелких поселениях всегда нравы блюдятся строже, чем в больших мегаполисах, и частенько переходят грань адекватности.

— Хель, — тихо прошептал Клео, не выходя из образа самодостаточного засранца, и подзывая меня к себе протянутой рукой. — Уходим.

— Никуда тотем не пойдет! — рыкнул феникс. Повезло Змею: пока он кинулся собирать учителей, свидетелем начинающейся заварушки не стал. — Мы на границе с драконами! Вы с ума посходили, раз приняли тотем в огненную академию! Ей нельзя здесь находиться!

Клаус Ранхар так и застыл с чуть приоткрытым для ответного рыка ртом. Захлопнул его и перевел несколько пораженный взгляд на меня. Впрочем, Клео с ним оказался более чем солидарен. Для них обоих стало большим открытием, что я — огненный тотем. А значит, ложь это! Моя удивительная мощь — результат вливания драконьей силы и не более того. Вот только как объяснить это Дагмару, обходя стороной тему драконов? Он явно их недолюбливал.

Это, наверное, впервые, когда Магнус Фиар и Клаус Ранхар, оказавшись в одном помещении, не сцепились друг с другом. Именно чувство недоумения поражало каждого человека, входящего в учительскую, когда «драка» начиналась не между заклятыми противниками, а между Дагмаром и ими по одну сторону баррикад! Вот только они стояли у двери, все пребывающие свидетели жались по стенам, а я на диване за взбесившимся фениксом в дальнем углу комнаты.

— Дагмар Волхам, напомнить, на каких основаниях вас допустили в огненную академию? На правах адепта и преподавателя с неполной занятостью, — сказал, словно выплюнул, завуч. — О своей работе я позабочусь сам.

— Ранхарrrr...

— Заткнулся, — лениво выдал Клео, подозвав меня жестом. Неуверенно, но я обошла феникса и взялась за руку «брата», тут же прильнув к нему, ища защиты. — Я сам разберусь, что будет правильнее для защиты моей сестры.

Уж кто-то, а драконы мне точно не враги...

— Сестры? Какой сестры? Я ее мать с детства знаю, и знаешь что? Не рожала она тебя аж в двенадцать лет!

Свидетели приободрились, когда поперли ностальгические детские воспоминания о якобы моей матери, а по факту о женщине по имени Майя Длолли. Ее вспомнили все учителя, которые обучали хулиганку, и неодобрительно покачивали головами, поглядывая в мою сторону. Вот точно записали мне все грешки этой Длолли! А я к ней не имела никакого отношения и не собиралась иметь! Я вообще из другого мира на Черной Молнии прилетела... но этого, естественно, они знать не должны.

— Несчастная Длолли, — язвительно протянул завуч, явно намереваясь дать хороший психологический подзатыльник, — подающая надежды адептка и прекрасно справляющийся со своими обязанностями огненный тотем... Если бы не съехавший с катушек феникс, не сбежала бы, спрятавшись в далеком захолустье.

Взбесившись, Дагмар по-мальчишечьи кинулся на Ранхара. Другие преподаватели кинулись оттаскивать вспыхнувшего, как спичка, Волхама, а я смотрела на творящийся беспредел и продолжала тихо офигевать от происходящего. Давно я не видела настоящей драки! Еще со школы! С восьмого класса, когда парни из параллельного класса что-то там между собой не поделили. Невероятно. Детский сад вторая четверть!

Клео приобнял меня за талию и молча развернул на выход. В дверях нам встретилась ректор Лунн (она выпрыгнула, как черт из табакерки. Думала, поседею со страха) и пропустила нас, позволив уйти. А сама старуха Шапокляк вошла в учительскую наводить порядок и отчитывать нафантазировавшего сверх меры адепта-препода.

— Держись от него подальше, — прошептал Клео, наклонившись к моему уху, когда мы порядочно отошли от эпицентра неприятностей. — Дагмар Волхам, как бы это объяснить, не встретивший свою любовь феникс. Он женился, так и не создав магической связи с женой. Мне искренне жаль его сына. Парень мало того, что рос в омерзительной

атмосфере, так еще и терпит насмешки от сверстников-фениксов. В военной академии их учится... предостаточно.

— Он связан, — вдруг разболтала секрет. — Он скрывает золочение глаз. Иллюзией, наверное. Он показал мне их. Потом падчерицей назвал, якобы моя мама была огненным тотемом и его возлюбленной.

— Твоя мать... идеальный образчик возлюбленной феникса, — усмехнулся Клео, и я ущипнула его за бок. А вот нечего говорить о моей любимой маме гадости! — Ладно-ладно, не злись. Я не думал ни о чем плохом. Хотя наше знакомство с ней было фееричным.

— Правда? Как? — услышать что-то хорошее о маме удавалось нечасто. Уж слишком вздорным характером она обладала и ни разу на моей жизни не преминула показать его во всей красе, если выпадал случай.

— Позже. Сначала решим, действительно ли твоя мать была тотемом.

— Глупости! Мы ведь!.. Нет, быть того не может. Этот... Дагмар... Майя Длолли — моя мать?

Быть того не могло! Зачем тогда маме убежать из волшебного мира в наш, обыденный и серый? И, если она на самом деле была каким-то непонятным огненным тотемом до меня и при родах передала эту силу мне, то почему не рассказала? Она должна была понимать, что кого-то настолько важного (а эмоции физрука доказали мне, что тотем — это серьезно) когда-нибудь все равно найдут даже в другом мире! Даже, если открывать межмирные порталы достаточно сильны только драконы, которые как раз-таки якобы охотятся за тотемами!

— Просто проверим, действительно ли ты тотем. Если окажется, что да, то сольешь силу. Это сделать несложно.

Клео говорил легко и ненавязчиво, что мне даже хотелось согласиться — да, несложно. Но... разве это справедливо остаться без магической силы в наполненном волшебстве мире? Отдать все, не получив ничего взамен? И это после того, как меня силой вырвали из привычной среды, даже не предупредив? Обидки цвели и пахли, но вслух обвинять того, кому я стала иждивенкой, духа не хватило.

Лабораторного корпуса мы так и не покинули, хотя я предполагала несколько мест назначений: «золотая» комната, рабочий кабинет Клео, рабочий кабинет Клауса Ранхара или некоторое помещение, к которому

есть доступ только у старшего брата Клео. Меня разрывало от любопытства увидеть его настоящий облик: старик с тростью смотритель Мунн все-таки слишком стар, чтобы действительно иметь небольшую разницу в возрасте с Клео. Только это меня, в основном, и огорчало (не считая «похищения» без разрешения): сколько на самом деле лет моему Клео???

— Куда мы идем? — спросила, когда мы наконец остановились в темном тупике. Никакого освещения здесь, видимо, не предусматривалось вовсе.

— Источник силы огненной академии, — пояснил Клео. — Именно от него запитываются адепты, часть силы используя во время занятий и часть поглощая внутрь себя. Пока источник цел, в королевстве будут рождаться дети с огненной магией.

— И тотем создан для того, чтобы источник защищать?

— Верно? — я вздрогнула от низкого, басового голоса приближающегося к нам завуча. — Тотем... это кусок мяса, который бросают на растерзание врагу. Пока убивают одного, силу передают другому и так до бесконечности. Не зря же Майя Длолли сбежала, узнав истинную причину того, что тотемами становятся только молодые девушки немногим за двадцать лет.

— И почему же? — поинтересовалась и тут же вспомнила слова Дагмара про щит тотема. Силу забирают новорожденные дочери, и враг ни за что не догадается, кто на самом деле тотем, прежде, чем убьет щит.

— Думаю, ты и сама знаешь ответ на этот вопрос.

— Зачем мы идем к источнику? — меня била нервная дрожь, а Клео поддерживал, обнимая за талию и прижимая к себе. — Проверить как-нибудь по-другому нельзя?

— Можно, — усмехнулся завуч. Сначала меня ослепила белая вспышка, а затем знакомый треск электричества.

— Клаус! — возмутился Клео и утянул меня к себе за спину. — Ты обещал! Что больше не будешь использовать Хель, как наживку!

— Она идеальная жертва, — пропел завуч, и я сглотнула от его наудивление жуткого, но мелодичного голоса. — С таким личиком ей любой поверит, насколько бы глупо не звучали ее слова. Разве не потрясающая возможность обмана?

— Это... с вами я столкнулась ночью в библиотеке? — мой голос

звучал сипло, недоверчиво.

Черт возьми, я доверяла ему! Я искренне верила, что он настоящий глава безопасности академии, пускай и немного «жираф». До кого, как не до «жирафа» будут так долго доходить актуальные новости? У меня в голове не укладывалось, что именно он напал на меня в библиотеке той ночью и сегодня, стоило сделать всего два шага вон из тренерской. Должно быть, это какая-то шутка! Но шутниками ни один мужчина, ни второй не выглядели.

— За этой стеной находится ритуальный зал, — перевел тему Клаус Ранхар, указывая в глухую стену сверкающим в темноте кинжалом. — Войти в него может только тотем. Если не сможешь пройти сквозь стену, значит источник твоей силы в другом. И я обязательно выясню, в чем конкретно.

Клео приободряющее погладил по пояснице, и я кивнула. Насколько бы большой честью не была работа тотема, быть им (а особенно его щитом) мне не хотелось. Подобная «великая честь и слава» стоили бы мне гораздо больше, чем сулили в награду — я ведь, действительно, могла попрощаться с собственной жизнью, а то и навлечь беду на собственную семью. В первую очередь на маму.

Путь освещал сверкающий клинок, и я сделала первый шаг. Затем второй и третий, пока не оказалась рядом со стеной, являющейся проходом в таинственный ритуальный зал. Подняв руку, прикоснулась к стене и надавила на нее. Она не была жесткой, как камень, а скорее мягкой, как поролон. Задав в себе удивление, протолкнула руку вперед. Появилось ощущение, будто всунула руку даже не в поролон, а в мягкий бисквитный торт, щедро вымоченный медом и каждый слой густо смазан сливками.

Готовая войти, подалась вперед и с размаху улетела назад, жестко въехав спиной в стену. Клео тут же подбежал ко мне и присел, помогая встать. А я вспомнила, как совсем недавно въехала в книжный стеллаж, и повторению истории моя спина была ой как не рада.

— Хель не тотем, — жестко произнес Клео, как только мы встали.

— Нет. Но и не обычный человеческий маг.

— Не забывай, кто она, — с угрозой в голосе произнес Клео, но завуч его тут же осадил.

— Это ты не забывай, какую цену заплатил ради этой девчонки.

И снова вопрос цены, которую заплатили, по сути, именно за меня,

а не только за перевоз из мира в мир. Седой парень все больше вызывал сомнений и подозрений. Он мне еще в тот день не понравился, когда пристально смотрел на меня, оглядывая с макушки до пят, и я делала то же самое по отношению к нему. Боюсь, встретиться с тем парнем придется гораздо раньше, чем я планировала — никогда.

— Уж не забуду, — холодно ответил Клео, снова приобнимет меня. — Я придумаю что-нибудь, как объяснить ее силу.

— Не утруждайся. Просто признай ритуал кровосмешения, и проблем возникнуть не должно. Ты ведь стал ее старшим братиком...

Ритуал кровосмешения. Что за дикость? Но если признание этого ритуала поможет мне решить все насущные проблемы, включая явно необычный уровень магической силы, то пусть. Я-то от признания пострадать не должна... наверное. Обязательно! Не забыть уточнить у Клео, что это за штука такая — ритуал кровосмешения? Вдруг это что-то настолько гадкое, что даже ложно участвовать в нем нельзя?

— Не ревнуй, — с насмешкой отмахнулся Клео, уводя меня к выходу из темного коридора. — Увидимся позже.

А ведь классно эти двое придумали! Делают вид, будто терпеть друг друга не могут, а сами на самом деле чуть ли не подельники! И никто не догадается, что они заодно творят какую-то муть! Усмехнувшись, вспомнила разговор Змея и Дагмара. Первый рассказывал о том, что произошло с его друзьями, отправленными в больницу за пределами огненной академии. Неужели Клаус Ранхар ранил их по-настоящему?

Мое отрешенное состояние Клео заметил спустя несколько минут, но я отмахнулась задумчивостью и небольшой рассеянностью. Зато в учебном корпусе, который признала по знакомому оформлению холла, на четвертом этаже имелся кабинет самого Клео. Представляло собою подвластное пространство учебную аудиторию с одноместными столами в два ряда и широким проходом между ними. За кафедрой спряталась небольшая дверь, в которую мы с Клео вошли.

До этого момента мне еще не приходилось бывать в его рабочем кабинете. Маленькая, но светлая каморка вмещала в себя только стол, кресло за ним и два простеньких стула перед ним. Все стены заставлены книжными стеллажами, исключая небольшую краяху, отданную под дверной проем, и стену за спинкой кресла, которую целиком и полностью занимало окно с красно-коричневым осенним пейзажем на

улице.

— Ты случаем не по истории лекции читаешь? — с подозрением поинтересовалась у Клео, чувствуя подвох. История была вторым предметом после физкультуры, который я слепо ненавидела. — Если подумать, ты ведь не можешь показать свои истинные магические силы, верно?

— Умница, — похвалил он. — Других вакансий для теоретика не было, а искать другое место не хотелось. Как-никак брат уже обосновался здесь.

— Это правильно, — под нос согласилась я и присела на один из простеньких стульев. — Расскажешь, что вы с Клаусом придумали? По крайней мере, что касается меня. Не держи меня в неведении, или я с ума сойду!

Клео вздохнул и, сев в кресло за столом, сложил руки в замок. Его пальцы пафосно увешаны кольцами, а змеиный браслет притягивал взгляд, тая в себе неопределенной степени загадочности тайну. Меня пугало отразившееся в мимике его лица сомнение, но полученные ответы давали надежду, что все самое страшное позади. Я — не тотем. Значит все не так уж и плохо... А что касается Дагмара — так он просто-напросто слетевший с катушек феникс! Как мне вести себя со Змеем, чтобы его не постигла та же судьба? Именно о Змее напоминал мне золотой браслет на левой руке.

— Вряд ли. Я сам не знаю многих его планов, — разведя руки, Клео поставил локти на стол и, перебирая пальцами правой руки, продолжил разговор. — Я знаю только одно. Он не желает мне зла. А потому все совершенное им... Не злись. Он никогда не ранит тебя. Никогда не навредит. Обещаю.

Почему-то я сильно в этом сомневаюсь, сколько бы Клео не убеждал меня в обратном. Если Тайлан, Шенк и Дорак пострадали в самом деле, то доверять завучу не стоило ни в коем случае. Но мне пришлось кивнуть, чтобы не волновать Клео лишний раз. Об этом надо будет разузнать побольше у самого Змея: только он знает, как все было на самом деле, и насколько критична ситуация с его товарищами.

— Магнус... — позвала я, мысленно ударив себя по губам. Чуть было не назвала его «Клео»! Как потом объясняться с ним? — Что значили слова «ритуал кровосмешения» Клауса?

Называть «друга» своего парня в личной беседе «завучем» или по

фамилии казалось мне дикостью.

— На территории королевства в богатых материально и одаренных магически многодетных семьях был популярен один ритуал. Он увеличивал силы двух детей, замешанных в ритуале, в десятки раз. Но было одно условие. Оба должны быть рождены от одной матери и от одного отца. В последствии двое остаток дней проводили в супружеском браке, пока смерть не разлучит их и не отберет полученную ми силу.

— Тогда почему этим ритуалом не пользуются повсеместно? Алчные, жадные до власти люди почти стопроцентно продадут собственных детей ради влияния? — факт не увязывался логически с учетом имеющихся у меня познаний о мире.

— Процент успеха достигает трех тысячных. Выживаемость до сотой доли процента.

То есть, он хотел сказать, что выживает лишь одна пара из ста тысяч? Тогда неудивительно! Мало кто рискнет детьми ради призрачной надежды, когда их можно более удачно продать замуж или прикупить невесту. Кто бы что не говорил насчет свободы выбора, равных гендерных прав и всего подобного, даже в современном мире дети богачей связывают себя узами брака с теми, кто наиболее выгоден бизнесу их или их родителей.

— Нам ведь не придется проходить этот рискованный ритуал?

Клео усмехнулся.

— Нет. Не бойся. Там, где я родился и вырос, за такое всю семью казнят.

Я сглотнула. Ну и нравы! Или это мера устрашения, чтоб никто и не думал пытаться? Вряд ли кто из алчущих готов попроситься не только с жизнью двух детей, но всей семьи и собственной. Жуть, аж дрожь берет. Я не смогла смолчать и не спросить, как много людей (а точнее драконов) казнят в драконьей империи, и совершенно не ожидала получить тот ответ, который получила.

— Прошло лет четыреста с последней официальной казни, — поведал Клео, значительно успокоившись. — Знаю, что казнь все еще используется военным трибуналом, как высшая мера наказания. Не знаю подробностей. Лучше у Клауса спроси. Он военную клятву давал чистоты и преданности. Не я.

— В таком случае, все нормально. Почти, — реагируя на мои слова,

Клео нахмурился, и я тут же взяла себя в руки. — Не все средства стоят цели, Магнус. Я встречаюсь с тобой, а не с Клаусом, поэтому я закрою глаза на его выходки. На первый раз. Но больше никогда не защищай его передо мной. Ведь тогда я могу решить, что ты согласен с его действиями. Тогда... нам будет не по пути. Я не позволю надругаться над собой. Не брошу в беде, но уйду, когда моей бедой станешь ты...

Не слишком ли заумно донесла мысль: «ударить один раз — пошел к черту»?

Вздыхнув, Клео накрыл ладонью змеиный браслет. Золото под его пальцами нагрелось, стекло по запястью на стол и превратилось в две огромные серьги-метелки с одноглазыми змеями на замочке. Даже не так: камни, игравшие роль глаз змеи, стали головами. В серьгах, переплавленных из браслета, есть какой-то сакральный смысл? Иначе я не понимаю, что этим Клео хотел мне сказать.

— Одень их. Для драконов подарить серьги означает немного, а люди считают их свадебным подарком. Так безболезненно отделаешься от приставаний фениксов.

— От фениксов? — в недоумении отстранилась, облокотившись на спинку стула. — Связь создал только Зэлден...

— У Дагмара Волхама замершая привязка, феномен мало изученный. До сих пор неизвестно, почему это происходит с некоторыми фениксами. Если попадешь в беду, то просто позови меня. Я услышу и приду тебе на помощь.

Действительно, в беду я попадаю с завидным постоянством. Клаус в библиотеке меня чуть не изжарил до хрустящей корочки. В шутку! В гробу я видела таких шутников! От помощи отказываться просто-напросто глупо, и я мигом стала скручивать гвоздики из ушей. Сережки поддавались плохо, но я старалась изо всех сил, пока наконец не одолела их. Еще бы! В последний раз снимала когда? После первого сентября?

Массивные золотые метелки точно волшебные! В ладони их вес практически не ощущался и вряд ли сильно отличался от моих гвоздиков. Меня порывало поскорее найти зеркало и посмотреть, как они смотрятся на мне. С длинными волнистыми волосами темно-каштанового цвета, должно быть, чудесно. И не надо мне говорить, что подарки можно принимать только тогда, когда уверен в собственных силах расплатиться с дарителем чем-то равноценным! Уж после всего

того, что между нами было, от мужчины есть резон ожидать безвозмездного подарка с защитными функциями!

— Спасибо, — кивнула и обошла стол, обняв Клео за плечи.

— Просто не попадай больше в неприятности. Не хочу снова перед Клаусом за тебя извиняться.

Услышав про извинение, замерла. Что значит «перед Клаусом извиняться»? За что? Я не сделала ничего предосудительного, чтобы за мое поведение извиняться. Кажется, я слишком рано пустила отношения между нами в свободное плавание: ничем хорошим они могут не закончиться. Если Клео солидарен с Клаусом... если мне не сообщают то, что мне следовало бы знать... если от меня утаивают по-настоящему важную информацию...

— Спасибо, — повторив, отстранилась.

Одна фраза построила между нами стену, сравнимую с железным занавесом. Я только-только приняла решение довериться ему и его патриархальным замашкам, постаравшись смягчить их острые углы, научить его воспринимать меня как дееспособное сознательное существо, у которого есть собственные желания, отличающиеся от его представлений о них... И вот он всего лишь одной жалкой фразой портит все и ставит крест на нашем будущем.

Мне нужно добиться материальной независимости как можно скорее, или я просто сгорю. Фигурально выражаясь. Но как ее добиться, если даже в родном мире я, будучи студенткой, оставалась на обеспечении родителей? Мой личный заработок ограничивался университетской стипендией в пять тысяч рублей. На эти деньги только маленькие золотые гвоздики с небольшим цветным камешком купишь.

— Иди к себе в комнату. Темнеет, — предложил Клео, также поднимаясь из-за стола. — Можешь вернуться ко мне, если с истериками покончено.

Истериками?! Я не поверила своим ушам! Если бы Клео не стоял ко мне спиной, он бы точно поразился тем, в насколько глубокое офигение он меня вогнал! Сглотнув и поморщившись, взяла себя в руки. Мамочка у него, значит, волевая, с тяжелым характером. Она его что, в ежовых рукавицах держала, раз он срывался на мне даже с более частым постоянством, чем я попадала в неприятности. Даже сложное детство не извиняет его поведения!

— Сначала прогуляюсь немного. Мне нужно подумать, — обойдя

стол, забрала гвоздики с поверхности стола и сжала в кулаке, засунув его в карман спортивных брюк. — На меня очень многое навалилось. Не хочу вываливать эмоции на тебя. Тебе и так досталось от меня по самое «нехочу».

Ссориться с Клео — не лучшая идея. Засунув гордость в то самое место, спокойно ушла из его кабинета и даже не хлопнула дверью со злости. Ничего «просто» не будет и полностью полагаться на Магнуса лже— (или не лже-) Фиара не стоит. Аудитория все также пустовала, как и минут двадцать, в течение которых мы разговаривали с Магнусом Фиаром. Никакого больше ласкового «Клео» по отношению к нему!

Скоро я наверняка буду сидеть за одной из местных парт и учить незнакомую магическую науку в течение трех лет. Никто не спрашивал меня, хотела ли я этого, но, попробовав, вряд ли смогу отказаться. Но стоит ли магия той цены, какую за нее требуют? Стоит ли она моей свободы и моего будущего? Оно столь таинственно и покрыто мраком, что я даже не пытаюсь ничего загадывать наперед. Слишком неопределенный завтрашний день, что строить планы на послезавтра — кощунство.

Смеркалось. Когда наконец-то спустилась на первый этаж и вышла на улицу, совсем стемнело. Волшебные белые огонечки, как светлячки, парили повсюду, освещая тропинки, соединенные между собой пятью сооружениями. В самом центре огненной академии под землей располагался таинственный ритуальный зал, а над ним — большая беседка, которую заметила в первый же день.

В беседке никого не было, и я поспешила занять ее первой. Простая, казалось бы, типичная деревянная конструкция без изысков, но с растительным узором стенных перегородок под перилами и колонн, на которых держалась крыша. Дул легкий прохладный ветерок, вынуждая ежиться от холода, и только благодаря ему на улице не стояла гробовая тишина. Ветер посвистывал, как спящий сказочный дракон спал, похрапывая.

Откровенно говоря, я не знала, как мне быть и что делать. Сев на скамейку, откинулась на деревянный столб колонны, а затем и вовсе легла на лавку, как на гамак, подложив руки под голову. Мне не давало покоя подозрительное поведение большинства личностей, встреченных за последние несколько дней. До ужаса странный Магнус, который вроде и хочет что-то большее, чем просто реализация снов, но все равно

ведет к одному и тому же.

Но ведь не только он мучил меня. Уж с любовью я бы разобралась, но Клаус Ранхар-то? Сначала строил из себя террориста, готового перебить всех живых в академии. Потом — злобного завуча, второе имя которого звучит не иначе как халатность. Кого он изображал, защищая меня от Дагмара? Спеца по охране, как главы безопасности? Если бы я знала мотивы его действий, смогла бы хоть что-то понять.

А сам Дагмар? Дагмар Волхам? Феникс с замершей привязкой к некой Майи Длолли. И он утверждает, что Майя Волкова, моя мать, и есть та Майя Длолли, которая сбежала от него уйму лет назад. В чем логика? Мы с той женщиной похожи, и, по возрасту, я гожусь ей в дочери? Разве можно утверждать кровное родство лишь на основании внешнего сходства? Тогда все люди — родственники друг другу. Ведь у всех две руки, две ноги, голова...

Сумасшедший дом, а не огненная академия в самом деле! Перевернувшись на бок, устремила взгляд по ухоженным клумбам, расположенным между тропинками на площади газона. В сумеречной темноте угасшие цветы выглядели совсем мрачно. И почему мне в голову лезли такие пессимистичные мысли? Думаю о всякой трагической чуши! Разве не стоило подумать о чем-то более позитивном, вроде неудачного проникновения в ритуальный зал? Из-за этого Клаус Ранхар отказался от охоты на меня!

Но пессимизм ухватился за меня руками, ногами, лапами, клешнями или что у него там было, и шорох, а после и стук шагов по двум деревянным ступенькам беседки оповестил, что я больше не одна.

Резко сев на скамейке, я чуть было не ударилась затылком о деревянную перекладину: спина тут же напомнила о себе, прихватив за собой в «гости» головокружение. Либо мне реально не повезло собрать все шишки и встретить этого человека, либо кое-кто дожидался, пока я останусь одна. А вот это уже подозрительно!

— Добрый вечер, Ольга, — поздоровалась ректор Лунн. Каблучки ее остроносых туфель стучали по деревянному полу беседки. — Нелегко вам пришлось в последние дни. Находитесь меж двух драконов, как между двух огней. Драконы... — старуха взяла театральную паузу, — не те, кто готов идти брат на брата ради любви.

Клео... то есть Магнус, предупреждал, что она опасна. Но никто за последние двое суток ни разу не назвал меня моим родным именем! И

это... подкупало. Старуха Шапокляк знала, на что лучше надавить! Теперь ее внешность не казалась мне какой-то по-особенному ужасной. Обычная старушка в необычном, слишком модном для ее возраста наряде, сидевшем на ней как сюртук на смотрителе Мунн...

...она сказала, что Клаус и Магнус — братья? Разве не смотритель Мунн — старший брат Магнуса под личиной старика?

— Вижу, они не рассказали вам о кровном родстве между ними, — прошелестела, как осенняя листва, старуха и присела рядом со мной. — Мне известно гораздо больше, чем этим двоим оболтусам. Я прожила гораздо дольше их двоих вместе взятых и знаю о чем говорю. Я вижу, как вам больно от связи с младшим из братьев.

— Простите, но это мое личное дело, — фыркнула, отмахиваясь. Но слова старухи ударили по больному, попав точно в цель. — С Магнусом и нашими отношениями я сама разберусь. Некоторые ошибки должны быть совершены. И чем раньше, тем лучше.

— Волхам уже рассказал тебе, кем была твоя мать? — вдруг поинтересовалась ректор Лунн, и я передернулась, чего не смогла скрыть от нее. — Это я посоветовала Майе скрыться в мире, где магии нет и никогда не было по-настоящему. Только так я могла защитить огненный тотем от охамевших драконов.

Чушь! Если бы моя мама была настоящей волшебницей, она бы рассказала об этом хотя бы в детских сказках на ночь! Мама всегда гордилась собой, своими успехами и никогда, никогда не утаивала ничего грандиозного, если подобное случалось! Она даже мелкие победы коллекционировала, выставляя напоказ! Ей бы моральных сил не хватило скрывать нечто подобное всю мою жизнь!

— Мощь тотема достаточно велика, чтобы в одиночку пройти между мирами, — продолжила старуха, вызывая истерическую дрожь во мне. — Про «Щит тотема»... тоже правда. Именно поэтому тотемами всегда выбирают бойких девочек от восемнадцати до двадцати лет. Активные, бесстрашные девочки рожают щиты. Один. Два. Три. Чаще двух-трех детей, которые понятия не имеют, что созданы, в первую очередь, ради защиты своей матери.

— Мама родила меня...

— ...от мужчины, с которым уже двенадцать лет в разводе, — закончила старуха.

— Вы врете! — закричала, подскочив. Теперь я нависала над

ней. — Вы «прочитали» мое прошлое? Да? Точно! Иначе вы бы никогда не узнали, что отец работает в другом городе и редко приезжает домой.

Старуха Шапокляк глубоко вздохнула, но меня ей не провести! «Кто людям помогает, тот тратит время зря! Хорошими делами прославиться нельзя!» Прекрасный лозунг для таких, как она. Скрестив руки под грудью, сделала несколько шагов назад и облокотилась на стенную перегородку беседки. Перекладина с легкостью выдерживала мой вес, а потому я даже присела на нее, прислонившись спиной к косяку.

— Разве я говорила, что Майя родила тебя только ради одной цели? — лицо старухи искривилось в подобии улыбки. — Нет. Хочу донести до тебя факт, который пока еще неизвестен драконам. Ты являешься единственным щитом Майи. Ее единственным ребенком. Ее единственной слабостью. Как только ты умрешь, мощь огненного тотема вернется к Майе. И что же сделает любящая мать, ребенка которого убили? Она проломит дыру между мирами и явится сюда. Отомстить за тебя.

Ректор Лунн поднялась следом за мной и приблизилась. Нависнув, припугнула меня молчанием, и снова продолжила.

— Тот, кого мы называем Клаусом Ранхаром, опытный боевой маг и сын золотого дракона. Никакая мощь не позволит Майе выстоять против него, и когда она умрет... клетка, которую она закрыла, распахнется и выпустит на волю три десятка золотых драконов, запертых высоко в небе над моей академией!

Под конец ректор Лун гаркнула так, что я чуть не перевалилась через перекладину спиной в завядший цветник.

— Да, золотой дракон — это особенный дракон. Очень особенный. И отец этих двоих тоже среди невольников. Как думаешь, что он сделает, как только об этом узнает? Думаешь, он встанет на твою защиту? Или убьет собственными руками, чтобы поскорее встретиться с отцом, которого слабо помнит счастливым детским воспоминанием?

Из слов ректора Лунн я смогла вынести лишь одну правду: хоть так, хоть эдак — мне конец.